

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

№ 1 (756) 2019

9 770132 203600

Поэты России

Игорь КОХАНОВСКИЙ

Читайте на стр. 4

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№ 1 (756) 2019

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**

Наш сайт: **<http://unost.org>**

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

На первой странице обложки
работа Никаса САФРОНОВА
«Вера Холодная»

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ

Лев АННИНСКИЙ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Анна ГЕДЫМИН

Сергей ГЛОВЮК

Борис ЕВСЕЕВ

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Елена ИСАЕВА

Валерий КОЗЛОВ

Владимир КОСТРОВ

Нина КРАСНОВА

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Евгений ЛЕСИН

Юрий ПОЛЯКОВ

Георгий ПРЯХИН

Владимир РАДЧЕНКО

Ольга РЫЧКОВА

Елена САЗАНОВИЧ

Александр СОКОЛОВ

Борис ТАРАСОВ

Елена ТАХО-ГОДИ

Олег ТОЛКАЧЕВ

Игорь ШАЙТАНОВ

Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

ответственный секретарь

Сергей АРУТЮНОВ

заведующая отделом литератур
народов России и СНГ

Марианна ДУДАРЕВА

заведующая отделом критики

Елена МАКСИМОВА

главный художник

Ольга МАЛЬЦЕВА

заведующая отделом культуры

Татьяна МАХОВА

заместитель главного редактора,

заведующий отделами

прозы и поэзии

Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом

зарубежной литературы

Евгений НИКИТИН

заведующая отделом молодежи

Анастасия ПОПОВА

заместитель главного редактора,

заведующий отделом публицистики

Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора,

ответственный секретарь

Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

Поэзия

- Игорь КОХАНОВСКИЙ 4
- Ольга ДЕНЕГА 17

Проза

- Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ
- ТРЕЩИНА В ДУШЕ** ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ДРАМА 12
- Лина ВОЛЬНЫХ
- РОМАН КОРОЛЬКОВ И КО** ПОВЕСТЬ 20

Страницы Льва Аннинского

- НЕСРАВНЕННОЕ ЧУДО** О ПРОЗЕ ФЛЮРА ГАЛИМОВА 10

«Нестор-История» представляет

- Марианна ДУДАРЕВА
- РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ МАРИИ ЛЕВИНОЙ-ПАРКЕР «МАСТЕР СЕРИЙНОГО САМОСОЧИНЕНИЯ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ»** 15

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

- Серафин Эстебанес КАЛЬДЕРОН
- АНДАЛУССКАЯ ДУЭЛЬ** ПЕРЕВОД ЕВГЕНИЯ НИКИТИНА 99

Антракт

- Мария ВЕРНЕР
- ПРАЗДНИКОВ МНОГО НЕ БЫВАЕТ** 45

Книжный развал

- Олег ФЕДОТОВ
- ПРОЗА ПОЭТА** О КНИГЕ ВЛАДИМИРА КОВАЛЕНКО «ПО-ЧЕСТНОМУ» 89

На стендах «Юности»

- Марина МЕДВЕДЕВА
- SONO UN ILLUSTRATOR¹, ИЛИ ОТКРЫТАЯ ПАЛИТРА** ... 109

Былое и думы

- Александр ШЕЯНОВ
- ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ, ИЛИ ГАМЛЕТ С ТАГАНКИ** ... 92

Отдел юмора

Генрих ПАЛОЯН

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Ольга МАЛЬЦЕВА

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Борис ДАНИЛОВ

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Национальные образы мира

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ТАТАРСТАНА ПРИВЕТСТВИЕ МЭРА

КАЗАНИ И. Р. МЕТШИНА **53**

ПУБЛИЦИСТИКА

Аяз ГИЛЯЗОВ

КАЗАНЬ, МОЯ КАЗАНЬ! Очерк **54**

ПОЭЗИЯ

Рамис АЙМЕТ **59**

Алексей ЕГОРОВ **61**

Ркаил ЗАЙДУЛЛА **64**

Рузаль МУХАМЕТШИН **66**

Ленар ШАЕХ **68**

Луиза ЯНСУАР **71**

ПРОЗА

Рустем ГАЛИУЛЛИН

ДУРАЧОК Рассказ **73**

НАСЛЕДИЕ

Гавриил КАМЕНЕВ **77**

О ПОЭТЕ Эдуард Учаров и Галина Булатова **77**

Творческий конкурс

София АГАЧЕР США **102**

Элен КОРО г. Москва **106**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ **118**

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Роман ИСКАЕВ

СКОЛЬЗКАЯ ДОРОЖКА. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЛОСКОСТЬ ... **123**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ЕГО СЛОВА ДА БОГУ В УШИ! **127**

ЖАЛОБНАЯ КНИГА. ЗОНЛ

«ПОДАРОК ПРИНЦЕССЕ.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ» **128**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в издательстве журнала
«Юность».

Москва, ул. Тверская-Ямская, д. 8.

Тел./факс: +7 (499) 251-31-22,

+7 (903) 278-96-35

E-mail: anna.centre@mail.ru

Тираж 3 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Игорь КОХАНОВСКИЙ

Игорь Кохановский родился в 1937 году в городе Магадане, где отец тогда работал в системе «Дальстроя». В том же году семья возвратилась в Москву.

В 1960 году окончил МИСИ имени В. В. Куйбышева. Первые четыре года работал по специальности — строил микрорайон Химки-Ховрино.

С лета 1964 года перешел на журналистскую работу: сначала внештатно в газете «Московский комсомолец», а с 1965 по 1969 год — в газете «Магаданский комсомолец».

В 1968 году вышел первый сборник стихов в Магаданском книжном издательстве.

Автор пяти поэтических сборников.

ИГРА НА ВЫЛЕТ

Поэма

Иных судеб пересечение —
слепого случая игра —
не помнится через мгновенье,
как недостойная мура.

Но небанальное начало,
красивое, как пируэт,
как будто смело обещало
им долговременный сюжет.

Она — милашка и уфимка,
он — сноб, москвич и ловелас...
Их встреча стала как заминка
с намеком призрачным на связь.

Она ему шутя призналась
в придуманной ею любви,
в стихах представив эту шалость,
не побывав с ним визави,

а лишь его услышав песни
и прочитав его стихи,
что были чуточку известней,
чем ловеласовы грехи.

Она держала скромный бизнес,
и сам Париж бывал готов
предоставлять ей даже в кризис
модели шляп любых сортов.

Владела кое-как французским,
ну а Париж, как Мекку мод,
любила истинно, по-русски,
как вкуса высшего оплот.

Еще она писала песни
и исполняла их сама,
они, без всякой лишней лести,
бывали недурны весьма.

На почве песен, между прочим,
знакомство их и началось,
прельщая замыслом порочным,
где секс таит свой наглый спрос...

Она — лихая бизнесумен,
он — рифм слуга и бонвиван...
Их вечер был слегка безумен,
суливший бешеный роман.

Он пригласил ее на ужин,
ну а потом — к себе домой...
Она была ему послушна,
хоть видела его впервой.

...Рекой лилось киндзмараули...
Симпатий вспыхнувшая власть
велела, чтоб они нырнули
в соитъя пагубную страсть...

Но не случилось. Их несходство
безумья снизило поток...
...Она играла в благородство,
а он был признанный ходок.

Она хотела светской дружбы,
бесед о таинстве стихов...
Ему другое было нужно —
альков и без обиняков...

Он видел в ней шальную самку,
и не скрывал свой интерес,
и не хотел играть в обманку
и сразу вел упрямо в секс.

Атака поцелуев долгих
склонила к близости почти...
Но спрятанное чувство долга
ее заставило уйти.

Она была замужней дамой
с набором вычурных манер,
считавших, что так, сразу, прямо
нельзя бросаться в адюльтер.

И убеждала бонвивана,
что секс с ней нанесет, ей-ей,
его душе такую рану,
что проклянет он близость с ней.

Его природное беспутство
тут возмутилось вихрем бурь...
Провинциальное занудство
его взбесило, словно дурь.

Он высмеять решил зануду
соленой шуткой площадной,
представ попутно на минуту
как греховодник записной.

Черкнул прикольное условие
ей на имейл, почти картель:
«Ты дай мне справку о здоровье
пред тем, как лечь со мной в постель,
раз ты призналась мне невольно,
что мне от близости с тобой
невыносимо будет больно,
и я замучусь, как больной...»

Он ждал ответа, как обратку:
мол, и тебе бы, дуралей,
мне предоставить надо справку,
что со здоровьем все о'кей...

На этот пас крутого стёба
он и рассчитывал в душе,
но победила просто злоба
на столь фривольном кураже.

Подначка крепкого посла
была не понята мадам,
ибо прикол на грани фола
был явно ей не по зубам.

Сегодня модно оскорбляться,
и вот уже прикольный стёб
стать может верхом святотатства,
как будто в каждом спрятан поп.

И вспыхнул гнев провинциалки
базарной склочностью словес
в безудержности перепалки,
словно в нее вселился бес.
Он попытался было ловко
стихами женский гнев унять,
но эта милая уловка
не повернула ссору вспять.

Она на грубость нарывалась,
несла такое, е-мое,
такую гнусь, такую гадость,
что стыдно было за нее.

Ему, конечно, было жалко
ее, глупышку, но потом
он понял, что пора на свалку
отправить этот весь дурдом.

Их эсэмэсками азартно
недолгий завершился бал...
Все начиналось так занятно,
и так уродлив был финал.

Ведь зарекался не однажды:
с провинциалками — ни-ни,
они воспитаны неважно
и дурновкусию верны.

А вкусом обладать хорошим
во взглядах, навыках, во всем, —
важней, нужней и даже больше,
чем обладать большим умом.

Провинциальные же нравы —
обычно скучный моветон,
заметный, словно оттиск травмы,
возникшей века испокон.

Превратно понимая блага,
они всегда держали курс,
как на огни универмага,
отнюдь не на высокий вкус.

Конечно, стёба дерзкий выверт
обидчив, груб, лукав и зол,
рисковый, как игра на вылет,
но обалденный, как прикол,
увы, не оцененный дамой,
а зря, прикол предполагал
не ссору в стиле мелодрамы,
а шанс ответа наповал...

Был пошлomu скандалу близок
мотив разрыва напрочь, вдрызг...
Лишь память бередил, как призрак,
как отблеск тайны одалисок,
ее губ натиск и изыск...

Он не корил себя нисколько,
что вляпался, как в анекдот...
И все ж в душе саднило горько
за столь нелепейший исход.

Его прикол был тем посылом,
что пустошь будней заполнял
и вывертом своим постылым
смирал тоски девятый вал.

Ему банально было скучно,
и дабы скуку укротить
он случай приспособил ушло
взбодрить самца святую пруть.

Хотя, коль уж признаться честно,
избыв корректности елей,
когда столь двое несовместны,
разрыв чем раньше, тем верней.

Он мог свалиться в штопор секса,
их разделял один шагжок
от жадной прихоти рефlekса,
но Бог, как видно, уберег.

Да, уберег от самоедства,
от неминуемой тоски,
когда душа взыскует средство
не распадаться на куски,

когда, как прежде, невозможно
возлюбленной в глаза смотреть,
когда двойной игры негожей
невыносима кривды клеть,
когда как будто смутно слышишь
укор единственной своей
и прочь бежишь по воле свыше
от самой гнусной из затей...

Похоже, есть промысел Божий,
он и спасает в миг, когда
в безвременье и в бездорожье
слепая близится беда;
он бережет от искушенья,
смиряет вожделенья шквал,
готовый враз, без промедленья,
в секс броситься, как в карнавал;
он словно повернет сознание,
на похоти поставив крест,
как будто чувствует заранее
заснувшей душеньки протест.

И вот свалившемуся в штопор
дается выход из пике,
чтобы блудливой плоти шепот
уж не держал на поводке,
и с грешною душою чтобы,
как с незабвенною зазновой,
не оказаться в тупике.

Страницы Льва Аннинского

НЕСРАВНЕННОЕ ЧУДО

Читая Галимова

У него «Весь мир — несравненное чудо».

Полтораasta громких публикаций принесли Флюру Галимову репутацию признанного прозаика: он лауреат премий Уфы, Стерлитамака, Челябинска, а главное, имеет славу лучшего автора современной литературной Башкирии.

Неудивительно, что новый его роман, первая книга которого названа не без загадочности: «Вкус запретного плода», — вызывает острый читательский интерес и неоднозначные мнения.

Попробуем это чудо на вкус?

Действующих лиц — трое. В центре — Салават, по бокам — две влюбленные в него красавицы. Одной имя Лилия — на одной успешно женится, другая — Зульфия — владеет его сердцем. И в нее он противозаконно влюблен.

Между любящими его соперницами — лютая ненависть. Однако и сам герой находится в дуалистической ситуации: «Когда вспыхнула, словно огонь, в его сердце любовь к Зульфие и душа, опьяненная вином страсти, вознеслась к небесам, и до самого этого момента, Салават искренне верил: Лилия с Зульфией будут принадлежать ему одновременно. Пусть пока противятся его воле, но потихоньку Лилия свыкнется с существованием соперницы, перестанет ерепениться, со временем примет ее».

Как принято решать такие конфликты в нашей классике? У Достоевского, Тургенева? Надо понять, где чувство истинное, а где расчетливое. Или плотское — без участия души. Где Вронский, а где Каренин.

А если с обеих сторон — неистребимая страсть, коренящаяся в природе человека? Она неистребима, и непреодолима ненависть между «соперничающими душами».

Исходя из современной традиции — найти, где истина. Как решали бы в прошедшем веке... Во времена Толстого и Чехова. Или, лучше сказать, во времена Ленина и Сталина, чьи имена — на одной мавзолейной вывеске.

Честно сказать, в этих выкладках больше инженерного скрипа, чем обаяния художественности. Во всем

галимовском повествовании только один эпизод кажется мне художественно неопровержимым — это когда покалеченный в Афгане Салават лежит под остриями наших медицинских спасателей и гадает, спасут ли они его или спишут в потери. Он лежит под ножами медиков и мыслит себя под каналами спасительной психоэнергетики. Она спасительна и для него лично, и для его родного башкирского народа, чья истинность доказывается даже посреди нынешнего беспощадного мира.

Все эти эпизоды — лирическая фитотерапия. Скорее всебашкирского, чем всечеловеческого масштаба и прицела. И уж точно — не всероссийского. Предком своим Салават мыслит легендарного башкира Салавата Юлаева, участника пугачевского восстания и непримиримого противника карательной царской всероссийской армии.

Жизнь может окончательно избавить человечество от природной агрессивной сути. Он в эту возможность верит.

Жизнь продолжалась. Семейная лодка Салавата и Лилии даже после страшных ударов цунами не опрокинулась, поплыла дальше по океану жизни. И все-таки бури, ураганы и цунами не проходят бесследно. Более того, временами напоминают о себе. В один из спокойных и умиротворенных дней Салавату неожиданно позвонила Зульфия и огорошила известием: «Я тебя до сих пор люблю, вот и звоню... Скажи, выходить мне замуж или нет?» Оказалось, ее полюбил руководитель отдела безопасности крупного завода. Что ей мог ответить Салават? Лишь благословил: «Будь счастлива...»

После стольких потрясений Салават с Лилией испытывали необыкновенный душевный подъем, даже эйфорию. Им казалось, что они наконец постигли смысл жизни. Можно сказать, Чудо жизни.

Автор искреннего повествования показал несравненное ни с чем чудо, чудо жизни. Неслучайно в конце первой книги и дается рождение, которое не просто важно для сюжета, а символически значимо.

Что будет с этим чудом дальше, он не знает. Но побуждает нас думать о том, что предстоит нашей Истории в ближайший век.

И за это мы ему признательны...

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ

Иосиф Райхельгауз — народный артист России, создатель и художественный руководитель Московского театра «Школа современной пьесы». Режиссер, актер, писатель, профессор, руководитель режиссерской мастерской ГИТИСа. В «Школе современной пьесы» играют исключительно произведения современных русскоязычных драматургов, которые ранее никогда и нигде не ставились. Так что «ШСП» — театр мировых премьер. В нем Иосиф Райхельгауз поставил более 50 спектаклей. И еще столько же — в других театрах России, Турции, Америки, Германии, Швейцарии, Франции и Украины.

Родился в Одессе. Учился в разных городах — Одессе, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Москве. Окончил ГИТИС — мастерскую А. А. Попова и М. И. Кнебель. Преподавал в высших учебных театральных и кинематографических заведениях США, Швейцарии, Израиля, Италии. Режиссер-постановщик многих художественных телефильмов и документальных лент, создатель и ведущий разнообразных телевизионных проектов и радиопередач.

Автор нескольких книг, в том числе неоднократно переиздаваемого бестселлера «Мы попали “в запендю”», многочисленных рассказов и эссе, опубликованных в журналах. Инициатор создания и худрук Международного конкурса современной русскоязычной драматургии «Действующие лица» и программы «Класс молодой режиссуры». Блогер радиостанции «Эхо Москвы», колумнист газеты «Московский комсомолец». Имеет высшие государственные награды России и других стран, в том числе Украины, Болгарии, Турции. Лауреат престижных российских и международных театральных премий. Увлекается экстремальными путешествиями на разнообразных видах транспорта — от мотоциклов и квадроциклов до лошадей и багги, о чем написал книгу «Прогулки по бездорожью».

ТРЕЩИНА В ДУШЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ДРАМА

Театр закрыл сезон. Начался отпуск. Решил провести его в родной Одессе: у меня там небольшая уютная квартира окнами на море в квартале «Чудо-город». Поехал машиной — маршрут привычный: Мо-

сква — Киев — Одесса. Трасса достаточно свободная, тем более что к путешествию я подготовился. То есть подготовил небольшую стопочку 500- и 1000-рублевых купюр, которые выдавал по пути следования россий-

ским и украинским гаишникам, пограничникам, таможенникам и снова гаишникам. И было за что: хотелось доехать быстрее, а за скорость нужно платить. Но не это тема сегодняшнего рассказа. Тема — душевная. То есть душевая.

Лет пять тому я впервые вошел в бетонную коробку, которая называлась «квартира без отделки», и по замечательному проекту моих детей-художников стал доводить ее до пригодного к жизни состояния. В частности, в небольшую ванную комнату нужно было поместить раковину, унитаз, душевую кабину (она и станет героиней сегодняшней повести).

Мы приехали в магазин «Эпицентр» на Люстдорфской дороге, где представлены десятки или даже сотни стеклянных и пластиковых кабин, поддонов, ванн, умывальников... Бродили среди этого великолепия, соотнесли цену и качество и наконец выбрали. Не самую дешевую, но и не самую дорогую, зато очень красивую, с затемненными полукруглыми стеклами и витиеватой дугой поддона...

И вот теперь, спустя пять лет, я вошел под душ и увидел в поддоне небольшую трещину, через которую вода вытекала прямо на пол. Пока ждал сантехника, смотрел из окна своего 13-го этажа на море: оно сверкало всеми оттенками цвета морской волны.

Сантехник Сережа, тактичный, интеллигентный, высокообразованный молодой человек, явился по первому звонку и тут же поставил диагноз: трещину отремонтировать невозможно. Нужно покупать новый поддон. Мы договорились, что утром я схожу на Малиновский строительный рынок и куплю поддон — угловой, дугообразный, 90х90. Сразу огласил временную таксу: 100 гривен в час (около 500 рублей). Работы здесь часа на два — то есть почти бесплатно.

На рынке в первом же магазинчике-контейнере оказались поддоны только 80х80 и 100х100. Позвонил Сереже: он еще раз перемерял и подтвердил — 90х90. Но именно в этот день именно этого размера не было ни в одной торговой точке рынка. Потратив на поиск часа полтора и совсем отчаявшись, я обнаружил где-то совсем на окраине крохотный павильончик. Его хозяйка, назвавшая себя Раей, предложила проехать «на поселок Котовского» (другой конец города), где на складе лежат три «вот этих самых» поддона — новенькие, «еще не распечатанные». Мы поехали. Раскаленная июльская Одесса. Пробки. Ремонт всех дорог и всех улиц. На складе мою спутницу встретили, как встречали, наверное, Валентину Терешкову после известного полета. Раечка, оказывается, ездила в Россию к детям и внукам, путешествовала по Золотому кольцу и привезла оттуда море впечатлений.

Я стоял неподалеку среди залежей унитазов, моек, душевых и, конечно же, поддонов. Когда минут через 40 обо мне вспомнили, выяснилось, что 90х90 на складе нет. Это устаревшие сведения из устаревших компьютерных данных. Но нет худа без добра. Этот же складской компьютер сообщил, что поддон 90х90 точно есть все на том же Малиновском рынке в контейнере К174, который я как-то раньше не заметил.

Все по тем же раскаленным, перекрытым ремонтом дорогам мы вернулись на Малиновский рынок. В контейнере К174 поддон 90х90 был. Но он служил основанием для душевой кабины, выставленной на обозрение покупателей. Продавцы отделить поддон от кабины отказывались. Я их убеждал логически и убедил экономически. Не прошло и двух часов, как упакованный угловой дугообразный поддон 90х90 оказался в моей квартире с окнами на море в «чудо-городе» Одессе.

Было часа четыре дня. К этому времени сантехник Сережа размонтировал старую душевую кабину, оторвал от стены и пола треснувший и отслуживший свое поддон и стал устанавливать на его место новый, только что купленный на Малиновском рынке.

Я решил наконец позавтракать и отправился в магазин. Пока лифт спускался с 13-го этажа на 1-й, позвонил Сереже и попросил вернуться, так как поддон не подошел. Оказалось, что размер того, с трещиной, не 90х90 а 94,5х94,5. Да и дуга у нашей кабинки круче.

Сережа упаковал новый поддон, и вместе мы поехали на Малиновский рынок менять его на нужный нам размер.

Ровные ряды контейнеров-магазинов Малиновского строительного рынка правильно пересекались друг с другом, как пересекаются Дерибасовская и Ришельевская, Екатерининская и Малая Арнаутская в моей любимой Одессе. Но если пересечения родных улиц я найду с закрытыми глазами, то найти нужный контейнер и с открытыми оказалось почти невозможно. В течение полутора часов при почти сорокаградусной жаре мы искали и, наконец, нашли, куда сдать поддон. Теперь оставалось найти другой — нужного размера. Мы снова и снова обходили магазины, павильончики, контейнеры, навесы, склады и везде слышали: «Поддонов 94,5х94,5 НЕ БЫВАЕТ. Бывает! — возмущался Сережа. — Я сам перемерял!» Кто-то из продавцов уверил, что такой поддон можно найти в магазине «Эпицентр». Я вспомнил, что именно в «Эпицентре» мы и приобрели пять лет назад замечательную душевую кабину 94,5х94,5. Было около шести. Мы поехали в «Эпицентр».

Европейский уровень, прохладный кондиционированный воздух. Вежливые продавцы-консультанты в форменной одежде и бейджиками на груди. Стройные

ряды унитазов, умывальников, поддонов... Первый же консультант проконсультировал: поддоны 94,5х94,5 выпускаются только под эксклюзивные кабины, да и кабины такие не выпускаются уже лет пять... Из чего я сделал вывод, что тогда мы купили последнюю эксклюзивную кабину с поддоном 94,5х94,5...

Сантехник Сережа не унывал. Скорее, наоборот. Его охватил профессиональный сантехнический азарт: он предложил снова купить поддон 90х90, а 4,5 лишних сантиметров кабины спилить, обрезать, утопить в стене...

Купили новый поддон. И повезли на встречу со старой, но очень красивой кабиной.

Доехали. Внесли. Распаковали. Примерили. Сережа начал пилить кабину... Не получилось.

Я почувствовал легкое головокружение и другие симптомы тяжелого психического расстройства. Сережа огласил вердикт:

— Эту кабину и старый поддон с трещиной нужно выбросить. Новый поддон вернуть в магазин. Там же, в «Эпицентре», купить новую недорогую кабину с поддоном и установить.

Я согласился. На часах семь часов вечера. «Эпицентр» закрывался в восемь. Мы помчались. Сережа занял очередь в отдел возврата. Я пошел на знакомую аллею унитазов, кабинок, поддонов. Продавцы-консультанты продавали и консультировали.

— Эта кабина дешевая, но плохая...

— Эта хорошая, но дорогая...

— Эту — рекомендую. У нее сейчас акция. Дороговата, но очень красивая и очень прочная!

Для убедительности консультант ударил кулаком по стеклу. Стекло не шелохнулось.

Вернулся Сережа с деньгами за сданный поддон. Я оплатил покупку, и к нашей машине выкатили две картонные коробки — поменьше с очередным новым поддоном и побольше — со всеми деталями и стеклянными стенками душевой кабины. В этот день мы стали последними покупателями в «Эпицентре».

Подъехали к дому. Разгрузили. Внесли обе коробки в подъезд, погрузились в лифт. Доехали до нашего 13-го (!) этажа. Вынесли из лифта поддон, взялись с двух сторон за коробку с кабиной — Сережа сделал резкое движение, коробка выскользнула из моих рук. Раздался звук, сравнимый с тем, который издает разгружаемый с КамАЗа щебень...

Сережа предложил открыть коробку и посмотреть, что осталось. Я предложил ничего не трогать и расстаться до утра. Прежде чем расстаться, Сережа посчитал, сколько я ему должен. Выяснилось, что он потратил на меня 12 человеко-часов. Мы умножили это на 100 гривен...

Вошел в квартиру, долго смотрел в окно. Море. Корабли. Утопающий в зелени любимый город.

Сережа пришел в шесть тридцать утра. Я не спал. Мы открыли большую картонную коробку и обнаружили, что все не так плохо. Разбилась только стеклянная дверца, а вторая половина кабины со всеми направляющими, роликами, резинками оказалась цела и готова к монтажу на новом поддоне.

Сережа огласил порядок действий.

— Ставлю новый поддон. Собираю кабину, но без двери. Мыться можно, только аккуратно, поскольку вода будет разливаться по всей ванной комнате. Завтра с утра поеду в «Эпицентр» и куплю стеклянную дверцу, привезу ее и поставлю на место.

Через несколько часов, в очередной раз расплатившись с Сережей, я впервые за последние сутки принял душ на новом поддоне в новой кабине без дверцы.

На следующий день, побывав в «Эпицентре», Сережа сообщил, что дверцы продаются только в комплекте, а комплект можно заказать на складе в Варшаве, откуда его перевезут на склад в Киев, и где-то через недельку все это окажется в Одессе.

Прошла неделька. Еще три дня. Еще день. Позвонил Сережа, который выяснил, что наших кабинок больше не выпускают. Нет их ни на складе в Варшаве, ни в Киеве, ни в Одессе, поскольку это был эксклюзив. И выход один — еще раз поехать в «Эпицентр» и купить новую кабину с новым поддоном, так как продаются они только в комплекте.

Заканчивался отпуск. А с ним и отпускные.

Я попросил Сережу зайти. Он не заставил себя ждать.

— Сережа! Где старая кабина и старый поддон с трещиной?

— У меня в подсобке.

— Предлагаю: новый душ с поддоном разобрать и выбросить. А старый вернуть на место. Трещину заклеить и установить на жесткое основание. Это возможно?

— Конечно. А что же вы сразу не сказали?

— Когда сразу?

— Три недели тому назад, когда увидели трещину в поддоне?

— Это же вы сказали — ремонту не подлежит!

— Я? Да не может быть... Сейчас все сделаю.

И сделал. Я умылся в старом душе с едва заметной трещиной в поддоне. Рассчитался с Сережей.

Отпускные закончились. Осталась совсем мелочь, которую нужно будет отдать автоинспекторам, пограничникам, таможенникам по дороге из Одессы в Москву.

Выглянул в окно. Сильно штормило. Отпуск кончился.

Марианна ДУДАРЕВА

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (досрочно). В настоящее время является преподавателем кафедры русского языка № 2 ФРЯ и ОД РУДН, заведующей отделом литератур народов России и СНГ журнала «Юность». Автор более 100 научных статей о русской литературе и фольклоре и монографий «“В один голос”: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского» (2016), *Mortality in Russian literature* (2017), «Ни то ни се. Неправильное литературоведение» (2017), «Поиски “иног царства” в русской литературе XIX — начала XX века: фольклорная эстетика» (2018).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ МАРИИ ЛЕВИНОЙ-ПАРКЕР «МАСТЕР СЕРИЙНОГО САМОСОЧИНЕНИЯ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ»

Дорогой читатель, поздравляем вас с новым годом и в качестве подарка от редакции предлагаем новую рубрику от известного издательства Санкт-Петербурга с самыми горячими новинками гуманитарного мира. В рубрике «“Нестор-История” представляет» вы сможете первыми знакомиться с редкими книгами, с интересными авторами, а также прочитать такую книгу «целиком», написав нам в редакцию!

Январский номер, рождественские магические дни, мы также решили открыть книгой о мистическом поэте-символисте Андрее Белом. Автор Мария Левина-Паркер озаглавила монографию так: «Мастер серийного самосочинения Андрей Белый». Книга знаменательна и привлекательна уже тем, что посвящена известному филологу, семиотику и антропологу Вячеславу Иванову, который был учителем автора монографии. И в этом факте чувствуется преемственность,

которая нередко в наши дни уже исчезает. Это не только семиотический подход к тексту, который объединяет ученых, но и большое внимание к самому объекту, что чувствуется уже в интродукции, так сказать, истории вопроса. Поражает даже одно перечисление работ литературоведов — отечественных и зарубежных коллег.

Кроме того, автор по-новому интерпретирует многое из творчества Белого в ключе теорий самосочинения и теории мотивного повторения и большое внимание обращает на проблему космизма в творчестве и творчества. Последнее кажется особенно важным в свете большого наплыва «позитивистского» литературоведения за последние десятилетия. Так, например, анализируя «Котика Летаева», исследователь выделяет особый вид повторения — космологическое повторение — и указывает на особый космогонический характер об-

разов. Однако Левина-Паркер не уходит с головой в метафизику, что тоже нередко случается с исследователями литературы модернизма, а логически выстраивает анализ того же «Котика Летаева», взяв на себя филологическую смелость дискуссии с классиками, с М. М. Бахтиным. В монографии найдем также тонкий анализ романа «Петербург» в свете диалектического переосмысления философской идеи Вл. Соловьева о душе, вечной женственности.

Отдельного внимания в исследовании заслуживают положения об особой природе творчества писателя: «...проза Белого стремится не столько к воспроизведению феноменальной (в том числе биографической) действительности, сколько к ее творчеству путем "построения словесных аналогий", по крайней мере отчасти ноуменальных, вне непосредственно доступной восприятию действительности».

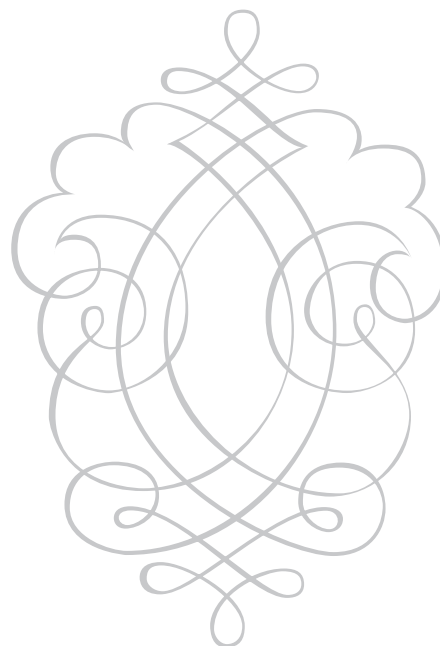

Привлекательны и лингвистические разборы некоторых деталей из «Петербурга», «Котика Летаева». Пожалуй, самый искушенный филолог может найти что-то свое в этой книге, которая, безусловно, является значительным вкладом в массив работ об Андрее Белом.

Ольга ДЕНЕГА

Ольга Денега родилась в 1974 году в Московской области. Окончила Московский университет печати, факультет «Издательское дело и редактирование». Около трех лет назад начала публиковать стихи и прозу в Интернете. Дебютные пять стихотворений опубликованы в журнале «Гостиная». Многодетная мама, кавалер ордена «Родительская слава». Живет в Москве.

ВСТРЕЧА

От подъездов текут скитальцы; буква «эм» встает на пуанты.
У кассирши неловкие пальцы и часы с фальшивым бриллиантом.

Две поездки — больше не надо; колет краем билет картонный.
Провожают скучающим взглядом заскорузлые солнца плафонов.

Турникет, эскалатор, давка. От перрона тянет резиной.
Внутри вагона. Вольготные лавки. Не садись — пинаются спины.

Повторяешь: две остановки, только две, мне больше не надо.
Проверяешь: мыслишки неловки, джинсы терты, конфликт предугадан.

И в рекламных нахальных растрах для тебя слишком много цвета;
И путей схематичные астры ты не станешь неволишь в букеты.

Ты торопишься поминутно — объявляй, давай, подпевала!
Покидаешь вагонную смуту — и летишь, и летишь в центр зала.

Сбоку — транспортные десанты; солнца, астры, скитальцы — сбоку.
Ты встаешь
И встаешь
На пуанты —
Чтоб уткнуться в небритую щеку.

ДАЧНОЕ УТРО

Сумрак вздохнул недлинно, штору потискал тайно.
Утро. Соседская псина брешет о тривиальном;

Взбита пионов пена, росы играют в жмурки;
Дом притворился шатеном, пудренным штукатуркой;

В нежной тени шезлонга ежится дряхлый Гейне;
Хвастает одежкой торс надувного бассейна;

Вылезли из пеленок дети мамы-вишни.
«Преобладает зеленый», — пишет в блокнот Всевышний.

Тихо спросишь меня

Осень, ветром кряхтя, собирается на покой.
Инженер-декабрь возводит вычурные мосты.
Тихо спросишь меня — что случилось за год с тобой?
Я отвечу тебе: сожалею, случился ты.

Хор лукавых ангелов песню мажорно поет.
На притворном снегу — меретка шажков голубей.
Тихо спросишь меня — где же сердце теперь твое?
Я отвечу тебе — сердце в сильной ладони твоей.

Приурочены к скорому празднику елок строй,
Рой шаров, канитель мишуры, леденцов слюда.
Тихо спросишь меня: и когда ты будешь со мной?
Я отвечу тебе: с Новым годом!
И никогда.

Поздравляю...

Ты примкнула к этому лагерю:
Постигаешь разброд гороскопов,
Лижешь сладкие соки шлагеров,
Умиляешься облачным скопом,

Покупаешь алые туфельки,
Подставляешь лимоннице палец,
Выражаешь почтенья публике,
Вышиваешь люпины на пальцах.

Сыплешь в джезvu соль и гвоздичину,
Гладишь дряхлые мудрые книги,
Ищешь звезд, некрепко завинченных,
Чуешь в шорохе кленов интриги,

Копишь вещие сны запасливо.
Переводишь покой, что картинку.
В исступлении шепчешь: «Счастлива!
Поздравляю!
Влюбилась!
Кретинка...»

Ожидай

Ты измят, как подснежник в проталинке,
Схлопотавший каблук неуместный?
Обещаю, что стану я паинькой,
Белой, шелковой, словно невеста!

Я отрину дороги окольные,
Стану бархатной, словно голубка.
В лоскуты искромсаю фривольные,
Ювенально недлинные юбки.

Навяжу полушалков — да в крапинку,
Напеку пирогов — да с капустой!
Отыщу телефоны и запонки,
Позабуду Шато и Робусту.

Заблудился? А я, словно вырубщик,
Истреблю три сосны — три заразы!
В огороде на выселках выращу
Огурцы и уместные фразы.

Бархат, шелк, толерантности залежи,
Юбки в пол, пироги в интерьере —
Ожидай! Ты мне веришь? Ну, знаешь ли!..
Я сама себе, милый, не верю.

Лина Вольных

О себе

Меня зовут Елена Дебова, девичья фамилия — Вольных, псевдоним — Лина Вольных.

Мне 32 года. Родилась в г. Коврове Владимирской области. В 2007 году окончила филфак ВГПУ (сейчас — ВГУ им. Столетовых), переехала в Москву и устроилась корректором в газету. Сейчас работаю редактором. В 2014 году мой рассказ напечатали в газете «Литературная Россия», в 2016-м я стала серебряным лауреатом литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка», а в 2017 году — серебряным лауреатом той же премии в номинации «Проза».

РОМАН КОРОЛЬКОВ И КО

Рисунки Марины Медведевой

3 СЕНТЯБРЯ, СУББОТА

Вчера я схватил двояк за первое же мини-сочинение «Как я провел лето», и мама сильно разозлилась.

Настолько, что купила общую тетрадь и сказала, чтобы я каждую неделю что-нибудь записывал. А если не буду, ей придется ограничить меня в карманных расходах. Так и сказала: «придется», как будто это не от ее воли зависит! А тетрадь, между прочим, купила ТОЛСТЕННУЮ: просто писать не переписать! Так что понятия не имею, когда я ее закончу.

Но мама, если уж пошла на принцип, с ней шутки плохи — возьмет еще и правда ограничит. Так что я, пожалуй, буду иногда что-нибудь тут записывать. Хотя вообще без понятия, о чем. Особенно стремно будет, если мама вздумает проверять ее и ЧИТАТЬ. Поэтому я взял с нее САМОЕ честное слово, чтобы она сюда даже не заглядывала — по крайней мере пока не пройдет лет пятьдесят.

А пару я схватил только потому, что на спор написал сочинение в одно предложение. Нет, оно вышло нема-

ленькое — как обычно, на двойной лист. Просто очень длинное. Ну по приколу, понимаете? А литераторша прикол не оценила, у нее вообще туго с юмором. Даже рядом с двойкой приписала: «Не строй из себя Льва Толстого, Корольков!» И аж три восклицательных знака подряд.

Корольков — это, понятное дело, я. По моей фамилии можно было бы ожидать, что во дворе меня прозовут Король или как-то в этом роде, правда ведь?

Но во дворе меня почему-то вздумали звать — Карлик.

Что-то есть в этом легкомысленное, на мой взгляд. Тем более что роста я самого обычного, не мелкого, и на физре стою не последним, а третьим с конца. То есть раньше третьим, а теперь уже вторым, но ведь главное-то, не последним!

Поэтому раньше я иногда даже дрался, услышав это прозвище. Потом повзрослел, поумнел и перестал. И даже делаю вид, что прозвище супер, нереально крутое, типа белого карлика в космосе. Напираю, в общем, на связь со звездами — но все равно друзей во дворе от этого не прибавилось.

А по поводу училки и ее придираок — чую, из троек по русскому и литре я теперь весь год не вылезу. Это она на меня еще с прошлого года взъелась! За какую-то ерунду, сейчас уже и не помню. Зато она, кажется, хорошо запомнила.

Короче, зря мама только заморачивалась, общую тетрадь покупала. И даже взяла с меня самое честное-пречестное слово, что я не брошу тетрадь, пока не испишу ее до конца.

Пришлось пообещать, под залог будущих карманных денег на целый год...

5 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Ну что было интересного за последнее время? Не считая того, что мы всем скопом перешли в шестой класс и после школьной линейки 1 сентября директор привел к нам в класс нового ученика. А точнее даже, прикатил. Вернее, новичок сам прикатился, потому что сидел в инвалидном кресле.

— Знакомьтесь, шестой «А», — сказал директор ошарашенным нам (Алла Сергеевна-то, наша классная, стопудово была предупреждена), — это Кирилл Красавин, он будет учиться в нашей школе как одной из лучших, даже образцово-показательных школ района в рамках нового эксперимента «Равные возможности общения». — У директора были какие-то проблемки в произношении буквы «в», и получилось не «равные», а «разные». — Надеюсь, вы примите его как можно более дружески, — быстрый взгляд на класс, — и можете ему со вхождением в коллектив, — еще один быстрый взгляд, на этот раз почти просящий, — и всем прочим?

На секунду мне даже стало его жалко. Так сильно он хотел пробить кого-нибудь на сочувствие и вынудить поучаствовать во «вхождении новичка в коллектив». Я понимаю, директор заботился об образцовости и показательности нашей школы, но тут он, честно, малость перестарался. Ведь у нас в классе (и, значит, в школе) уже был один почти инвалид — по слуху. В смысле, тугоухий Славка Городцов. Так что Тихон Петрович, по всему выходит, слишком уж заморочился.

— Конечно, помогут, — подтвердила Алла Сергеевна самым своим непререкаемым тоном. — За какую парту ты хотел бы сесть, Кирилл?

Намного логичнее было бы задать этот вопрос не ему, а нам: кто согласится, чтобы за его парту сел Кирилл? Потому что на голову этого согласившегося чувака сразу же свалится вся тяжесть задачи по «вхождению в коллектив» и прочему. Передвижению кресла по школьным коридорам, например. И хотя недавно в нашей школе, прям как чувствовали, установили панду-

сы, это ненамного меняло дело. По нашим коридорам носятся такие отчаянные психи, что самому бы голову сберечь, не то что кому-то еще.

Я-то знаю, о чем говорю: в прошлом январе мы с Женьком приволокли в школу скейты и начали соревноваться, кто быстрее съедет на них по главной школьной лестнице.

В первом раунде победил Женек. Во втором, когда требовалось съехать вниз уже по перилам, я планировал отыгаться, но тут некстати пришел физрук и за уши (в каждой ручище — по нашему уху) отвел нас к завучу.

Лучше бы к директору Тихону Петровичу, в самом деле: завуч Инна Робертовна была намного опасней его в плане вредности, последствий и звонков родителям. А директор все-таки понимал нас получше и чаще входил в положение.

В общем, по поводу настоящего «вхождения в коллектив» и речи быть не могло — никому не нужны лишние заботы. Максимум, на что стоило рассчитывать новичку — это на отсутствие насмешек. Ну и еще на то, что зубрили на перемене дадут списать, если сумеет подмазаться.

К счастью, не только я сидел один — еще свободное место было у Илюхи, двоечника и классного клоуна, обитавшего на камчатке (в смысле клоунства у него и нас с Женьком было негласное соревнование с переменным успехом — а теперь, один, я чувствовал, что очень быстро сдам позиции), и Нasti Раевской, первой красавице класса и моей пока еще неразделенной любви.

Хотя у нее место пустовало временно, потому что ее соседка отличница Дымакова всего лишь заболела, а не перевелась, так что по факту оставались лишь мы с Илюхой как возможные соседи новичка.

Будь это просто новичок, я бы не возражал. Не успел пройти и первый урок, а я уже задолбался сидеть один: не с кем даже словом перемолвиться, не то что шуткой. Передо мной сидели девчонки, а все девчонки, как правило, зубрили. По крайней мере, эти не были исключением и раньше постоянно шикали на нас с Женькой, что мы якобы не даем слушать. И, как подозреваю, потом ябедничали Алле Сергеевне.

А сзади сидел тугоухий Славка Городцов, с которым-то и захочешь не пошепчешься. Потому что он чуть что — переспрашивает громовым голосом: «А?» А рядом с ним — наш классный гений Лева Оборин, который получает пятерки по всем предметам и участвует во всех олимпиадах, даже по музыке (только физра портит общую картину), и которому как-то до фени мы и наши шуточки. Он всегда тусит сам с собой, то есть в своих ученых думках. И, кстати, эта же рассеянность и отстраненность странным образом защищает его от

насмешек. Кроме разве самых безобидных, когда становится совсем уж скучно и не находится нужной темы, а на безрыбье и рак рыба, как говорит ба. Хотя сомневаюсь, что Лева даже их замечает. Честно, неинтересно смеяться над человеком, который на это полный ноль внимания!

А вот Илюха, в отличие от нас с Женьком, полный отвязок в плане юмора. Например, он не признает ни за кем ни иммунитета, ни авторитета. Даже своим соседям скидок не делает. А ведь всем адекватам должно быть известно, что над соседом не стоит издеваться: на нем бронь, табу, ведь именно он может дать списать, когда нужно. И сказать Алле Сергеевне, что ты заболел, когда ты проспал или прогулял.

Но, как я уже упомянул, Илюха совершенно отвязен и за прошлый год отвадил со своей парты целых трех соседей, среди которых была даже одна полезная зубрилка, своими шуточками и приколами (на мой взгляд, немного ширпотребными).

У меня же получилась обратная ситуация: я своего соседа не выживал, он сам съехал. В смысле, переехал этим летом вместе с родителями в новую квартиру на другой конец города и потому перевелся в другую школу. Родители, видите ли, не захотели возить его каждый день туда и обратно. Хотя, конечно, могли бы потерпеть до окончания школы, раз уж им взбрела охота покупать новую квартиру, тогда как старая была еще неплоха, и к тому же так далеко от нашей школы!

В общем, Женькино место рядом со мной теперь пустовало, и по этой причине я загрузился. Настолько, что не сочинил за все утро ни одной самой завальной шутки, хотя прошла уже целая линейка и даже половина первого урока. Если так пойдет и дальше, я, пожалуй, сдам все позиции перед Илюхой еще до конца дня.

Вот и сейчас я прямо чуял, как в его мозгах рождается новая острота, пока все напряженно ждали, к какой же парте подъедет новичок, а тот все медлил.

Интересно, мелькнула у меня вдруг мысль, а как бы Настя посмотрела на меня, если бы я героически взял на себя задачу по вхождению новичка-инвалида в коллектив? Точнее, так: посмотрела бы она на меня как на героя? Это был принципиальный вопрос.

А учителя, наверное, прониклись бы ко мне участием за это нелегкое дело, если бы я за него взялся, и закрыли глаза на некоторые прошлые косяки. Особенно Алла Сергеевна, которая, кажется, наточила на меня уже большущий зуб за прошлый год. Хотя мы с Женьком ничего особенно хулиганского и не делали, просто прикалывались на переменах и выдумывали всякие разности, чтобы всем было веселее. Да и вообще это дело прошлое, так что стоит ли ворошить?

Илюха уже открыл рот, явно собираясь выкрикнуть что-нибудь прикольное, когда я слегка махнул рукой новичку. Можно сказать, предоставил дело судьбе: если он заметит, так тому и быть, а если нет — тоже неплохо, меньше заморочек. Новичок заметил, и его лицо как будто прояснилось, как бывает, когда примешь решение, и уверенно подкатил к нашей с Женьком парте. То есть теперь моей.

Я тут же засомневался: не пожалею ли об этом порыве? И даже почти пожалел, однако отступать было некуда. Не прогонять же его теперь, в самом деле.

По крайней мере, не на глазах у Тихона Петровича и Аллы Сергеевны — это было бы совсем не образцово-показательно.

14 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА

Родители у Кирилла оказались довольно богаты — да я и сам мог бы заметить это раньше по его навороченному креслу. Это же не кресло, а настоящий почти гоночный болид! Мало того что он был на колесиках и Кирилл сам мог управлять им как машиной, так еще и развивал нехилую скорость. Сходство с болидом особенно усилилось, когда я встал на закорках и принялся громко отдавать команды: «Право руля, лево руля, прямо и тормози!», когда мы начали кататься у него во дворе. Его дом стоял на той же стороне улицы, что и мой, просто на квартал ближе к школе.

А потом я немного отвлекся, выкрикивая команды, а Кирилл слишком разогнался, и я не удержался на повороте и полетел носом в траву. Хорошо что в траву, а не в асфальт, но кровь из носа все равно пошла. Нос — это вообще мое слабое место. Вот и пришлось зайти к Кириллу домой, чтобы взять там какой-нибудь платок, намочить и приложить к переносице — мама всегда так делает, и всегда помогает. У меня-то дома сейчас только бабушка, а она наверняка разохается, распереживается, что я будто бы подрался, а потом меня же в этом и обвинит — мы это уже проходили.

У Кириллова подъезда тоже оказался пандус (все-таки новый дом), так что проблем с заездом не возникло. А когда мы уже поднялись на лифте на пятый этаж и подошли к его двери, кровь сама по себе перестала, но резко развернуться и пойти назад мне показалось сейчас как-то глупо. Поэтому я решил просто взять платок, намочить его и только после этого уйти.

Дома у Кирилла оказалась только его мама. Когда он представил нас друг другу, Любовь Петровна всплеснула руками и спросила, откуда у меня кровяные разводы на рубашке. Неужели подрался с кем-то? Почему-то я даже не удивился ее вопросу. Уже привык, что женщины часто мыслят в схожих направлениях.

— Нет, мама, — скованно ответил за меня Кирилл, — у Ромы просто кровь из носа пошла.

Я прямо почувствовал по его голосу, как ему неудобно.

Однако Любовь Петровна и не думала успокаиваться:

— Ты себя плохо чувствуешь, Рома?

Я твердо ее заверил, что это пустяки и у меня уже сто раз так было (о гонках во дворе я, само собой, решил умолчать, как и Кирилл). Только после этого она немного успокоилась и предложила мне умыться и выпить чаю. Умыться я, конечно, не отказался, а вот чаепитие с Кирилловой мамой никак не входило в мои планы.

Но едва я вежливо ответил: «Я не хочу, спасибо», как тут же пожалел о своих словах. Потому что по аромату с кухни запоздало догадался, что до нашего прихода Любовь Петровна пекла булочки, или ватрушки, или даже шарлотку. В общем, что-то очень вкусное и со сладкой начинкой...

В общем, так и вышло, что я задержался у Кирилла дольше, чем планировал, — в надежде, что его мама снова предложит чай.

Честно, я никогда еще не видел столько прикольных штук в одном месте! А именно — в комнате у Кирилла. В ней вообще многое могло поместиться, потому что она была просто безразмерной — метров пятнадцать, не меньше. Под стать всей квартире. В такой хате неподготовленному человеку легко можно и заблудиться. Я насчитал тут комнат пять, не меньше, и все выходили в одну большую, шестую — и уж она переходила в не менее громадную кухню.

А кухня вообще, надо сказать, мое любимое место в любом доме. Особенно когда в ней готовят что-то очень вкусное — пирожки, например, или булочки...

Когда Любовь Петровна вернулась на кухню, мы еще немного погоняли на «болиде» по всем комнатам — они соединялись общим круговым коридором, так что кататься можно было без проблем. Эта квартира словно создана для того, чтобы гонять по ней кругами!

Но я уже немного утратил интерес к гонкам и начал раздумывать — не будет ли слишком подозрительно, если я как бы невзначай вкачусь в кухню (по ошибке или по силе инерции) и врежусь прямо в поднос с булочками? Так что Кирилловой маме не останется ничего другого, кроме как предложить мне пару-тройку штук. В знак извинения, что гостя в их доме может так занести на повороте. Или там пять-десять.

Я бы все взял — я могу слопать их сколько угодно (бабушка говорит, не в коня корм), а Любовь Петровне будет приятно. Не откажусь даже и от добавки. И в тот момент, когда я уж совсем собрался дернуть за пово-

ротник Кириллова кресла и свернуть в сторону не комнаты, а кухни, его мама позвала:

— Эй, гонщики, еще не проголодались?

И, в принципе, это были самые приятные слова, которые она могла бы сейчас сказать. Я тут же крикнул: «Лево руля!», и мы порулили на ее голос и обалденный булочковый запах.

20 СЕНТЯБРЯ, ВТОРНИК

У Кирилла оказалась настоящая куча самых новых игр на компе, и, пожалуй, только они и могли отвлечь меня от вкусняшек, которыми оказалась завалена его кухня. Их было так много, что даже я уже не мог съесть все на месте и завел привычку приносить оставшееся домой, чтобы доесть чуть позже и без помех. Должна же быть для меня хоть какая-то компенсация за то, что я дружу с инвалидом, если пока учителя и не думают отмечать это хорошими оценками, а Настя как не смотрела в мою сторону, так и не смотрит.

Иногда я уже начинаю думать, что даже у Кирилла больше шансов завести с ней разговор, чем у меня.

Но вернемся к нашим булочкам. Легкомысленно принеся их домой, я легкомысленно положил их в наш холодильник, на радостях совершенно упустив из виду одну деталь. А именно — свою сестру.

Иметь подобную старшую сестру — это, признаться, то еще наказание. Не знаю, как ведут себя другие старшие сестры, а Мариница ведет себя так: все свои косяки беспардонно списывает на меня, а все мои достижения старается представить как СВОИ. Это вдвойне несправедливо, потому что у меня и своих косяков хватает, а вот достижений как раз пока маловато. Да и за те не особенно хвалят.

А обращаться за помощью к родителям по вопросу справедливости бесполезно. Потому что, во-первых, мама считает Марину умищем. Даже так: УМИЩЕМ. Только на том основании, что в ее дневнике одни пятерки и четверки. Хотя, зная ее натуру, я иногда задаюсь вопросом: уже не дергает ли она домашки и не списывает ли контрольные у своего ботаника-соседа? А во-вторых, у папы есть твердое и неудобное правило — поддерживать всегда маму (ну или почти всегда).

В общем, когда я запалил, что Марина тырит МОИ пирожки и булочки, было уже слишком поздно...

29 СЕНТЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Ура! Литераторша Виктория Степанна уходит в декрет! То есть нам-то сказали, что просто в долгий отпуск, но девчонки точно все разузнали.

И вместо нее директор представил нам нового литератора — Игоря Валентиновича. Не знаю, сложатся ли у нас отношения с ним, но то, что он мужчина, уже несколько обнадеживает. Потому что наш директор тоже мужик, и мы с ним, несмотря на некоторые разногласия, все же находим «точки соприкосновения». В отличие от прежней горластой директрисы!

А Игорю Валентиновичу мы сразу же дали кличку — Угар.

4 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

Оказалось, что в прошлой, «особенной» школе Кирилл был отличником и вроде не собирался перестраиваться и в нашей. Учителя ставили ему пятерки не из-за инвалидного кресла, а за ответы на уроки и домашнюю работу — а это о чем-нибудь да говорит!

Так что в плане оценок Кирилл был ничуть не хуже даже Марины и к тому же зарабатывал их своим трудом. Но ему это и проще — никто, например, не обзовет его ботаном за старание, потому что с инвалидами не принято так обращаться.

На контрольной по алгебре он сделал свой вариант намного раньше времени и уже хотел тянуть руку, чтобы сказать об этом Алле Сергеевне, но я успел пихнуть его в бок. И спросил — ему ведь несложно сделать и мой вариант? Заодно проверить еще раз свои знания. А я готов предоставить ему эту возможность, потому что, на его удачу, не успел вчера подготовиться.

Кириллу было несложно, и он сделал мой вариант даже быстрее, чем свой. Я чуть было не заподозрил, что он схалтурил, но на следующий день Алла Сергеевна выдала мне мою контрольную с маленькой скромной пятеркой внизу. И при этом так подозрительно на меня косилась, что стало даже обидно. Думаю, на следующих проверочных она не будет сводить с меня глаз, и даже мое выгодное место (я сижу в дальнем от ее стола ряду у окна, за третьей партой, а Кирилл соответственно у прохода) тут мало поможет.

8 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Сегодня я окончательно осмелел и стащил с Кириловой кухни целых десять пирожков — его мама в этот раз просто превзошла себя и сделала их с грибной начинкой, теперь моей любимой!

Я вернулся с этим уловом в комнату Кирилла. По официальной версии я ходил в туалет, а так как здесь их целых два, то и заблудиться недолго. А он, оторвавшись от компа, на который загружал новую игру (я давно о ней слышал, но все не случалось поиграть), предложил, если что, звать его просто Кир. Мол, так зовет его

мама. И тут же, почти без перехода, добавил, что не хотел переходить в нашу школу, в старой у него были приятели, а с новой неизвестно бы еще как срослось, но мама настояла и он теперь не жалеет. Все-таки с приятелями они общались только в школе и даже во дворе не гуляли.

Я еще удивился про себя — как это он планировал тусить во дворе с приятелями, и главное, чем заниматься? Не в мяч же играть? (Но промолчал, конечно.)

Вообще мне стало немного не по себе, что он вдруг так серьезно заговорил об этом, — до этого мы два часа спокойно играли, и все было ништяк. Даже его мама не мешала, а просто готовила себе на кухне, в то время как мои предки уже бы сто раз спросили, чего это я до сих пор не делаю домашку. Но тут аромат грибного пирожка пересилил все беспокойство, и я опомнился лишь тогда, когда уже проглотил два или три.

12 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня с утра я подумал, как же несправедливо устроен мир: у Кира и его родителей на троих аж шесть комнат (вместе с гостиной), а их там живет ровно трое, и к тому же его отец постоянно мотается по суперважным и срочным командировкам.

Кем он работает, я как-то не спрашивал, но, видно, большой шишкой, раз без него в этих командировках никуда. Я и видел-то его за это время только пару раз, точнее даже, полтора, потому что во второй раз он сидел на кухне и с очень уставшим видом ел суп, так что мы только обменялись приветствиями.

Зато в первый раз Андрей Стефанович выпросил у меня все что можно обо мне и даже немного о моей семье, так что я уж начал думать, не служит ли он в контрразведке. Он как раз задавал вопрос о месте работы моего отца, когда в кухню въехал Кир и, сильно покраснев, потребовал у него перестать.

Потом в комнате Кира разговор у нас зашел про животных, и я сказал, что раньше хотел завести собаку. А Кир смущенно признался, что родители позволили ему завести только черепаху, хотя он тоже хотел собаку, но с ней ведь нужно гулять и даже бегать и все такое.

Но черепаха тоже в принципе неплоха, особенно когда так прикольно вытягивает лапы и морду, греясь на мостике под лампой... А так у них разделены обязанности: Кир ее кормит, а родители — в основном мама — меняют воду, так что хлопот почти никаких. Да и живут черепахи долго и вроде даже немного поддаются дрессировке, так что он не в претензии...

Тут Кир, окончательно смутившись, умолк, хотя я, хоть убей, не понимал, чего он так старается. Ну че-

репах и черепахах, что такого. Сидит себе спокойно, смотрит или спит и никого этим не напрягает.

У нас вот, например, вообще нет никакого животного — и я даже не представляю, куда бы мы его впили. Поэтому и попрощался с мечтой о собаке.

Мы ведь, в отличие от Кировой семейки, ютились вшестером в обычной трешке. Я, мама с папой, Марина, младший братец Тошка (еще детсадовец) и бабушка. Причем меня вынудили ютиться с Тошкой в самой маленькой комнате. Мне даже спать приходилось на двухэтажной кровати — на верхнем ярусе, конечно. Я просил его хотя бы летом переезжать на наш застекленный балкон. Там тепло и хорошо, и даже уютно, учитывая неимоверное количество бабулиных цветов в горшках, однако Тошка наотрез отказывался. Просто его, по-моему, слишком часто и необоснованно балуют, вот и не слушает старших...

Тут я вдруг подумал, что будь у меня собака — хотя бы маленький терьер — я бы, наверное, назвал ее Дымок.

— Я даже в той школе никому про Фишку не рассказывал, — признался между тем Кирилл.

А вот это меня уже начало напрягать — эти постоянные упоминания о прежней школе и прежних приятелях. Я-то, например, не вспоминаю каждые пять минут про Женьку, а только когда это необходимо для дела! Тогда как скучаю-то я по нему уж всяко больше, чем Кир по своим приятелям, с которыми они даже во дворе не тусили.

Эта мысль вызвала у меня новые переживания. Мы договорились с Женьком каждый день созваниваться хотя бы через день и гонять вместе мяч или еще что. И в принципе в июне почти так все и было — ну, может, просто пореже, чем запланировали, но сойдет. В июле я поехал в лагерь, а Женек — на море, но мы продолжали если не созваниваться, то хотя бы переписываться. Ну а в августе мы созвонились всего несколько раз, а встретились и того меньше.

И ничьей вины тут, наверное, нет — как говорит ба, это жизнь. Сейчас-то уже Женька по-любому нашел целую уйму новых приятелей, не считая нового соседа, — он всегда был парнем общительным. Ну а я, оставшись в одиночестве — мы с Женькой больше подкалывали ребят из класса, чем с ними дружили (кто же знал, что он подложит мне такую свинью!), сумел закорючиться с одним только Кириллом. Да и то с некоторыми оговорками.

15 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

В классе Кир медленно, но верно завоевывал авторитет. В основном потому, что легко давал списывать

всем желающим, не хуже зубрилок, и его даже не требовалось уговаривать и обещать всякие ништяки. У самих зубрилок это, правда, особого восторга не вызвало — как и у меня. Потому что Кир был мой сосед, я первый не побоялся сесть с ним и заговорить, несмотря даже на его коляску. А мой сосед не может быть популярнее меня — это основное правило соседства. Женек, например, его твердо знал и никогда не нарушал равновесия.

Я еще могу быть популярнее, в силу врожденного обаяния и приобретенной харизмы, но не мой сосед!

Однако когда я прямо намекнул Киру, он даже не понял, о чем речь.

— Ну да, я даю списывать, — не стал отпираться он, — а что такого? Мы в старой школе часто выручали друг друга...

— Сейчас ты не в старой школе, — перебил его я, раздраженный новым упоминанием о прошлом, — а тут ты делаешь за них почти всю работу, а они от этого потупеют и ничего не добьются в жизни. Ты этого, что ли, хочешь?

В общем, меня слегка занесло (всплыла одна из фразочек, которые часто использовала мама, когда песочила меня при молчаливой поддержке папы), но на Кирилла моя речь, по ходу, произвела впечатление. Он нахмурил лоб и после паузы кивнул:

— Наверно, ты прав. Я не подумал. — Потом речь зашла о другом — о новой игре, которую он как раз собирался опробовать. И я решил, что, если и перегнул палку по части пафоса, Кир не подал виду — а значит, все ок.

17 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

О разговоре про списывание Кир явно не забыл, потому что сегодня на проверочной по алгебре никому не дал списать, прямо как отрезало. И его популярность сразу после урока сильно пошатнулась.

Правда, этот новый Киров принцип не распространился на меня.

Потому что, к счастью, я сумел внушить ему с достаточной твердостью, что из меня при любом раскладе выйдет толк, что я не собираюсь связывать свою жизнь с наукой и уж всяко найду, у кого списать, а вот найдет ли еще Кир такого потрясного друга, как я, — это еще вопрос. Последнее соображение, видимо, его и прогнало, и я продолжил списывать у него все, что душе угодно. К зависти всех одноклассников, потому что, в отличие от двух наших зубрилок-подружек и Дымаковой, писал он не как курица лапой, а четко, аккуратно и вполне разборчиво.

19 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня у нас Гарик Косилов отчебучил. Вообще-то он Игорь, но пафосно называет себя Гариком, что, на мой взгляд, ему совсем не идет и потому выглядит нелепо. Гарик должен быть какой? Веселый и заводной — в общем, свой в доску парень, а наш Гарик полная этому противоположность. Он ходит вечно хмурый и мрачный (а иногда и нечесаный), будто вот-вот выдаст небывало умную мысль — но что-то все никак не выдается.

Так вот, этот самый угрюмый Гарик взял да и притаранил в школу собаку, которую подарили ему родители. Точнее, щенка — такого же лохматого, как Гарик, но меньше его, наверное, раз в сто. На этого несчастного щенка без слез не взглянешь. Да и чтобы вообще что-то разглядеть, нужна нехилая лупа. Что это вообще за собака такая — той-терьер? Это не собака, а одно сплошное недоразумение, на мой взгляд. Просто ни о чем. Поэтому я решительно не понимал, чего этот Гарик так зазнается.

Правда, один профит он все же сумел срубить — на первой же перемене его окружили наши девчонки и немедленно завизжали. Девчонок ведь хлебом не корми, дай только повизжать вдоволь и порассматривать что-нибудь мелкое, пушистое и с глазами, а еще лучше потискать. Даже Дымакова меня разочаровала, не удержалась от искушения — а я-то всегда считал, что это не девчонка, а кремень.

Но в принципе меня бы все это даже не слишком задело — такова уж женская природа, что с них взять, — если бы в этой девчачьей толпе не оказалась и Настя. И больше того, даже пару раз улыбнулась этому охладону Гарику и его глупому мини-щенку, который наверняка наделал лужу в Гарикином портфеле еще по дороге в школу.

По поводу Настиной улыбки — это был уже явный перебор. Так что я только вздохнул с облегчением, когда в класс зашла наша физичка Роза Яковлевна и, привлеченная девчоночьим визгом и твяканьем щенка, незаметненько приблизилась к ним сзади. То есть я-то заметил, но сделал вид, что старательно изучаю учебник. Делать мне больше нечего, кроме как пялиться на чужих глупых щенков.

А Роза Яковлевна, даром что ей сто лет в обед (ну не меньше шестидесяти стопудово) и весит она тоже примерно под сто кзгэ, умеет подкрадываться ОЧЕНЬ неслышно. Поэтому все аж подпрыгнули на месте, когда она заинтересовалась своим трубным голосом, который иногда «включает»:

— И что это вы там рассматриваете, а? Покажите, мне тоже интересно.

Гарик, конечно, сразу начал прятать щенка в сумку, но было поздно — физичка его уже запалила. И отправила вон с урока домой, потому что притаскиваться в школу со своей живностью не полагается. У нас есть свой живой уголок — в смысле, большой аквариум с рыбками в рекреации на втором этаже. Что же нам еще надо, хотелось бы ей знать?

У Гарика на ее вопрос не нашлось ответа (говоря же, парень он так-то немногословный, это одноразовая слава вдруг вскружила ему голову). И поэтому он понуро и, как обычно, молча отправился со щенком восвояси.

Правда, если бы кто-то поинтересовался МОИМ мнением, я бы сказал, что это никакое не наказание, а второй его профит от щенка. Но все равно я был рад, что Гарик больше не станет мельтешить в школе со своим той-терьером.

Может, это немного сбавит с него спесь, а главное, убедит, что Настя Раевская улыбалась вовсе не *ему*, а щенку?

22 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Сегодня родители купили в коридор шведскую стенку. Точнее, папа купил, по собственной инициативе.

Лучше бы он эти деньги на ремонт отложил, хмуро заметила мама. Зато дети будут спортивными, бодро оправдался папа. Ну-ну, сказала мама, и на ее лице явно читалось сомнение.

У меня, кстати, тоже имелись сомнения.

Нет, правда, лучше бы он на эти деньги купил телик в мою комнату, и еще бы осталось на разные ништяки! Но говорить об этом я папе не стал, уж очень он казался довольным своей идеей, когда хмурый рабочий наконец закончил со стенкой, а мама отправилась в магазин, все так же с сомнением качая головой.

Пришлось мне одному отдуваться и даже подтягиваться, как бы от радости. Правда, подтянуться вышло не больше трех раз, да и то двух с половиной, если уж по чесноку, потому что на третий папа меня просто подержал.

Но он сказал, для начала неплохо. А стоит мне привыкнуть и ежедневно позаниматься хотя бы месяц-другой, как я немедленно подтяну результат.

ЕЖЕДНЕВНО — это папа, конечно, загнул!

Про себя я усомнился, что буду подходить к турникету слишком уж часто — даже после трех подтягиваний у меня на руках появились мозоли. Хотя пускай себе стоит, не жалко. А если кто зайдет в гости и спросит, я скажу, что на нем подтягивается Марина и поэтому стала такой квадратообразной. Кстати, про ее «квадрат-

ность» я даже не навру: она просто какой-то кубик Рубика на ножках.

На этой самой шведской стенке, хотя она и была небольшая, болталась еще, кроме турникета, всякая фигня — канат и боксерская груша. И веревочные качельки, которые, кстати, были единственной дельной штуковиной во всей этой глупой конструкции. Они были пока свернуты и заткнуты за стенку, но я понял, что буду использовать их чаще всего.

24 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня на уроке литры происходил разбор наших недавних сочинений. Игорь Валентинович (мы его прозвали, как я уже упоминал, Угар, потому что иногда, читая нам что-то, он входил в настоящий раж и угар и мог нехило отжечь) с серьезным видом разбирал распротраненные, как он их называл, ошибки. А я в это время смотрел в окно, как воробьи скачут по ветке туда-сюда и меряются силами. Воробьи вообще были явно не дураки подражаться. Это зрелище оказалось таким увлекательным, что я чуть не подпрыгнул, когда Кир толкнул меня под локоть. Выяснилось, что Угар дошел до разбора МОЕГО сочинения. Я выпрямился и сделал вид, что весь урок только его и слушал.

Игорь Валентинович сообщил, что написано оно ничего так, гладко, жаль только, что совершенно не по

теме. Больше про мое собственное житье-бытье, а не про сражения давно минувших дней. И хотя видно, что читаю я много, почему-то «Слово о полку Игореве» не попало в список моих приоритетов. У него, Игоря Валентиновича, вообще сложилось впечатление, что я читаю все что угодно, но только не то, что задано по теме. И вот он, Игорь Валентинович, хотел бы выяснить: что не так с книгами из списка ДЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ?

Класс в предвкушении замер, готовый грохнуть от смеха в любую секунду. Это был очень тонкий момент. Все зависело от того, что я скажу.

Но не говорить же Угару правду! Что читать книги по списку совершенно неинтересно как раз потому, что надо. Вот если бы их перенесли в список КНИГ, КОТОРЫЕ ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ, — это была бы совсем другая история. Дело бы тогда пошло куда живее. Но не мог же я всерьез внести такое предложение! У меня уже имелся опыт предложения новаторских идей, и НИ ОДНА из них не встретила достойного приема.

Честно, я даже отчаялся что-то поменять в этой системе. Поэтому вместо пламенной речи, уже оформившейся в моей голове, промямлил только:

— Э... я читал, просто не все запомнил...

И тут класс грянул смехом, как давно к тому готовился. Просто по привычке, наверное.

Смеялись все, кроме Кира и еще Дымаковой и Левы Оборина. Но Лева всегда витает в своих мыслях и вряд ли вообще слышал наш диалог, а Дымакова в принципе не смеется. У нее образ эдакого крутого парня, и она делает все возможное для его поддержания.

— Тогда прочитай это произведение ЕЩЕ РАЗ, — с нажимом посоветовал Угар, — и постарайся побыстрее, чтобы в пятницу сдать мне проектную работу по этому произведению.

Вот так номер! Еще НИКОМУ с начала года не давали проектную работу — эта хренотень полагается нам не чаще раза в год, обычно где-нибудь в мае. Это ведь НАМНОГО БОЛЬШЕ, чем сочинение! Ее надо накатать минимум на десяти страницах. И вступление, план работы и выводы должны быть выделены особо, на отдельных листочках! В общем, такое дело совсем не для нескольких дней. И если по чесноку, я сомневаюсь, что написал бы ее и за две недели.

Однако когда Угар в таком настроении, с ним лучше не спорить. Поэтому я лишь уныло кивнул.

А спустя пару секунд, обмозговав все, снова себя похвалил. Да, все-таки умно было пригласить отличника Кира именно за мою парту.

Потому что, если уж ОН не справится с этой задачей, то я уж и не знаю, кто справится... Разве что наши зу-

брилки, но их я обычно приберегаю на крайняк, потому что от частого использования они начинают кукситься.

26 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня вечером Кир принес мне почти выполненную проектную работу (оставалось только переписать ее на чистовик и проставить имя, фамилию и дату) и — впервые побывал в нашей квартире. Или, как ее можно назвать по сравнению с его хоромами, квартирке.

Даже еда, которую состряпала на скорую руку ба, как будто не вызвала у него отвращения. Хотя никаких свежайших булочек, конечно, не было, потому что мама, единственный сносный пекарь в семье, все утро провела с Тошкой в детской поликлинике. И если Кира поразила теснота нашей квартирki или многочисленность семейки, которая за обедом оказалась тут как тут, почти вся в сборе, он не подал вида.

За столом не было только Марины. Она как раз намылилась в свою музыкалку (ха, с такими короткими пальцами из нее пианистка — как из меня балерина!). И поэтому после обеда, когда Кир уже ехал к двери и остановился напротив «стенки», я без помех наплел ему про Маринкины занятия на ней. Благодаря которым Мариница как бы и приобрела свою кубико-рубиковую форму. Однако он не засмеялся в нужном месте, а сказал не без уважения: «Молодец, занимается и спортом, и музыкой».

Как будто повисеть на турникете — это значит заниматься спортом! Если судить по этому принципу, то я как спортсмен даже круче. Я-то хотя бы на нем подтягивался. Целых три раза. И уже совсем собрался разъяснить Киру этот нюанс, как в коридор вышел папа, и я прикусил язык.

— А пойдем покатаемся на качелях, — вместо этого тихо предложил я и снова прикусил язык. Во-первых, какое «пойдем»? И во-вторых, как Кир будет кататься-то? Вот конфуз! Блин, кажется, я уже настолько к нему привык, что, по ходу, начал забывать, что он колясочник. Однако Кир и глазом не моргнул:

— Давай, если сможешь пересесть.

— Давай я помогу, — вмешался папа, как оказалось, слышавший весь разговор, и я был ему ужасно благодарен за это предложение.

Если честно, я даже не представлял, как стал бы перетаскивать Кира из кресла на эти качели — висячие, веревочные и какие-то ненадежные.

Все-таки спорт, если честно, не мой конек. Я сильнее по части мозгов. А вот у Кира, как выяснилось, руки довольно прокачанные — благодаря им он и удержался на этих веревочках.

— Весело у вас, — сказал Кир на обратной дороге.

Он ехал на медленной для себя скорости, а я шел рядом.

Я тут же насторожился. Не скрывается ли здесь какого подвоха? Однако Кир, похоже, не насмехался. По крайней мере, больше ничего не добавил на эту тему.

— Кажется, мама с папой снова решили подарить нам братишку, — зачем-то ляпнул я. — Или сестренку. — Надеюсь все же, что брата: только второй Марины мне для полного счастья, как говорит па, и не хватало.

— Правда? — Кир, по ходу, обрадовался даже намного больше, чем я, — если мои эмоции вообще можно назвать радостью. — Это же здорово!

— Что же тут здорового? — переспросил я — несколько уныло. — У нас и так места нет, а тут еще будут крики и визги на весь дом...

— Зачем ты так? — Кир от удивления даже остановился, нажав на тормоз.

Ну конечно, что ему: живет в своих хоромах и в ус не дует. И делиться игрушками и конфетами его никто не заставляет. Посмотрел бы я, как бы он запел на моем месте... Я только махнул рукой и ускорил шаг — пускай догоняет, если хочет.

Кир еще чуть помедлил и вдруг нажал на старт. Причем врубил сразу, видно, первую скорость. Потому что я успел только услышать сзади — вжик! — как под мои колени ударили подлокотники, и разогнавшийся «болид» потащил меня на себе, чуть ли не на коленях у смеющегося Кира. Кресло-то у него было крепкое, могло и двоих выдержать, однако моя гордость сильно пострадала.

Есть все-таки один минус в дружбе с Киром: ему никак нельзя навесить пару хороших тумачков, чтобы вправить мозги...

28 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА

Кирова проектная работа, кажется, пришлась Угару по душе, по крайней мере, он вернул мне ее с четверкой и без единого слова критики. От этого я настолько осмелел, что даже поинтересовался после урока:

— А почему четыре, а не пять?

— Потому что эта работа предполагала индивидуальный подход, а не работу в группе, — не моргнув глазом ответил Угар. — Может, и неплохо, что ты сумел активизировать кого-то на совместную деятельность, но мне все же хотелось бы прочитать именно ТВОИ мысли. — Он как-то обо всем пронюхал! Ну а я не нашелся с ответом, хотя и знаю главное правило: если поймали не с поличным, отнекивайся до конца. — Подумай, Роман, — продолжил Угар вполне миролюбиво (как будто я только тем и занимаюсь, что постоянно думаю, даже

голова иногда устаёт). — Раз уж ты так любишь приводить в сочинении примеры из своей жизни, что бы ты мог сказать лично о себе? Когда напишешь, положи мне на стол, можно до конца недели. А теперь иди, а то сейчас уже звонок на следующий урок будет.

Я пошел и по дороге на физику задумался. Что бы я мог о себе рассказать?

Я, Роман Корольков, двенадцати с половиной лет, люблю Настю, разные книжки про приключения, петь с классом (но не соло!), видеоигры, поспать с утра, конфеты и когда мама готовит какао. С недавних пор еще — булочки с марципаном и пирожки с грибами. Не люблю химию и алгебру, когда с утра будят, когда Марина дразнит, а мелкий начинает докапываться своими «почему» и «зачем», как какая-то вопрос-машина, когда физра стоит первым уроком и приходится идти на следующий взмыленным, как лошадь. Еще вспомню — допишу.

А, еще когда ба включает радио ретро, а Марина из духа противоречия врубает хеви-метал в их с бабулей комнате и пытается ПОДПЕВАТЬ. Никогда не мог понять этого: почему некоторые люди так упорно стремятся петь? Маринин голос можно использовать как сигнализацию против угона: тогда ни один угонщик в здравом уме даже не приблизится к этой машине.

Еще я просто НЕНАВИЖУ эту новую школьную форму, которую ввели с пятого класса и которую мама купила в детском универмаге. Она сидит на мне как-то по-дурачки. По-моему, даже Кир в своей форме выглядит лучше, чем я. А он, на минуточку, — колясочник!

И еще я не очень-то люблю физику по той причине, что стою теперь по росту вторым с конца. Пока Женек не перевелся в другую школу, я был третьим, так что если и Лева Оборин теперь свинтит в другой район, я вообще окажусь самым мелким в классе! А я хоть и люблю оказываться в чем-то самым-самым — в этом случае явно нечем будет похвастаться. Я даже как-то попытался убедить Льва НИ ЗА ЧТО не покидать нашу школу, но, по-моему, он меня даже не слушал.

Ну а главное — если бы кто знал, как мне иногда В ЛОМ учиться.

И даже не иногда. И в такие моменты в школу я собираюсь через силу — так, как будто мне сто лет. А между тем в школу-то приходится *бежать*, потому что вставать слишком уж рано мне тоже неохота.

И при этом нужно еще успеть принять *правильный* вид для вхождения в класс. Причесать волосы, одернуть форму и прочее.

Я вообще заметил, что многие ученики ведут себя в корне неверно, опаздывая на урок. А ведь очень многое, если не все, зависит от того, как ты поздороваешь-

ся и что скажешь в свое оправдание. Оправдание должно быть очень кратким и емким, например:

— У соседки с самого утра окотилась кошка, а я помогал.

А приветствие — это вообще самая важная часть, на мой взгляд.

Многие делают так: выпаливают что-то вроде «здрств» и норовят прошмыгнуть на свое место, как будто так и надо. Ошибка! То ли дело сказать вежливо «Здравствуйте, извините за опоздание, у соседки кошка с утра окотилась, пришлось помочь» — и скромно опустить глаза, дожидаясь разрешения сесть на свое место. Это производит совершенно ДРУГОЕ впечатление! Я, например, всегда так поступаю. То есть причины каждый раз разные, но принцип тот же.

И поэтому в моем дневнике нет пока еще НИ ОДНОЙ двойки за поведение. По другим предметам — сколько угодно, а вот за поведение — не-а.

31 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Начались осенние каникулы.

Ура!!!

Плюс в моем дневнике на этот раз троек за четверть меньше, чем четверок! Плюс еще выпал снег, потом растаял, потом снова выпал и снова растаял, так что появилась куча дел во дворе — сторожим вот, когда снова выпадет. Поэтому сейчас писать нет времени, занят, напишу что-нибудь попозже.

2 НОЯБРЯ, СРЕДА

Не успеваю записывать, очень занят!

7 НОЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Мне тут пришла в голову клевая идея — подарить на Новый год Киру щенка. Хотя бы терьера. Тогда его родители не смогли бы его не принять, ведь от подарков-то не отказываются. А мы бы с Киром могли с ним гулять и играть после школы.

Мы же все равно теперь тусим во дворе — так, собственно, и прошла вся неделя осенних каникул. Оказалось, что играть с колясочником не так уж и безрадостно. Правда, к нам теперь иногда еще присоединяется один из старых Кировых приятелей. Точнее, сам Кир приводит его чуть ли не за руку — тот парень как будто вечно в ауте. На мой взгляд, Кир тратит на него необоснованно много времени и слов, а тот максимум что сделает — быстро взглянет на него, а потом снова молча таращится в пространство.

Я даже первое время думал, что этот Родион глухонемой, но когда спросил, Кир сказал, что нет. Да и не

суть, я же заговорил о собаке. Так вот, я бы назвал его Дымком (это же МОЙ подарок), и мы бы с ним гуляли после школы. А мама Кира — с утра. Вряд ли бы это ее сильно напрягло, она ведь моет черепаший аквариум — и ничего, не жалуется.

Однако когда я заговорил об этой идее *со своей* мамой (пришлось, поскольку собственных денег у меня на покупку щенка не нашлось), мама безжалостно ее отвергла.

Животных нельзя дарить, сказала она, они ведь не плюшевые игрушки. В смысле, они живые — и значит, это большая ответственность. О которой я, увы, пока имею весьма слабое представление. И поэтому, на будущее, могу не просить никакое животное в качестве подарка для СЕБЯ. По крайней мере, пока не докажу, что стал взрослым и ответственным.

Мама могла бы и не волноваться на этот счет — для себя я собаку все равно просить не собирался. Вся привлекательность идеи с подарком для Кира была в том, что я мог бы играть и гулять со щенком, а кормить его, лечить (и прочие скучные штуки) стал бы Кир как хозяин.

Однако, как ни хороша была задумка, меня подвели обстоятельства и отсутствие средств. Это вообще происходит со мной довольно часто в последнее время...

15 НОЯБРЯ, ВТОРНИК

Я тут недавно осознал, что срубил большой профит, закорючавшись с колясочником. Потому что учителя стали смотреть на меня вроде как по-другому. И даже директор.

Раньше-то они на меня смотрели понятно как: «А, это же Ромка Корольков, известный лоботряс и раздолбай. Может, он много читает, и в принципе из него мог бы выйти толк, да только читает он все не по теме и знания как залетают в одно ухо, так и сразу же вылетают из другого. Что от него еще ждать, кроме тупых шуток и дурацких приколов. А то и вовсе всяких подвохов вроде разбитого прошлой весной стекла» (хотя я тогда не признался, но разбил-то его Женька! Я же тогда не знал, что он все равно собирается свалить в другую школу и бросить меня).

В общем, явно принижаяще смотрели. Совершенно меня недооценивали. А теперь в их взглядах читается немного другое: «О, это же Роман Корольков, он дружит с колясочником и помогает ему учиться» — хотя в реальности-то все скорее наоборот. Тут учителя малость ошибаются, и даже Алла Сергеевна, и даже директор.

Кстати, вижу я его уже не так часто, как раньше. Звать-то меня к нему почти перестали, и наши встречи

в основном происходят в коридоре, и в основном тогда, когда я куда-нибудь спешу.

Но даже и в ЭТОМ случае Тихон Петрович обходится парой дежурных реплик, которые и порицанием-то назвать нельзя. А в последний раз и вовсе потрепал меня по голове, словно я совершил какой-то подвиг — спас котенка с дерева или победил в городской олимпиаде по химии! А я терпеть не могу химию, и только чудом в моей колбе до сих пор что-нибудь не взорвалось.

В общем, в последнее время я даже начал опасаться (хотя вообще мне это и несвойственно), что как бы теперь учителя меня не переоценивали. Вечно встает эта проблема с учителями: они вообще не знают золотой середины. Или ты для них безнадежный оболтус, или порядочный и примерный ученик. Третьего никак не дано, хоть тресни!

А сами зря, что ли, призывают нас «взвешенно и аналитически подходить к любым оценочным суждениям»?

23 НОЯБРЯ, СРЕДА

По дороге из школы домой, когда я решил показать Киру обходной путь дворами, я вдруг заметил, как из дальних кустов выкатывается что-то большое, лохматое и очень, очень мрачное на вид. И прямо-таки физически почувствовал, что запахло жареным.

— Шухер! — крикнул я немного сдавленно, чтобы не привлечь внимание псины (хотя это старание было напрасным — она нас уже заметила, потому и влезла). — Вон злющий пес, прет прямо на нас! Айда в кусты!

Черная собака действительно была громадной — не меньше Тошки ростом — и действительно неслась прямо нас во весь опор, так что огромные уши колыхались на ветру, и мне даже казалось, что из ее раскаленной пасти капает слюна. Такая если и не сожрет насмерть, то покусает на совесть — это уж стопудово. Так что больше времени на раздумья не оставалось — нужно было драпать, тикать, линять, и на всей возможной скорости.

Кирову коляску пришлось бросить, и я взвалил на закорки самого Кира — не бросать же его там, в самом деле, — и мимоходом подивился тому, какие же у него все-таки худые ноги и болтаются, как макароны. Мне было бы, наверное, совсем невесело на его месте, если бы не получалось сделать даже шага без чужой помощи.

Тут и я просек, наверное, в первый раз по-настоящему, на что подписался не глядя. Это не просто халявные игры, ништяки и списанные домашки — это еще и большая ответственность. Предупреждать надо было, Тихон Петрович, обо всех последствиях, прежде чем

вынуждать меня принять такое ответственное дело, как пригласить за свою парту инвалида!

Когда мы наконец добрались до кустов, я весь вспотел, а в боку сильно закололо. Но это все фигня, главное, что по дороге я успел подобрать большую сучковатую палку. Она была немного грязная — до этого валялась в канаве с талым снегом, но, возможно, могла бы хоть на время отвлечь пса от наших шей и прочего, что еще пригодится лично нам. Я вскинул палку к плечу и пригнулся, приготовившись ударить внезапно, чтобы захватить псину врасплох в прыжке. А Кир между тем вытянул голову, не хуже своей черепахи, и, поднявшись на руках, выглянул из-за заснеженных кустов.

И вдруг громко засмеялся.

Я первым делом подумал было — тю-тю, это у него от переживаний шарики за ролики заехали, но Кир сквозь смех объяснил:

— Да это же Дружок! — Он протянул руку, и черный лохмач с твяканьем бросился на его руку, но не укусил, а стал лизать. Кир погладил его по голове и шее — насколько доставала вторая рука. — Подходи, не бойся, он не кусается. Только дубинку сначала выброси, а то он обидится!

— Кто это — Дружок? — спросил я обалдело и с некоторой досадой.

Сколько раз я тут ни ходил, а никакого Дружка и в помине не было.

— Собака наших соседей, они недавно только переехали, — принялся объяснять Кир, а сам все гладил это страшилище, — не бойся, он хоть и большой, но добрый.

— Я и не боюсь, — сказал я со всем достоинством, на которое был способен, выпрямился и наконец отбросил палку.

Все ладони от нее оказались черными, как будто в саже — настолько она оказалась трухлявой. Наверное, от по-настоящему злобной собаки никак бы не сработала...

1 ДЕКАБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Недавно я писал про странного молчаливого приятеля Кира по имени Родион, который иногда тусуется с нами во дворе.

Не знаю, правда, по своей ли воле. Про него сложно сказать что-то определенное. Кроме одного — у Родика (как звал его Кир) тоже был, по ходу, какой-то диагноз. Так что когда мы с Киром носились по двору за мячом или просто так (он в своей турбоколяске, а я своим ходом), а Родик безучастно смотрел нас, точь-в-точь

как Кирова черепашка, я сам казался себе каким-то капитаном команды инвалидов.

В общем, этот Родион на днях отмолил во дворе штуку: взял и по обыкновению молча, с каменной физиономией протянул мне карандашный рисунок. Я сначала даже слегка прибалдел, а когда увидел в углу рисунка его ровненькую подпись: «Родион Оленин», обалдел еще больше.

Так он сам, выходит, нарисовал? Я понятия не имел, что он рисует. И так же понятия не имел, что делать с рисунком.

Если честно, первой мыслью было выбросить его втихомолку в какую-нибудь мусорку за углом, чтобы Марина не прознала и не засмеяла. Но я себя пересилил, человек все-таки старался, и принес домой показать маме.

Мама сказала, что это «урбанистический пейзаж, выполненный в импрессионистической манере, и довольно свежий и смелый взгляд на город».

Ну, маме-то, конечно, виднее, она как-никак училась в универе на графического дизайнера. Лично я увидел лишь цветные кляксы там-сям на бумаге, как будто побрызгали разными красками на бумагу. Нас Изольда Еремеевна, учитель по изо, всегда ругала за такую мазню и испорченные листы. Эх, знать бы раньше — я бы тогда тоже загнул ей про «смелый взгляд на город»!

В общем, рисунок я не выкинул, все-таки это не мой портрет (если был бы портрет, я бы даже не раздумывал), но и не повесил на стенку, а положил в нижний ящик между старыми дневниками и тетрадками, которые мама почему-то хранит и не велит выбрасывать. Пускай тоже лежит, жалко, что ли? Правда, мне было бы намного приятнее, если бы свой рисунок мне подарил кто-нибудь из девочек. А точнее, вполне конкретная девочка — Настя.

А этому рисунку больше всех радовался, по-моему, Кир, хотя ему-то как раз ничего и не досталось. Но пойди пойми, что творится в головах у таких чудиков, как Родик. Ведь именно Кир больше всего старался вовлечь его в наши игры или разговорить. Я-то за все время сказал Родиону не больше пары-тройки фраз, да и то в самом начале, прежде чем просек, какой он на самом деле молчун.

13 ДЕКАБРЯ, ВТОРНИК

Самая фишка Кировой квартиры — в том, что общий зал у них пониже основного уровня квартиры, и поэтому над ним имеется как бы верхний ярус. Он был, конечно, не настоящим вторым этажом, а больше украшением — как есть такие крошечные балкончики у старых домов. Вроде как «эй, смотрите, а у нас есть балкон!» — «Это

что, фигня. Вот у нас-то круто — в нашей квартире есть даже второй этаж, это вам не кот чихнул!»

Однако забраться на этот второй ярус не составляло труда. Сразу у дверей зала начиналась круговая лестница, по которой вполне могло катиться кресло с двигателем, а рядом еще шли крошечные приступочки, по которым прекрасно можно было подняться и мне. Так что мы с Киром иногда тусовались на типа втором этаже — катались по кругу вдоль деревянного ограждения или прятались от Родиона, когда ему выходило время водить.

Вообще прятаться от него было нетрудно, потому что он частенько замирал на месте, глаза в пространство. И если бы мы не начинали в конце концов звать его из своих укрытий, он, может, так нас никогда бы и не нашел.

17 ДЕКАБРЯ, СУББОТА

Когда Кир приходит к нам, он, ясное дело, усаживается на кровать Тошки, почти даже без моей помощи. Говорю же, у него ничего так прокачанные руки. Вообще Тошка очень ревниво относился к чужим попыткам пристроиться на его постель — он разрешает касаться ее только маме, да и то лишь когда она заправляет одеяло или рассказывает сказку на ночь, — но к Киру проникся неожиданным доверием.

Меня, если честно, даже досада взяла, что брат и не пикнул, когда Кир развалился на его любимом покрывале. В то время как мне даже и присесть-то нельзя, такой ор начинается! Что это, получается, чужому человеку Тоха доверяет больше, чем родному брату?

В общем, я так и был по этому поводу в непонятках, пока меня не осенило: это же он подлизывается к Киру, чтобы остаться в комнате и затусить с нами! Когда мы с Женькой занимались своими делами, мы, конечно, не позволяли мелкому путаться под ногами. Ну а что взять с Кира, если он разрешает даже Родиону тусить с нами во дворе?! Я немного поразмыслил и понял, что если уж Родiku можно с нами болтаться, то выгонять Тошку прямо-таки несправедливо. А в числе моих многочисленных достоинств справедливость стоит в самом верхе списка, это хоть кто подтвердит.

Сегодня мы, например, посмотрели новый ужастик про зомбоидов по моему компу, и я твердо решил не обращать внимание на Тошкин писк где-то справа, со стороны Кира. В конце концов Тошка уже достаточно взрослый, чтобы принимать решения сам (по папиному выражению). Хочет пощекотать себе нервы — пусть щекочет, фиг с ним. А если обмочится ночью, мне-то что — я ведь сплю на верхнем ярусе!

Ну а что касается простыней — стирать-то их в любом случае не мне, а маме. Вот пускай она и проводит с Тошкой разъяснительные беседы, что можно смотреть на ночь глядя, а что лучше не надо.

23 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

Так как Кир жил ближе к школе по нашей улице, он по утрам стал задерживаться у моего подъезда, чтобы подождать меня. И в том, чтобы ходить по утрам вместе, оказался еще один профит.

Дело в том, что хотя до моей школы было не больше пяти минут ходу, обычно я выходил немного позже, чем нужно, поэтому мне всегда приходилось поднажать. Потому что почти у всех учителей есть одна причуда — они считают опозданием даже пару минут. Ну, все, кроме трудовика. Он-то парень свойский и иногда разрешает даже уходить пораньше с урока, если припрет. Например, если до зарезу захочется сгонять в столовку за парой булочек. А другие учителя, увы, совсем не входят в положение и даже могут оставить после уроков за пустяковое опоздание.

А мои объяснения уже, кажется, начинают слегка повторяться — нельзя же бесконечно выдумывать каждый раз новые...

Так вот, вместе с Киром я решил проблему своих опозданий. Я становился на заднюю подножку его коляски, и он врубал полную скорость, так что мы доезжали до школьных ворот минуты за две. А если напрямки через дорогу — то даже и за минуту. Водители хоть и библикали и гудели, но всегда перед нами останавливались.

Я как раз собирался придумать, как еще можно использовать этот профит от коляски, но однажды утром вдруг откуда ни возьмись выскочила какая-то бабулька в платочке и начала на нас вопить. Мол, мы сопливые хулиганы, нарываемся на ДТП, что вот она сейчас же пойдет к директору нашей школы и потом еще к родителям, чтобы они надрали нам уши, а то ишь что удумали!

В общем, мы с большим трудом от нее отвязались. Точнее, оторвались. Потому что гналась она будь здоров, даром что с палкой. Причем на палку даже не опиралась, а держала ее наперевес — то ли грозилась, то ли хотела бросить в нас. Она бы, наверное, гналась и дальше до самой школы, но мы ловко свернули в соседний переулок и таким образом сумели оторваться. Пришлось чуток задержаться, но, к счастью, первым уроком был труд, а трудовик, как я говорил, особо не заморачивается на дисциплине.

Мы так напряглись из-за этой бабульки, что решили впредь дожидаться сигнала светофора, а то кто ее знает, когда она в следующий раз выскочит. И вдруг тогда и правда поперется с нами к директору?.. Ну а Кир

при этом, несмотря на нервяк, сиял как медный таз. И я даже понял, почему.

Потому что бабка и его обозвала хулиганом, а не несчастной жертвой-инвалидом. Я вообще успел заметить, что он во всем так — старается доказать, что ничуть не хуже других.

26 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Ура — начались каникулы + Новый год! И бонус — троек за четверть стало еще меньше. Теперь жду не дожусь, что мне теперь за это подарят!

ПС. Надеюсь, мне подарят то, что я хочу. Серьезно над этим работаю.

1 ЯНВАРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Надарили опять сплошные книжки. Ну еще пару носков с шарфами от бабули и шоколадку с конфетами из новогоднего набора, которые каждый год вручают родителям на их работе. Какой облом! Ни тебе велика, ни новой игры! А книжки я ведь спокойно мог брать и в библиотеке, если бы пришла охота!

2 ЯНВАРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня с утра мама была не в духе. Это, наверное, потому, что нас залили соседи — не сильно, но пол в ванной и коридоре успел намокнуть. Папа сбежал наверх и выяснил, что у них потекла стиралка. Ну а меня мама заставила вычерпывать воду и потом мыть пол, как будто я какая-то Марина.

А сама Марина очень хитро слиняла еще вчера с ночевкой к подружке — прямо как чувствовала. Вот и пришлось мне пахать за нее, причем без всякой благодарности с чьей-либо стороны. Так что я даже чуть не опоздал на утренний сеанс, на который мы с Киром заранее взяли билеты. На новый «Стартрек».

Кстати, недавно я сделал одно открытие: если ходить с колясочником в кино, даже вечером в субботу, то билеты в кассе находятся всегда, даже если предыдущему человеку в очереди сказали, что их больше нет. Ну да на утренние и дневные сеансы билеты, как правило, есть для всех.

Поэтому куда веселее была другая фишка! Оказалось еще, что Киру как инвалиду делали пятидесятипроцентную скидку, а для меня как «лица его сопровождающего» билет и вовсе был БЕСПЛАТНЫМ! (А у нашего недавно открытого кинотеатра даже имелся пандус, так что вообще ноу проблем.)

Ну не гений ли я после этого, что решил закореефаниваться с колясочником?

Если честно, сейчас я уже не понимаю людей, которые не встают в очередь, чтобы затусить с ними!

5 ЯНВАРЯ, ЧЕТВЕРГ

Как оказалось, ходить в кино каждый день тоже может утомить. Вот и Кир сегодня признался, что ему надоело смотреть «Стартрек» по третьему разу. А раз никакого вменяемого боевика, фантастики или хотя бы комедии на этой неделе не предвиделось — только одни детсадовские мультяхи и слезливые мелодрамы, мы решили перенести походы в кино на более удачное в этом смысле время.

6 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА

Каникулы продолжаются!

Правда, сегодня днем мама добавила в эту бочку меда под названием «новогодние праздники» свою ложку дегтя. Она заявила, что мы съели свои праздничные гостинцы (и даже те, что нам надали все родственники) слишком быстро. И она не планирует покупать новые до самого конца зимних каникул. А до этого ведь еще почти целая неделя!

Но не успел я по-настоящему запаниковать, как мама, смягчившись, уточнила, что остался еще один набор конфет, последний. Название — «жалейные». И уж его-то мы должны как следует растянуть, если не хотим остаться вообще без сладкого.

Мама добавила, что даст их нам только после ужина, когда будет покончено с основными номерами ее стряпни. По-моему, зря она объявила эту новость так рано, задолго до ужина. Зачем создавать лишний повод для волнения?

А еще я задумался: что это за конфеты, которые жалеют? И специально потом подсмотрел на кухне в ящичке, где ма обычно хранит всякие вкусняшки, — ну конечно же, снова она все перепутала.

Конфеты-то назывались «желейные». А я, раз уж взял на себя труд разъяснить ее косяк, по-моему, заслужил поощрение в виде пары-тройки этих самых конфет. На мой взгляд, даже несправедливо было бы лишать их меня сейчас, когда я уже открыл ящичек. И, чтобы уж точно не совершить несправедливость, я взял немного побольше — конфет пять или десять. Кстати, они оказались ничуть не хуже, чем предыдущие, трюфеля и «белочки».

Когда мама после ужина заметила недостаток конфет, она, конечно, совсем не обрадовалась. Но так как никаких доказательств у нее не было, кто именно порылся в ее ящичке, то и предъявить лично мне она ничего не могла.

В конце концов, может, их взяла Марина — по ее тумбообразной фигуре не разберешь, съела она десять-пятнадцать лишних конфет или нет.

Или папа — очень уж он довольно улыбался, когда переключал в зале телик на спортивный канал.

Так что мама в итоге просто-напросто обвела нас всех, включая папу, суровым взглядом, взяла кулек и отнесла его в СВОЮ спальню. Что, на мой взгляд, было с ее стороны не очень-то умно: а если бы конфетным вором оказался папа? Что бы она делала тогда, хотелось бы знать?

Но у женщин, как я уже не раз убеждался, есть какая-то своя, особая логика.

8 ЯНВАРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вчера, за вечерним рождественским ужином, мы съели по одной конфетке из набора «желейных». Их и так осталось немного. Поражаюсь, как мама рассчитывала растянуть их на целую неделю — просто святая простота, как выражается иногда бабуля. Особенно с учетом того, что кто-то изначально слямзил целую треть набора (надеюсь, никто не отыщет и не прочтает мой дневник, чтобы узнать, КТО).

Хотя уже сегодня я нашел славный выход. Поскольку я почти каждый день бываю у Кира и у него-то дома этого добра навалом, по крайней мере в вазочке на кухне, я решил, что никто не обидится, если я начну забирать вместе с пирожками и булочками еще и пару-тройку конфет.

Вряд ли даже кто-то заметит, а если и заметит, я придумал просто офигительную отмазку. Ведь чем больше возьму конфет я, тем меньше их достанется Киру! А значит, ему реже придется мотаться к зубному и он еще скажет мне спасибо.

Вот насколько я склонен жертвовать собой ради других — ведь мои-то визиты к зубному никто с такой же легкостью не отменит!

10 ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

Сегодня, в первый же день третьей четверти, училка по биологии Наталья Игоревна задала нам домашку — вырастить плесень из какого-нибудь кусочка хлеба или другого продукта.

Эх, где она раньше была со своим заданием, когда у меня сама по себе выросла плесень в углу, потому что я как-то забросил туда остатки сыра и совсем забыл? Зато бабуля нашла по запаху и долго потом ругалась (даже Марина глянула на меня с оттенком уважения) и пообещала лишить меня карманных денег на днюху. С позапрошлого года на все днюхи она дарила нам — кроме

Тошки, понятное дело, — карманные деньги. Марине больше, чем мне, якобы по старшинству, хотя, по-моему, это полная муть. Маринка-то ведь девочка, а значит, всяких интересных дел, на которые могли бы понадобиться средства, у нее стопудово меньше. А бабуля теперь и этих крох грозила меня лишить! Однако я решил не обращать особого внимания на ее угрозы — моя днюха только летом, третьего июля, а за полгода ба наверняка уже или забудет, или оттает.

Правда, в летней днюхе имелся и свой минус. В июле все обычно разъезжались, так что приходилось праздновать ее лишь с семьей и родней, а это не сказать чтобы понтово. Поэтому недавно я взял с Кира самое что ни на есть честное слово, чтобы ХОТЬ ОН никуда в начале июля не разъезжался.

24 ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

У новенького Кирова дома имелся пандус (подозреваю, что в том числе и поэтому его родители и прикупили здесь жилье), зато у нашего его не имелось. Так что я даже не представлял, как Кир попадал в наш подъезд, но когда он уходил, это была целая история. Сначала мой папа выносил его на руках, сажал на скамеечку у дома, а потом уж выкатывал коляску. И это хорошо еще когда работал лифт! Живем-то мы на седьмом этаже.

Однажды на уроке физики я снова вспомнил об этом интересовавшем меня вопросе (а вопрос преломления лучей в воде как раз в тот момент не входил в список моих интересов, как выразился бы Угар) и задал его Киру.

Даже не знаю, что я рассчитывал услышать — фантастическую историю в стиле комиксов с участием супергеройского турбоплаща и прочих штучек? В любом случае, правда оказалась куда проще. Кира просто-напросто провожал к нам его папа, когда присутствовал в городе. А когда отсутствовал — то мама.

— Корольков, тебе, видимо, не интересна новая тема? — громко поинтересовалась Роза Яковлевна.

Я вздрогнул и выпрямился. Кира она по пустякам не дергала — не из-за инвалидного кресла, а потому что он все домашки делал на совесть, ну а Роза это просто обожает.

— Может, сообщишь нам, что тебя так заинтересовало? — Тишина. — Не хочешь? — Тишина. — Ну тогда будь добр, расскажи нам предыдущую тему. Ты ведь учил заданный на дом параграф, верно?

— Учил, — вздохнул я и, выбравшись из-за парты, поплелся к доске.

Кир тоже выглядел нерадостным — может, думал, что его не дергают как раз из-за кресла, а не из-за домашнихек.

А я, вернувшись за парту после не слишком удачного выступления (я ведь уже писал, что физика с химией не мои коньки?), сделал для себя вывод, что некоторые вопросы лучше не выяснять.

По крайней мере, не на физике, а то уж очень острый слух у Розы. Ей бы в музыкантши пойти, а не в физички.

Быстрее бы уже весенние каникулы! И майские праздники... Их в этом году в школе решили сделать длинными, как и новогодние, — с 1 по 10 мая.

А еще в нашей школе — пятидневка. Хотели было ввести шестидневку по инициативе каких-то активных родителей из комитета, но директор нас, к счастью, защитил.

Даже не представляю, как бы я терпел все это не пять, а целых шесть дней в неделю...

28 ЯНВАРЯ, СУББОТА

Кир рассказал, что родился здоровым. Но когда ему было лет семь, рядом с их домом начали строить еще один дом. Однажды он и пара приятелей решили немного исследовать стройку и уже лезли обратно, когда что-то под ногами обвалилось и они полетели вниз на бетон. Приятели ничего, а вот Кир упал неудачно, в позвоночнике что-то сломалось.

Он уже более или менее привык, ничего, приспособился жить так. А вот родители до сих пор переживают. И кажется, еще надеются, что однажды он снова встанет и пойдет. Очень не хочется их разочаровывать, но ему эти больницы, врачи, операции, процедуры и лекарства надоели хуже горькой редьки!

Стройку с того случая обнесли стеной, но они все равно решили переехать в другой район.

Я не знал, что на это сказать, и поэтому просто молчал. И очень удивился, когда Кир добавил, что ему еще повезло. Я даже спросил: в чем повезло-то? Он ответил: в том, что все остальное, кроме ног, его слушается. А то паршиво, когда даже умыться сам не можешь. Он, когда лежал в больнице, всякого насмотрелся...

1 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА

Сегодня случилось долгожданное событие — физрук Андрей Борисович, как давным-давно обещал, повел нас на лыжах в ближайший лес.

Ну как лес — скорее, лесок. Но в любом случае лучше, чем наматывать круги по школьному стадиону, ага? Вот и я так подумал. (Физра у нас была раз в неделю, но зато сдвоенная, так что времени-то навалом.)

Однако радовался я недолго: не успели мы добраться до леска и сделать даже полкруга, как одна из под-

ружек-зубрилок Лиза Ростовцева ухитрилась лыжной палкой чуть не отфигачить себе полногтя. За что-то там зацепилась, что ли.

Она вообще ехала чуть ли не последней и держалась на лыжах так, словно впервые их увидела. Хотя в прошлом году мы точно так же катались, я точно помню! В общем, Лизка завизжала так, словно действительно отфигачила ноготь, и физрук, конечно, немедленно повернул назад. Ведь Лизе требовалось в медпункт. Не скажу, чтобы рана была слишком опасной — крови-то вытекло немного, — и в любом случае она могла бы потерпеть, чтобы не ломать кайф всему классу.

Но у девчонок, как известно, свои собственные проблемы на все случаи жизни, которые я давно уже не надеюсь понять.

12 ФЕВРАЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мама ввела нам специальную стипендию за оценки: за пятёрки пообещала давать сто рублей, за четверки — пятьдесят, за тройки ноль, а за двойки, что самое стремное, — отбирать ту же сотку. А подводить итоги она станет в конце каждого месяца после тщательного изучения наших с Мариной дневников.

Тут Марина прямо-таки засияла. Конечно, чего бы ей не радоваться, если она по-любасу не останется в накладе! Ей-то ведь не надо даже напрягаться, чтобы получать пятёрки. Она и так уже пятерочница.

А вот я-то не особенно радовался. Потому что у меня больше шансов поймать единорога, чем словить пятёрку или хотя бы четверку на химии, которую (не помню, говорил я или нет) я просто НЕНАВИЖУ.

Единственные предметы, к которым я отношусь с уважением, — это музыка и литература. Ну и еще немного история. Потому что на музыке можно горланить почем зря вместе с классом. Да еще и получать за это пятёрки. А на литературе и частично на истории можно наболтать с три короба и этим скрыть тот факт, что ты не учил тему и вообще не при делах насчет домашки.

Так что теперь, боюсь, как бы не остаться в минусе при этих мутных расчетах и не лишиться СОБСТВЕННОЙ записки. Мама-то наверняка знает, где она лежит — ведь это она (мама) убирает мою комнату. Недавно мне даже пришла в голову идея: может, сказать, что теперь я сам буду разгребать тут весь мусор?

Хотя, в любом деле не стоит рубить с плеча. Обратное-то вернуть будет уже сложнее. Конечно, мне не по себе от мысли, что мама может запалить мою записку в любой момент.

Но есть один важный нюанс: я же делю комнату с Тошкой, а мусора от моего младшего брата куда

больше, чем от меня самого! И что-то подсказывает, что в уборке от него будет мало толку, а мне в лом подметать еще и за него. Если по чесноку, мне в лом подметать даже за себя, и поэтому пока я не вылезаю со своей идеей и только перекладываю записку каждый раз в новое место.

Идея! Надо бы сказать маме, что я потратил ее на какое-нибудь пафосное дело! Она обожает такие истории по телевизору.

Ну а пока одна надежда — что мой сосед Кир не съедет и будет по-прежнему давать мне списать (и нас не рассадят). Это мой единственный шанс удержаться на тройках даже на ненавистной химии...

13 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Я все-таки сказал маме, что истратил на одно дело всю записку (чтобы не рисковать ею в сомнительной затее с оценками). Мама, конечно, сразу спросила, что это за дело. Но я подготовился и весомо ответил:

— Купил одной девочке подарок на 14 февраля.

Я даже не слишком и сорвал. Я ведь и правда купил Насте валентинку, чтобы опустить в наш классный «валентинов» ящик — без подписи, конечно, но зато с пожеланием оставаться «такой же красивой».

Я просто не уточнил, что эта открытка была не из самых дорогих.

Мама, конечно, тут же пожелала узнать, почему я не обошелся, например, открыткой и конфетами и почему понадобилось спускать всю записку.

— Ну, мам, это же *красивая* девочка. — Я даже удивился ее несообразительности. Когда не надо, ма всю применяет свою дедукцию, как заправский детектив, а тут прямо застопорило.

— О! — Она наконец-то просекла. Но после короткой паузы продолжила сыпать вопросами: — А как ее зовут? Я ее знаю? Она учится в твоём классе? А покажешь на общей фотографии?

Однако тут я уперся накрепко — не скажу, и все. Так что пришлось маме отстать со своим любопытством.

Я-то уже знаю, как она умеет хранить тайны, так что ни за что не доверю ей ТАКОЙ секрет!

22 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА

Сегодня случилось замечательное... даже замечательное событие, почти чудо — сама Настя! Первая! На большой перемене у столовки! Со мной заговорила!

Сразу после того, как девчонки нас поздравили с наступающим 23 Февраля и подарили по набору ручек и блокноту (и тут без учебы никуда!).

А Настя как будто все же просекла, что именно я отправил ту валентинку! Может, узнала по почерку, хотя я и старался его изменить?

Конечно, она получила десять или двадцать других валентинок, но моя стопудово была самой классной и оригинальной и больше всего ей понравилась. Я ведь даже позаимствовал на время сеструхин красный маркер и пририсовал внизу сердечко со стрелой! А маркер сначала забыл вернуть. А потом, когда Мариница начала переворачивать все вверх дном, ругать того, кто его спер, и злобно на меня коситься, я оскорбился и решил вовсе не возвращать. Пусть будет ей уроком — может, научится думать о людях лучше.

Хотя вряд ли.

— Я слышала, у Красавина живет какая-то стремная черепаха? — спросила Настя.

— Почему стремная, нормальная. — Я удивился, чем Фишка вообще могла ее заинтересовать.

— Ну, не важно. — Настя как будто немного смутилась и от этого стала еще симпатичнее. — Я просто подумала, неплохо было бы достать ее фотку и сделать небольшой как бы репортаж, то есть заметку...

— Заметку? О какой-то черепахе? — Я все больше удивлялся. Краем глаза я заметил, как Кир пытается завести разговор с гением Левого — дохлый номер. Еще не всякой училке это удастся. — Зачем?

— Не о какой-то, а о питомце одноклассника. Причем довольно экзотичном. Питомце, я хочу сказать. По-моему, интересная идея — начать рассказывать о своих домашних животных — а Красавин бы начал первым... Мне ведь классная сказала сделать типа стенгазету к началу четвертой четверти. Я не говорила?

Я помотал головой.

Настя, по-моему, вообще раньше не заговаривала со мной вот так, один на один. Глаза в глаза. Красивые у нее все-таки глаза, то ли светло-синие, то ли темно-серые. И ресницы длиннющие — ух... И еще голос. Интересный у нее все-таки голос, необычный: с одной стороны, звонкий и мелодичный. А с другой, почему-то кажется, что она может говорить еще звонче и как будто специально приглушает его. И эта двойственность как-то цепляет. Заставляет ломать голову, напрягать слух и прислушиваться скорее не к тому, ЧТО она говорит, а КАК.

— Это, типа, моя проектная работа, — продолжала она своим полувзвонким голосом. — Везет тебе, что ты свою сделал!

Собственно, сделал-то не совсем я. Я только поставил свою фамилию и дату. Но сейчас я не стал это уточнять и только важно кивнул. Зачем разочаровывать человека при первом же настоящем разговоре?

— Вот я и подумала — написать, у кого какие животные живут. Как заглавную заметку. Ну и остальное по мелочи — стихи там, рисунки...

— Не у всех они есть, животные-то, — немного скованно заметил я.

Настя всегда, с самого первого класса оказывала на меня такое действие: в ее присутствии мое остроумие словно усыхает, и я не могу выдать из себя ничего дельного или толкового.

— Ну, у кого есть. — Настя опустила глаза. — У меня пока нет, но я надеюсь завести... кошку, да. Точнее, кота — с ним проблем меньше. И может, у кого нет животных, прочитают заметку и захотят завести? В общем, я решила начать с Красавина, а дальше как пойдет.

Теперь идея казалась мне более дельной, чем в начале разговора, и я кивнул с самым умным видом.

Единственное, что немного смущало: почему Настя не обратилась напрямую к Киру?

Но, с другой стороны, мне-то глупо на это жаловаться. Хотя какая-то общая тема у нас с ней нашлась!

— Так вот, — продолжила Настя, — чтобы выглядело убедительно, нужна не только заметка, но и фотка зверюшки. В смысле, черепахи. У тебя ведь есть?

— Что, фотка? — Ее вопрос снова застал меня врасплох.

— Ну, ты ведь бываешь в гостях у Красавина? И фотик у тебя классный. — Настя глянула мне прямо в глаза. Глаза у нее все-таки скорее серые, даже немного дымчатые. — Сто процентов, у тебя найдется пара-тройка смешных...

— Смешных? — переспросил я, уже догадываясь.

— Ну, прикольных. — Она нетерпеливо дернула плечом, как будто раздражаясь, что на объяснение простых вещей приходится тратить так много времени.

И тут я наконец допер.

Настя вовсе не собиралась делать серию заметок и не слишком интересовалась чужими животными. Она просто хотела приколоться над Киром. Но почему? И разве так можно?

— Ты сделаешь это для меня, да? — Она снова взглянула на меня своими дымчатыми глазами, и я разглядел на ее переносице несколько золотистых веснушек. Они ей удивительно шли — как никому из моих знакомых. — Это ведь просто шутка, прикол. А ты у нас спец по приколам, да?

Вот так моя репутация шутника сыграла со мной злую шутку. Я раздумывал об этом всю дорогу домой.

Кир поначалу пытался о чем-то со мной заговорить — о планах на лето, кажется, хотя до лета было еще как до луны, и какой-то поездке, которую хотели организовать его родители. Но видя, что я не в духе, тоже постепенно умолк.

А я все думал и думал: и зачем только Насте понадобился этот дурацкий прикол?

Но и отказать ей в такой мелочи тоже было как-то глупо. Вдруг она после этого больше не захочет ко мне подходить? А тут какая-то чепуха, всего лишь черепашка. Может, просто попросить у Кира ее фотки?

Но если он спросит, зачем, что сказать? Для прикола? Он и сам поймет, что для прикола, когда увидит стенгазету. А если прознает заранее, может, и вовсе не подпустит к аквариуму. Он ведь трясется над своей черепахой будь здоров, хотя и не подает виду.

Так что лучше, может, сфоткать ее втихомолку?

А если Кир обидится и не позовет больше в гости? Но и разбрасываться шансами на общение с Настей я тоже не могу...

Я, может, уже пару-тройку лет жду того самого шанса!

25 ФЕВРАЛЯ, СУББОТА

Так я все праздники — четверг и пятницу — все размышлял и думал. Даже на улицу, в Киров двор не ходил, сказал, что занят.

А сегодня после ужина, за которым я мрачноковырялся в своем салате и почти не огрызался на ехидные шуточки Марины, мама заподозрила неладное. У нее вообще феноменальный нюх на всякие наши косяки и подвохи.

Поэтому, не успев даже помыть тарелки, она пришла в мою комнату — ну ладно, нашу с Тошкой комнату, присела на нашу кровать и с тревогой спросила:

— Ты не заболел, сынок?

Так как лежал я на своем верхнем ярусе, а мама уселась туда при всем желании не могла (помешал бы потолок), то сидела она, соответственно, внизу. На Тошкином месте. Мне так было даже легче — не нужно смотреть в глаза.

— Нет, — сказал я.

— Может, тогда в школе что?

— Ничего. — И, помявшись немного, я задал вопрос: — Ма, а тебе никогда не приходилось... выбирать?

Она закивала с довольным видом, как будто даже успокоившись. Мол, наконец-то я начал задавать не детские или глупые, а СЕРЬЕЗНЫЕ вопросы.

— Выбирать, Ромочка, — вообще мне не нравится, когда мама зовет меня так по-детски, но сейчас было не до того, — в жизни так или иначе выбирать приходится всем. И иногда даже каждый день.

Каждый день? Да она смеется! Неужели мне придется терпеть такое постоянно? Я застонал про себя. Утешитель из мамы не очень, если по чесноку.

— Порой этот выбор касается на первый взгляд незаметных вещей, — с энтузиазмом продолжала мама (ну, утешает хоть, что незаметных), — а иногда речь идет о выборе жизненного пути... — Тут она замолчала, прислушиваясь.

В зале, где папа с Тошкой сейчас смотрели телик, было как-то подозрительно тихо. Я бы и сам что-нибудь заподозрил, если бы не был занят мыслями о Насте и ее просьбе.

— Главное — не идти против совести. Слушай свое сердце — оно всегда подсказывает верно...

Я как-то резко и внезапно выпалил:

— А если одна классная девочка просит прокатить неплохого парня?

— Прокатить — в смысле на велосипеде? — не поняла мама.

— В смысле, поржать, — раздражаясь на ее непонятливость, буркнул я.

Глаза у мамы сразу сделались очень большими (хотя и так в принципе не маленькие) и очень сочувственными.

— Тогда, может, эта девочка не настолько классная? — осторожно предположила она.

Мама странная, она ведь Настю даже в глаза не видела — только по общим школьным фоткам.

— Ну, она очень красивая, — объяснил ей я.

— Но ведь красота должна быть и в душе...

Тут из зала донесся отчетливый звон, с которым могла бы разбиться, например, старая ваза, стоявшая на столике у телевизора. Мама, не договорив, вскочила с кровати и торопливо вышла из комнаты. А я так и не понял, как можно посмотреть и проверить, какая у человека душа.

Хотя это все равно бы не решило моей проблемы.

Что же мне делать: рискнуть дружбой Кира и его уважением в ответ на призрачный шанс завоевать расположение Насте? Или навсегда лишиться шанса вырасти в ее глазах, но зато не обидеть Кира? Даже если я и не подпишу, кто автор фото, всем будет ясно, кто. А главное, это будет ясно Киру.

(Позже вечером)

Я все-таки притащился после ужина в зал к телику, потому что спать не хотелось, а просто так валяться было тошно. К счастью, там почти никого не оказалось. Ну, кроме Тошки, но он никогда не был настоящим соперником по борьбе за пульт. Мама мыла посуду, папа читал газету на балконе, Маринка наверняка что-нибудь зубрила в своей комнате, а бабуля там же вязала сотый по счету шарф или носки. Ей давно уже пора открывать собственный ларек по продаже носков.

Не обращая внимание на Тошкино нытье, я переключил с мультика на «Дискавери». Там как раз

показывали «уткоапокалипсис». В смысле, громадная стая уток ни с того ни с сего вдруг кинулась бежать и порядочно так пробежала, не хуже каких-нибудь олимпийцев. И все это дело кто-то успел заснять на камеру. Интересно, к чему бы это?

По телику сказали, что ни к чему хорошему.

Интересно, а куда они все-таки собираются подсесть моего третьего братца или вторую сестру?..

2 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Я все-таки сделал это.

Когда сегодня после уроков зашел к Киру, улучил минутку и сфоткал его черепаху на мобильник. Кир как раз поехал на кухню выпрашивать у мамы, чем бы перекусить до обеда (хотя она и не одобряла эти перекусы).

Я на всякий случай щелкнул несколько раз, забыв убрать вспышку, так что черепаха сунула голову в панцирь и убралась в дальний угол террариума. И вообще выглядела какой-то несчастной, хотя и была довольно большой — сантиметров двадцать. Мне даже снова стало не себе. Но тут я напомнил себе, ради чего, а вернее, ради кого все это делаю, и щелкнул еще пару раз для ровного счета.

Как раз в эту минуту в комнату вкатился Кир с печеньками и газировкой. Я ловко выкрутился, сказав, что Марина тоже загорелась завести себе черепаху или игуану и попросила фоткать все похожее, что попадет на глаза. Чтобы она, значит, потом посмотрела и выбрала.

Риска спалиться не было никакого: Марина традиционно не общалась с моими друзьями и не сделала исключения и для Кира, за что теперь я был ей очень благодарен.

Вообще я где-то читал, что когда примешь какое-нибудь определенное решение, в любом случае становится легче на душе.

Только мне пока почему-то не стало.

4 МАРТА, СУББОТА

К нам сегодня с утра приехал погостить дедушка из соседнего города, и угадайте, куда его подселили? Может, к родителям? К Марине и бабуле? И снова не угадали. К нам с Тошкой, в и без того самую крохотную комнату квартиры!

Если бы не это обстоятельство, все бы прошло прекрасно. Дедушка был как дедушка, только руки у него были малость пятнистые, а волосы хоть и седые, но слишком лохматые. Как будто он постоянно удивлялся и

поэтому все время их лохматил (мама меня, кстати, за это всегда ругала).

— Роман, я слышал, ты тут помогаешь мальчику с ограниченными возможностями? — ни с того ни с сего спросил вдруг перед сном дед.

Я уже натянул на себя пижаму и собирался лезть наверх, а там дочитать про Зверобоя с фонариком под одеялом, и к его вопросу оказался не готов.

Да и вообще давно уже не думал о Кире именно в таком ключе. И еще неизвестно, кто кому больше помогает. Если брать, например, школу или халявные билеты в кино, то тут скорее Кир мне.

— Но ты еще учти, — продолжал между тем дед, — этот мальчик может быть очень уязвимым, так что не рань его ненароком.

В глаза деду смотреть стало почему-то неловко (а Тошка тут же навострил уши и завертел головой), и я перевел взгляд на его пятнистые руки. И заметил, что ногти у него не как у всех, а какие-то потрескавшиеся, что ли.

Я скованно кивнул и промолчал.

Дед, он такой — умеет одним вопросом вывести человека на чистую воду или заставить почувствовать себя не в своей тарелке. Недаром он бывший фронтовик, сын полка — я это специально узнавал к классному часу на 9 Мая. Чтобы было о чем рассказать. А Алла Сергеевна тогда так впечатлилась, что даже заставила меня повторить свой доклад перед всей школой в актовом зале.

И знаете что? После моего молчаливого кивка дед глянул на меня прямо-таки рентгеновским взглядом, как будто сам все уже выяснил про черепаху и фотку. И я, чтобы только отделаться от этого взгляда, зевнул во весь рот и полез наверх, типа, очень устал.

Но заснуть на самом деле не мог еще долго.

7 МАРТА, ВТОРНИК

Настя заболела! Дымакова сказала, у нее ОРВИ, когда Алла Сергеевна спросила на первом уроке...

А я-то еще собирался поздравить ее с 8 Марта — после общих поздравлений с вручением набора фломастеров — и вручить подарок уже от себя. После уроков, конечно, и даже за пределами школы и школьного двора, потому что подарок у меня как бы намекающий. Букет из трех шоколадных розочек в красной обертке.

А так — пришлось тащить его обратно, как последнему лузеру.

Как бы Марина теперь его не сожрала. Она ведь учует шоколад и за километр.

15 МАРТА, СРЕДА

Настя наконец-то пришла сегодня в школу после больничного!

А я даже свои розочки не взял, чудом сохранившись в дальнем ящике шкафа от прожорливой Марины! Вчера и позавчера носил в портфеле, а вечером выложил, чтобы не мялись, и сунул в свое укромное место — а сегодня забыл, остопоп!

Сразу после первой литры я подошел к Насте, подловив момент, когда она стояла одна у раздевалки и листала что-то в телефоне, и как бы между прочим заговорил:

— Привет.

— Ну, приветик. — Она, не поднимая головы, продолжала что-то смотреть на мобильном.

— А я тут черепаху сфоткал. Красавинскую, — уточнил я на всякий случай.

Настя посмотрела на меня.

— Да? — И со сдержанным любопытством спросила: — Ну и как она?

— Страшилище, — зачем-то ляпнул я, хотя Фишка и не была никаким страшилищем.

— Красавин и страшила! Хорошо звучит для заметки, а?

— Наверное, — кивнул я, хотя и не думал на самом деле, что название удачное. — Хочешь, покажу?

— Лучше скинь. — Она наконец улыбнулась.

И, отвечая на ее улыбку, я снова бесшабашно кивнул:

— Да без проблем!

И после этого торопливо, пока не закончилась перемена, перекинул Фишкины фотки по блютузу на Настин телефон.

Все-таки некоторые улыбки по-любасу способны загипнотизировать, на мой взгляд.

16 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Сегодня с утра Настя написала мне в личку на «Фейсбуке». В первый раз!

Она написала, что распечатала одну фотку в большом формате — специально для стенгазеты. И предложила вместе начать оформлять ее после уроков в школьной библиотеке. Все равно там никого не будет, и библиотекарьша Аглая читает или переставляет свои книжки, и ей без разницы.

Помогать я с радостью согласился, а вот распечатанный большой гляцевый снимок мне не понравился.

Теперь, увеличенная, Фишка выглядела на нем какой-то особенно нелепой. Если ее не знать, запросто

можно решить, что она заторможенная или отсталая в развитии...

24 МАРТА, ПЯТНИЦА

Делать стенгазету не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. Взорвать можно, пока рисуешь ватман всякими вензельками и расклеишь все снимки и распечатки заметок. И пока исправишь то, что Настя забраковала...

Заниматься газетой получалось не каждый день, потому что дважды в неделю у Насти была музыкалка и один раз — французский. Ну а в понедельник и четверг в библиотеке после уроков мы делали газету. Аглая Степановна и правда почти не обращала на нас внимания. Но, ходя туда-сюда вдоль стеллажей, она иногда все же косилась на наши ватманы, фотки, кисточки, набор гуаши и разные маркеры — все в основном принесла Настя.

А я уже и не знал, какую новую отмазку придумать для Кира, почему я задерживаюсь и не тороплюсь домой.

Это оказалось довольно необычно и волнующе — делать что-то вместе с Настей, пусть даже эту сомнительную газету.

Но все равно мне было как-то не по себе.

Особенно нервировало, что эта несчастная черепаха на отпечатанном Настей снимке выглядела слишком уж большой и нелепой. Даже нелепее обычного.

А Настя к тому же расположила заметку про нее ровно посередине. То есть фотку посередине, а текст — по краям от нее, и первый же взгляд на газету сразу утыкался в рептилию.

И при этом первом взгляде посторонний человек стопудово заржет, так умильно Фишка склонила голову, глаза прямо в объектив. Это был случайный кадр, я даже не приглядывался, как снять, — и потому оказался самым дурацким. Ну а Настя по закону подлости выбрала именно его. Просто нарочно не придумаешь...

Никогда не думал, что клеить и раскрашивать газету — такой утомительный труд.

7 МАРТА, ПОНЕДЕЛЬНИК

Газету мы закончили еще в пятницу, но Настя решила вывесить ее попозже, после каникул.

Вот, собственно, они и начались.

В кинотеатрах ничего интересного нет. Да и вообще мне перед Киrom как-то неудобно — хотя вроде бы и не за что, и поэтому я сказал, что не смогу пока гулять с ним и с Родиком, потому что занят. Точнее, даже не сказал, а написал в «Вотс-апе». Кир вряд ли понял, чем

именно я занят, но переспрашивать не стал, написал только: «Ок, напиши, как сможешь».

3 АПРЕЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня первый день последней четверти, и мне было как-то не по себе выходить с утра из подъезда. Потому что я за всю неделю каникул так Киру ничего и не написал. Однако он, как обычно, уже ждал у своего подъезда, я, как обычно, подошел, и мы без всяких распросов, как и обычно, покатили в школу.

Настя на перемене сказала, что повесит газету сегодня вечером или, скорее всего, завтра утром перед уроками. Я ничего на это не сказал, только кивнул, и она, подмигнув, унеслась с подружками в столовую. У меня что-то не было аппетита, и я не пошел, хотя Кир несколько раз звал и даже предложил половину своего обеда.

За ужином я был в полном раздрае. Мама уже не спрашивала, что случилось, а только хитро улыбалась, как всегда, когда готовила нам какой-нибудь сюрприз или подарок. Мне было не особенно интересно, что она приготовила, — я ведь уже не детсадовец, как Тошка, чтобы игрушка или сладость могла меня развлечь. Ну, в смысле, если только это не видеоигрушка, но вряд ли у мамы вдруг завалась такая.

Марина вяло переругивалась с Тошкой. Так как я не отвечал, ей пришлось волей-неволей переключиться на младшего брата, а шестилетний малявка, конечно, не самый лучший партнер по пикировке. Бабушка с папой оживленно обсуждали ремонт в прихожей, где пока был просто кавардак, и предстоящий ремонт на кухне. Видно, этот ремонт надолго.

Уйдя в свои мысли, я так и не смог осилить гречневую кашу с печенкой и первым вышел из-за стола. И сразу же отправился в свою комнату, в кровать. Потом, правда, все-таки заставил себя почистить зубы, раздеться, снова лег — и отрубился на всю ночь без всяких снов.

4 АПРЕЛЯ, ВТОРНИК

По ощущениям, я закрыл глаза и почти сразу же их открыл — но в окно уже светило солнце.

Утро.

По-весеннему беззаботное.

Я застонал при мысли о том, что сейчас придется спускать ноги с кровати, завтракать и топать в школу, где в нашем классе уже наверняка висит состряпанная нами стенгазета... Возникло ощущение, что я отдал Насте какую-то ценную и хрупкую вещь, а она даже не следит за тем, чтобы это не разбилось.

Я все-таки спустил ноги с кровати, и тут мелькнула обнадеживающая мысль — может, пожаловаться маме

на боль и слабость и выбросить у нее справку-освобождение на день? И я бы даже не слишком соврал, чувствовал-то я себя на самом деле паршиво.

Это, конечно, не совсем решение проблемы, но, может, все как-нибудь разрешится и без моего участия? Честно, я уже устал об этом думать.

— В последнее время ты будто воды в рот набрал, — заметила мама, пока я пытался разделаться с бутербродом, запивая его чаем.

Я специально ел медленнее, чем обычно, растягивая время, чтобы выйти попозже и не столкнуться на улице с Киром. Неохота было заходить в школу и видеть эту стенгазету вместе с ним.

— Думаю, кое-что тебя развеселит, — добавила мама хитрым голосом.

Я поднял на нее глаза, уже почти решив пожаловаться на головную боль и выбить справку для классной, что у меня плохое самочувствие.

— Я еще позавчера хотела тебе сказать, но совсем вылетело из головы с этим ремонтом. — Мама сделала круглые глаза и прижала ладони к вискам. — А вчера ты чуть ли не спал за ужином. В общем, мне позволили родители Кирилла, просили разрешить взять тебя с ними в Черногорию на майские праздники. У них как раз есть в машине одно место, а Кириллу веселее в компании. Да и тебе море не повредит, и вообще не помешает хоть немного загореть. Но это, конечно же, при условии, что ты поклянешься мне слушать родителей Кирилла и не лезть в море. Там вода еще холодная, но зато и солнце, и воздух, и вообще красота — помню, когда мы с папой там были, тоже, кстати, в мае...

— И что ты сказала? — Я сам не узнал свой голос — тонкий, как у девчонки.

— Я сказала, что не против. В родителях Кирилла я уверена так же, как в нем самом, а мы на май как раз запланировали небольшой ремонт... Ну что молчишь? Не слышу радости. Сам-то ты не против или как?

— Я... Сейчас, — сказал я, наконец обретая свой настоящий голос и срываясь с места, — я уже в школу опаздываю... Я пошел!

И второпях умывшись, одевшись и подобрав портфель (и забыв при этом шапку и шарф), я вылетел из квартиры.

— Постой, а завтрак? — успела только крикнуть вслед мама, прежде чем входная дверь с мрачным треском захлопнулась, а я помчался вниз по лестнице и на

улицу к школе. Кира у его подъезда, конечно, уже не было.

К счастью, бежать мне было пять минут. И, к несчастью, в школе уже висела стенгазета. Даже больше того — она висела вовсе не в нашем классе, а на первом этаже в коридоре, на всеобщем обозрении, где все могли на нее полюбоваться.

И все уже любовались.

Около газеты собралась толпа среднеклассников, и еще хуже того, в ней уже раздавались смешки! И громче всех заливалась стоявшая в центре этой толпы Настя. Смеясь и закидывая вверх голову, разбрасывая по плечам светлые кудряшки, она становилась еще красивее — но почему-то уже не казалась такой милой, как раньше. Вряд ли я вообще ей когда-нибудь нравился.

Я обхватил голову руками. Какой же я дурак! И ничего уже не поправить, не вернуть — и не видать мне теперь Черногории как собственных ушей...

— И откуда эта фотка? — негромко произнес рядом знакомый голос.

Я дернулся и обернулся — за моей спиной стояла Дымакова. Как же ее зовут — Ольга, что ли? Звали-то ее все исключительно Дымакова.

— Еще и с такой подписью.

— Я сфоткал, — зачем-то признался я.

Хотя что она мне, прокурор, что ли?

— Ну и глупо, — кратко заметила Дымакова. Она вообще была немногословна. — Она ведь просто отыграться хотела.

— Отыграться? — эхом отозвался я.

— Ну да. Она ему валентинку на 14 февраля послала, а он не ответил.

— Насте нравился Кир? — переспросил я, чувствуя себя еще более глупым.

Я был настолько ошарашен, что даже чуть было не ляпнул: «Колясочник?»

Теперь Дымакова глянула мне прямо в глаза с удивлением и даже сожалением. И еще, кажется, с разочарованием. Сначала она явно не хотела это комментировать, но потом все же ответила, дернув плечом:

— Ну, он умный. — Она так сказала, будто это само по себе все объясняло. И как будто сама она, Дымакова, тоже запала на Кира.

А я-то думал, она — кремень.

Дымакова, больше ничего не добавив, повернулась и потопала на урок, не дожидаясь звонка.

Интересно, и почему все эти умные советчики появляются, когда дело уже сделано и поздно что-то менять? Сейчас-то я, может, и сам жалел, да что толку.

Первым моим порывом было стащить на фиг эту газету с доски, но я не посмел. Во-первых, ее уже все видели. Во-вторых, Насте могло попасть от Аллы Сергеевны за срыв поручения, а там были еще какие-то заметки и помимо «черепашей». Даже пара Настиних стихов и моих рисунков.

И поэтому все, на что меня хватило, — это подойти к газете после звонка на урок, когда все уже разбежались, и закрасить черным маркером насмешливую подпись к фотке Фишки: «Какие хозяева — такие и животные». Хорошо хоть мне хватило ума настоять на том, чтобы эту насмешку Настя не вывела в заголовок.

На урок литературы я в итоге не попал — Игорь Валентинович очень не любил опоздун, и чтобы не ждать следующего — по расписанию классного часа у Аллы Сергеевны, — я решил и вовсе свинтить потихоньку домой.

Голова заболела уже по-настоящему, так что теперь я точно не совру маме, когда скажу, что плохо себя чувствую.

Вот парадокс — когда я специально пытался заболеть с помощью эскимо и ледяного душа перед четвертной контрольной по матике, ничего не вышло, а тут нисколько не старался — и пожалуйста. Даже горло уже побаливало, и в уши словно песка насыпали.

Может, это из-за недавней пробежки — несмотря на апрель, ветер сегодня был прямо-таки пронизывающий.

Выходит, Насте понравился Кир, и она ему наверняка тоже — не представляю, чтобы Настя могла кому-то не понравится. По крайней мере с первого взгляда. А он ей не ответил, потому что знал, наверное, что она нравится мне. А она в итоге меня использовала, чтобы отыграться, — и так, чтобы в итоге я сам почувствовал себя подлецом...

Не успел я перешагнуть порог дома, как зазвонил мобильник. Я глянул на дисплей — Кир.

Наверное, да, лучше выяснить все сразу.

Конечно, я предпочел бы это отложить, но, с другой стороны, что толку в оттягивании.

— Привет, Ромка, — заговорил Кир как ни в чем не бывало (но я-то знал, что это обманчивое впечатление), — слушай, а почему ты в школу не пришел? Я ждал у подъезда до упора.

Я ничего не ответил, потому что в школу все-таки пришел.

— Ну ладно, — продолжал между тем Кир, — я как раз хотел рассказать...

— Мне было стыдно, — наконец отмер я. — Я не знал, что так выйдет... то есть догадывался, конечно, но... Когда Настя попросила, я думал, это будет просто приколом, шутка, ничего такого... Я не знал, что она прямо на первом этаже развесит... — Я замолчал, чтобы перевести дух, — извиняться оказалось довольно-таки трудным делом, особенно если не имеешь к этому привычки.

— При чем здесь Настя? — удивился Кир, и его голос зазвучал напряженнее. — Я, наоборот, хотел сказать спасибо за фотку. Я только после литры увидел. Ребятам Фишка, кажется, понравилась, и они даже вроде перестали на меня обижаться, а Алла Сергеевна попросила рассказать о ней на классном часе, и я рассказал... А ты, выходит, — перебил он сам себя, — это по приколу сделал? Не сюрприз, а просто чтобы посмеяться? Вместе с Настей?

— Кир, я... — Я замолчал, поскольку, как уже говорил, извиняться не моя стихия, и что еще сказать, я не мог придумать.

— Ладно тогда, — произнес Кир, не дождавшись продолжения, — ладно. — И нажал на отбой.

11 АПРЕЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Кажется, я все-таки заболел. Обидно, когда это случается просто так, а не перед контрольными. Сейчас вот впервые за день вылез с кровати, как только мама вышла с градусником и за таблетками, чтобы записать пару слов. А уже, на минуточку, вечер.

АПРЕЛЬ

Пишу лежа в постели. Температура еще держится высокая, как говорит мама. Да я и сам чувствую. И тогда начинает сниться всякая галиматья. Горло болит так, что больно не только глотать, но и кашлять и даже дышать. А кашлять приходится часто.

Док выписал какие-то таблетки, просто огромные. Их фиг проглотить, а толку ноль. Но особенно про-

тивные эти полоскания с солью и содой, по бабулиному рецепту.

ВСЕ ЕЩЕ АПРЕЛЬ

Ну, ошибся. С кем не бывает? Кто вообще не ошибается, а?

Покажите мне таких, и я поржу в голос! Конечно, когда голос вернется и можно будет дышать спокойно. Без опасения выкашлять наружу все нутро.

Интересно, этот апрель когда-нибудь закончится?

1 МАЯ

Вчера снова снилось, как я объясняю Киру и его родителям, что я ничуть не хотел обижать их черепаху и смеяться, что это просто недоразумение и мы друг друга не поняли. И поэтому меня обязательно нужно взять на майские праздники в Черногорию — почему бы нет? Мне бы сейчас это очень не помешало!

Это был какой-то долгий, выматывающий разговор, в котором все повторяли одни и те же фразы, просто меняя в них слова местами, и это оказалось очень утомительным.

И наутро я проснулся разбитый и совершенно не чувствовал себя отдохнувшим — даже наоборот. Тошку из моей комнаты временно эвакуировали к бабушке с Мариной, чтобы он не заразился, и Марина от такого соседства была, понятное дело, не в восторге.

В школе уже знают, что я заболел, но приходит с домашкой ко мне только молчаливая Дымакова. Все ее визиты строятся по одному сценарию: она звонит в дверь, заходит, вежливо здоровается, передает маме, бабушке или папе (кто отрывает в тот момент дверь) листок с заданиями по всем предметам, важно прощается и уходит.

Хотя мне сейчас не до домашки, и мама разрешает ее не делать.

Мама вообще за меня сильно тревожится, я вижу это по ее глазам, когда они с бабушкой по очереди пытаются накормить меня куриным бульоном, от которого меня уже воротит. Как воротит и от любой еды, только чай с лимоном идут на ура. А Кир даже ни разу не позвонил. Ну да, они с родителями сейчас в Черногории, но эсэмэску написать все равно можно было.

Хотя кому охота общаться с подлецами?

2 МАЯ, ВТОРНИК

— Тебя Кирилл тут пришел навестить, — вдруг сказала с утра мама. — То есть, я хотела сказать, подъехал... Короче, он здесь, играет пока с Тошиком.

Я сначала даже подумал, что ослышался. Как — Кирилл пришел? Он же с родителями в Черногории! Да и вообще... Я попытался глубоко вдохнуть и, как водится, снова закашлялся.

— Он сейчас с Тошкой играет. Он и раньше... появлялся, но мы боялись, что он может заразиться, а сейчас он в маске пришел. Да и врач сказал, динамика уже положительная. Если хочешь, я скажу, чтобы лучше все-таки потом навестил, а? — тревожно предложила мама.

Она снова ничего не поняла!

— Я норм, — кое-как просипел я, приподнимая голову из своих одеял и шарфов, словно старая черепаха из панциря. — А чего... он не позвонил?

— Так ты же сломал свой телефон, сынок, — осторожно сказала мама. — То ли лег на него, то ли бросил как-то неловко. Еще когда только заболел. А новый мы пока еще не успели купить. Вот выздоровеешь — и вместе сходим.

Странно, что я этого нисколько не помнил. Мне даже казалось все это время, что сотик лежит рядом, возле меня на столике, и мрачно поблескивает в своем мрачном и беспросветном молчании.

— А... Черногория? — сипло спросил я.

— А, — мама тепло улыбнулась, — они перенесли поездку на июнь. Андрей Стефанович сумел помяться с кем-то отпуском. А тебе после ангины совсем неплохо будет подышать морским воздухом... Кирилл еще принес рисунок от какого-то Родиона, ты его знаешь? Это тот, кто написал городской пейзаж, да? Признаюсь, я очень рада, что у тебя появился такой друг, как Кирилл, — не подумай, что мне не нравился Женья Васнецов, но, по-моему, он постоянно втягивал тебя в какие-то авантюры... Ты что, обиделся? Ну что ты. — Мама пересела поближе ко мне на кровати и обняла, прижав к себе как детсадовца. Живот у нее уже округлился и вообще стал довольно заметен. И как она только не боялась от меня заразиться? — Ну не сердись, милый, не плачь, что ты... Я просто хотела сказать, я очень рада, что у тебя появился такой друг, как Кирилл...

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогой читатель, мы решили вас побаловать новой рубрикой «Антракт», которая приурочена к Году театра в России. Почему «Антракт»? В 2019-м ожидается много фестивалей, новинок, гастролей и т. д. Однако ведь надо же в этом во всем степенно разобраться, отдохнуть между «действиями», хоть какие-нибудь 15 минут... В этой рубрике мы расскажем вам о том, что остается иногда в коридорах, но может показаться любопытным искушенному читателю и зрителю.

Родилась в Ленинграде, окончила Первый медицинский университет. Практикующий медик. Ищу настоящее. Если нахожу, ценю, берегу и дорожу безмерно. В 2017 году в журнале «Драйв — движение жизни» была опубликована серия моих статей о замечательных артистах Санкт-Петербурга. А в 2018-м в издательстве «Нестор-История» вышла книга «Не о себе — о времени и о людях, на которых держится мир», написанная в диалоге с легендой Александринского театра Галиной Карелиной. Являясь волонтером благотворительного фонда «Когда ты нужен», помогающего детям и молодым взрослым с онкологическими заболеваниями, призываю всех читателей приобрести нашу книжку. Вы не только поможете тем, кто в этом остро нуждается (все средства от продажи книги идут в Фонд), вы совершенно точно почувствуете и поймете что-то очень важное, а может быть, найдете и пару слов о себе.

С уважением и благодарностью, Мария Вернер

ПРАЗДНИКОВ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

Для петербургского Театра имени Ленсовета нынешний сезон особенный: 85 лет самому театру, 100 лет со дня рождения Игоря Владимирова, а тут еще и наступивший 2019 год объявлен Годом театра. В этой магии чисел наверняка кроется какое-то доброе предсказание. Дай-то Бог!

Я давно не виделась с Театром имени Ленсовета и не знала о его грядущих юбилеях. Наверное, так бы и остался он для меня «из прошлого», если б не одна удивительная встреча. Театр Фурманова вернул мне театр Владимирова.

Я рассматривала зал театра, в котором еще ни разу не была. Длинноват, крутоват подъем. Сцена маленькая и низкая. Никаких чудес я не ждала. Театральный опыт последних десяти лет был настолько печальным, что надежд не осталось вовсе. Манерный звонок вызвал раздражение. Я сидела в большом и мягком, но все равно неудобном кресле и вспоминала свое первое знакомство с Театром.

Конец 80-х. Мне посчастливилось застать последние зарницы уходящей театральной эпохи Ленинграда: БДТ, Александринка, Театр имени Ленсовета,

ТЮЗ. Первый раз осознанно и самостоятельно я пришла в театр, сбежав из дома. Я была трудным и вредным подростком и очень рано решила, что пора жить самостоятельно. Уйдя от родных и близких, я обзавелась дурными привычками, «мутными» друзьями и сомнительной репутацией. И чего вдруг меня такую, развязную, понесло в театр, уже и не вспомню. Тогда со мной произошло мое первое театральное чудо: как в сказке с хорошим концом, я стряхнула дурные чары, вернулась домой, взялась за учебу. Паинькой и умницей я, конечно, не стала, но бездушный панцирь, в который так любят обряджаться подростки, был решительно пробит и сброшен. Я не люблю, когда меня развлекают. Поэтому и в театр стала ходить не за этим. Там я думала, сопереживала, примеряла на себя. Там был Свет, талантливые актеры, режиссеры. Там была Любовь,

которой, наверное, всегда не хватает. И сидя в зрительном зале, как правило, где-нибудь на галерке, я понимала: то, что сейчас происходит на сцене, — именно для меня. Уходили таланты, уходили спектакли... Жизнь закрутила так, что не вздохнуть. Но я была чуть сильнее многих, я хранила тот Свет, ту Любовь и твердую уверенность, что чудеса случаются. Прошло время, и мои театры утратили способность дарить. Я ничего не чувствовала, сидя в тех же залах. «Наверное, это я виновата», — все чаще приходило мне в голову. Я опять окаменела, и этот новый панцирь уже не под силу пробить никому.

Третий звонок. «Привычно промучаюсь первое действие и сбегу в антракте», — пообещала я себе. Нынче для меня театр без аплодисментов. Но я ошиблась! Я смотрела на сцену и... сопереживала! Ко мне вернулся Театр! И дело даже не в том, что почти всех актрис, занятых в спектакле, я знала с ранней юности. Они не играли — жили! Не демонстрируя себя, отдавали, объясняли, дарили и любили! Дорогой мой Театр, умный, тонкий и глубокий, оказывается, ты еще жив! Не халтурный, не уродливый, без голых задов, без наворотов, стреляющий в души, ты способен пробить броню любой толщины! Незатейливая история со странным названием «Баба Шанель», поставленная в «Русской антрепризе» имени Андрея Миронова, стала моим вторым театральным чудом. А настоящим театральным открытием — актриса Лариса Леонова. Она была больше всех ОТТУДА! Товстоноговско-владимировская! Такая честная, такая сильная, что в антракте я побежала к метро за цветами.

Ох, сколько всего я посмотрела после этого. Я искала, искала мой Театр. Где-то еще он непременно должен был сохраниться, на какие-то подмостки вернуться. И хоть результаты поиска вдохновляли нечасто, с какими потрясающими людьми свела меня судьба. Тот театр из той эпохи подарил мне сегодняшней столько бесценных подарков!

В Театр имени Ленсовета я шла прицельно на Леонову, понимая, что эта актриса не схалтурит и не обманет. И я не ошиблась. Я опять сопереживала ее героине, старой Эльзе, с ее непутевой судьбой и большой любовью в конце жизни. В меня «попало» все: и музыка, и режиссура Юрия Цуркану, и сценография Владимира Фирера, и весь актерский ансамбль.

Еще на «Бабе Шанель» я обратила внимание на импозантного немолодого мужчину, который смотрел спектакль чуть иначе, чуть причастнее, чем остальные зрители. На «Эльзе» я его тоже заметила в зале. Супруг Ларисы Леоновой — актер, режиссер и педагог Олег Дмитриевич Зорин — пришел в театр практически одновременно с Игорем Владимировым и сразу стал его

Лариса Леонова. «Баба Шанель». Театр «Русская антреприза» им. Андрея Миронова. Фото Ирины Тимофеевой

Лариса Леонова и Олег Зорин. Полвека вместе.
Фото из личного архива

незаменимым помощником в работе со студентами. Преподавал, делал инсценировки, играл и ставил.

«Мой муж добросовестен до неприличия, поэтому днями и ночами пропадал со студентами», — смеется Лариса Владимировна.

Олег Зорин. «История города Глупова».
Фото Юлии Смелкиной

Олег Зорин. Фото из личного архива

«Добросовестный до неприличия муж» выпустил в прошлом сезоне удивительный моноспектакль по Салтыкову-Щедрину «История города Глупова». Текст классика современен до мурашек. Два акта удивительно точного Салтыкова-Щедрина и один актер на сцене. Один. В зале ТА САМАЯ тишина. Зрители практически сразу оказываются «внутри» спектакля! Смешно, больно, страшно. Все про нас, про сегодня. Все для нас. Других целей нет.

Олег Зорин. Фрагмент встречи в «Современнике».
Фото Александра Шека

Лариса Леонова. «Двери хлопают».
Фото из личного архива

Благодарна безмерно, что Лариса Владимировна и Олег Дмитриевич согласились на интервью.

Я смотрела на эту пару немолодых очень талантливых людей, за спиной у которых более полувека службы в Театре имени Ленсовета, более полувека семейной жизни, дети, внуки, взлеты, падения... Как у всех, скажете? Почти, да не совсем. Передо мной сидели двое и их любовь, большая, спокойная, проверенная временем, проверенная самой жизнью. Вспоминая своих коллег, рассказывая смешные театральные истории, они то соглашались, то спорили, перебивая друг друга, но уважая, и уважая как-то очень нежно. Когда один

Лариса Леонова. «Женщина. Власть. Страсть».
Фото из архива Театра им. Ленсовета

Лариса Леонова и Владимир Матвеев. «Земля Эльзы».
Фото Юлии Сметкиной

выходил из комнаты, второй тут же взалхлеб начинал рассказывать про свою «половинку»: какой Бог дал талант, сколько труда, как любят зрители, и замолкал, как бы стесняясь этой похвалы. Я смотрела на эту пару и думала, какие они счастливые.

В этом году Театр имени Ленсовета отмечает вековой юбилей со дня рождения Игоря Владимировича, который был бессменным худруком без малого сорок лет. С его приходом театр не только вышел из длительного кризиса, но и превратился в настоящий театр-праздник, праздник умный, праздник тонкий, когда тебе радостно думать, потому что ты понимаешь,

Лариса Леонова. «Человек и джентльмен».
Фото из личного архива

Лариса Леонова. «Трехгрошовая опера».
Фото из личного архива

что и о чем тебе рассказывают. С приходом Игоря Петровича Ленсовет довольно быстро стал «Владимировским» и оставался таковым даже после ухода из жизни самого Владимира. Эпоха ушла, оставшись в сердцах поседевших зрителей. Время диктует свои законы.

После Владислава Пази, верного традициям и устоям, на смену празднику пришло нечто другое, «не для всех», «для особенных», «для понимающих». Но чело-

Лариса Леонова. «Люди и страсти».
Фото из личного архива

век устроен так, что ему обязательно нужен Свет. Период «для понимающих» был скоротечен и близится к завершению. А давайте просто и честно о самом главном, и для всех, не только для «понижающих». Театру не стать вновь «Владимировским», но потребность в тех тонких и умных «праздниках» возвращается.

Говоря о расцвете театральной жизни Ленинграда, любой коренной житель обязательно вспомнит «Владимировский» на Владимирском, Алису Фрейндлих и Михаила Боярского в спектаклях «Люди и страсти» и «Дульсиния Тобосская». Дай Бог здоровья и долгих лет этим замечательным артистам. А мы, беседуя, вспоминали тех, кто ушел. Кто составлял звездную труппу Театра Ленсовета. Совсем не в назидание, но раньше или позже нам всем становится понятно, что без прошлого нет будущего. Нельзя разрушить и построить принципиально новое. Не получится. История твердит о том же. Потому и вспоминали мы тех, кто создавал тот неповторимый «умный праздник» на подмостках «Владимировского» театра.

Лариса Леонова. «Дульсиния Тобосская».
Фото из архива Театра им. Ленсовета

Овсей Каган

Л. В.: Какой был потрясающий артист. Не артист, явление. Выдающийся. Он мог играть все. Он так играл в

Овсей Каган. «Пятый десяток». Фото из архива Театра им. Ленсовета

спектакле «Люди и страсти»! Он переиграл всех! А какой он был полицейский в «Человеке и джентльмене», это ж можно было умереть со смеху. Причем он ничего не играл. Он был как кошка на сцене. В жизни был очень закрытым человеком. Никакие склоки и коалиции его не касались. Он всегда был сам по себе. Только служба. Как партнер он меня очень волновал и цеплял.

О. Д.: Я его застал в спектакле «Чертова мельница». Он играл отшельника. Это было что-то фантастическое. Люди толпами ходили смотреть, как он играет эту роль.

Михаил Девяткин. «Игроки». Фото из архива Театра им. Ленсовета

Михаил Девяткин. «Игроки». Фото из архива Театра им. Ленсовета

был потрясающий, очень доброжелательный. Я много делал самостоятельных работ, и когда надо было что-то проверить, я всегда звал его. Он приходил, смотрел, разбирал, помогал до самых последних дней. К профессии он относился очень трепетно.

Анатолий Равикович

О. Д.: Я познакомился с ним в пионерлагере, куда мы оба устроились пионервожатыми на все три смены. Там и подружились. Все без исключения получали удовольствие от общения с этим человеком.

Л. В.: Равик обладал стопроцентным чувством юмора. У него всегда было хорошее настроение. Его невозможно было представить злобным. Даже если что-то

Анатолий Равикович. «Дульсинея Тобосская». Фото из архива Театра им. Ленсовета

его раздражало, он раздражится по-своему, по-равиковичски, и опять юморит. Даже когда он ушел из театра, никто о нем слово дурного не сказал.

Георгий Жжёнов. Фото из архива Театра им. Ленсовета

Георгий Жжёнов. Фото из архива Театра им. Ленсовета

в которых в сером мутном мыльном растворе вываривалось тюремное белье, и мне, — рассказывал Георгий Степанович, — надо было стоять над этим котлом и мешать палкой. И у меня вдруг мелькнула мысль — вот так головой в кипяток и все, чтоб закончилось все это».

Л. В.: Он был некрасив, но с каким-то внутренним стержнем и таким обаянием, мимо которого просто невозможно было пройти равнодушно.

Леонид Дьячков

О. Д.: Он был интересен как актер своим каким-то внутренним кипением. На третьем курсе он поразил всех «Мертвыми душами», читал от автора кусок — бал у гу-

Леонид Дьячков. «Пятый десяток». Фото из архива Театра им. Ленсовета

бернатора. Это было фантастично. Он был безумно органичен, с очень сильным внутренним миром. На него всегда было интересно смотреть, даже когда он молчал.

Виктор Харитонов

О. Д.: Нас творчески очень многое связывало. Еще в студенчестве мы сделали несколько совместных ра-

Виктор Харитонов. Фото из личного архива
бот и занялись концертной деятельностью. Шли по шпалам от одного дома отдыха до другого. Потом много лет работали на эстраде. С точки зрения силы воли и пробивной способности это был уникальный человек: мог работать с утра до ночи. Он собрал группу актеров со всякими самостоятельными работами и добился создания театра «Эксперимент». Смысл был в том, что все актеры служили в своих театрах, а в этом играли желанное, но невостребованное. Театр очень успешно существовал. То, что мы не были близкими друзьями, позволило нам на протяжении долгих лет сотрудничать и уважительно относиться друг к другу.

Дмитрий Барков

О. Д.: Это был клубок нервов. Высококласный, темпераментный и очень красивый актер.

Л. В.: Какой Петруччо в «Укрощении строптивой»! Какой Драйер в спектакле «Король. Дама. Валет»! Мне кажется, это его лучшая роль.

Дмитрий Барков.
«Игроки». Фото из архива
Театра им. Ленсовета

Алексей Розанов

Л. В.: Элегантный, даже изящный, он был очень хорошим партнером. Я ему доверяла и любила с ним работать. У Лешки было отличное чувство юмора.

О. Д.: Он был высокопрофессиональным и порядочным человеком.

Алексей Розанов. «Укрощение строптивой». Фото из архива
Театра им. Ленсовета

Нора Райхштейн

Л. В.: Она поставила много детских спектаклей. В том числе и эпохального «Малыша и Карлсона». Бесконечно волновалась, чтоб все было при деле, чтоб всем было хорошо. Была удивительно доброжелательным человеком. Ей доставляло большое удовольствие делать телеспектакли.

Нора Райхштейн.
Фото из архива Театра им.
Ленсовета

О. Д.: С ней всегда работали с удовольствием.

Владислав Пази

О. Д.: Талантлив был. Разумен, очень образован, эмоционально сдержан. Эстет. Уважительно относился к чужим работам. Удивительно порядочный по отношению к артистам. Не тронул ни одного, кто был у него не задействован. Старался найти работу для старшего поколения. Интеллектуал. Любил слово «жанр» и понимал в этом.

Владислав Пази. Фото
из архива Театра им.
Ленсовета

Алексей Петренко

О. Д.: Талантище. Такая сумасшедшая энергия! Когда мы играли «Левшу», такие у него были глаза, так он

махал шашкой... Яркий. Пребывание на сцене рядом с ним памятно; было много хорошего и настоящего.

Алексей Петренко.
«Жестокость». Фото
из архива Театра им.
Ленсовета

Игорь Владимиров на
репетиции. Фото из архива
Театра им. Ленсовета

Игорь Владимиров

О. Д.: Владимиров никогда не знал, чем закончится спектакль, который он ставит, какая звезда будет наверху этой церкви, какой крест. Все рождалось спонтанно. Вот, например, студентка его курса делает эту «Котлету». Медленно и тщательно мелет фарш и т. д. Владимирову скучно ужасно. Он выводит ее за дверь, что-то ей говорит, возвращаются. Она начинает молотить с бешеными глазами, ноздри

раздуваются. Стало интересно смотреть. Спрашиваю: «Что вы ей сказали?» «Я сказал, что она втихаря на кухне мелет фарш... но она людоедка». Владимиров очень любил импровизации и сам фонтанировал ими. И это всегда было по существу дела.

Л. В.: Он был такой разный, такой непредсказуемый, спонтанный. У него всегда было азартно на репетиции. Да что говорить, мы с ним ночами оставались репетировать. Сами оставались. Безропотно. Как не остаться, когда все время идет увлекательный процесс, который в тебе начинает что-то будить, задевать какие-то струны души, фантазию, и вот ты уже сам что-то предлагаешь и придумываешь. Он пользовался огромным доверием. Ему невозможно было не доверять, потому что все, что он делал, было ТУДА, это было направленно на воплощение спектакля. Несмотря на какие-то споры или обиды, для всех оставалось главным общее дело. И в этом тоже его заслуга.

Очень важно беречь воспоминания, чтобы не потерять то ценное, что было, и именно на этом строить свое «сегодня».

Современная труппа Ленсовета, состоящая из владимировских и бутусовских, интересна и разнообразна. Я, как обычный зритель, желаю ей помнить, что людям просто необходим театр. Тот самый, что пробивает лубую броню, тот самый, что творит чудеса, тот самый театр-праздник, ведь праздников, как известно, много не бывает.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья! Сегодня в гостях у «Юности» писатели Татарстана. Надеемся, вы обратите

внимание на высокий уровень данной литературы. А приветственное слово мэра Казани еще раз говорит о том, что не нефтью единой жив человек.

Редакция выражает благодарность Арт-резиденции «Старо-татарская слобода» и ее кура-

тору Ильдару Абузярову, без участия которых бы эта публикация не состоялась.

ПРИВЕТСТВИЕ МЭРА КАЗАНИ И. Р. МЕТШИНА

Дорогие друзья!

Приветствую высокопрофессиональную команду, выпускающую этот замечательный журнал, и его уважаемых читателей!

Журнал «Юность» — не просто литературное издание, это легенда для многих поколений во всех без исключения регионах нашей страны.

Это безусловный знак качества для произведений, которые в нем печатаются.

Для нас, казанцев, очень памятно, что именно «Юность» открыла широкому кругу читателей таких писателей, как Василий Аксенов, Равиль Бухараев, и многих других ярких авторов, родившихся в нашем городе.

«Юность» — это символ постоянного поиска новых интересных тем и форматов, неиссякаемый источник литературных открытий.

Я принадлежу к тому поколению людей, которые с волнением ждали и бережно хранили каждый номер журнала, ведь это был единственный шанс познакомиться с современной качественной литературой. И сегодня, когда возможности Интернета, казалось бы, безграничны, журнал необходим как некая навигационная карта, без которой так легко потеряться среди низкопробных произведений.

Именно поэтому публикация подборки казанских авторов в любимом журнале — важное событие для города и его жителей. Спасибо редакции за внимание и интерес к региональным писателям, для которых появление в «Юности» станет возможностью завоевать любовь большой аудитории!

Желаю вам ярких, талантливых авторов и неизменного читательского интереса!

ПУБЛИЦИСТИКА

Аяз ГИЛЯЗОВ

Аяз Гилязов родился в 1928 году в селе Сарманово (ныне Татарстан) в семье учителя. Детство провел в деревне Верхний Багряж (Зайнский район).

Получил неполное среднее образование в местной школе. Вернулся в родной район, где окончил Сармановскую среднюю школу. В 1948 году поступил в Казанский государственный университет.

В 1950 году был арестован и сослан в карагандинский лагерь, где содержались даже лауреаты Сталинских премий. Там Гилязов находился пять лет. В 1955 году был реабилитирован.

После освобождения вернулся в Казань и продолжил учебу. Через полтора года начал сотрудничать с журналами «Чаян» и «Азатхатын». Стал редактором отдела прозы журнала «Совет эдэбияты» (сейчас «Казан утлары»).

В 1963 году окончил Высшие литературные курсы при СП СССР. После этого стал считаться профессиональным писателем. Писал рассказы, очерки, фельетоны, статьи. Позднее излюбленным жанром Гилязова стала повесть.

КАЗАНЬ, МОЯ КАЗАНЬ!

ОЧЕРК

Вот уже сколько дней я пребываю в тяжких раздумьях. Меня попросили написать о нашей столице, и я легкомысленно дал согласие.

Мне бы не хотелось идти по чужим следам, по знакомым и привычным тропам. Потому что у каждого татарина есть своя Казань! Наверное, самые сильные, самые звучные и самые искренние слова, посвященные нашей столице, принадлежат одному из величайших сынов нации — Габдулле Тукаю. Сызмальства переживший много потерь и страданий, в детстве и отрочестве

не раз переходивший из рук в руки родственников и даже просто незнакомых людей, он сумел выбрать великие слова для того, чтобы выразить свое отношение к Казани.

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань,
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах¹.

Если оглянуться назад, мы увидим три эпохи в истории Казани: сначала это был чисто татарский город, потом неожиданно превратился в русский, сегодня это смешанный город. Воистину, Казань никогда не отвергала представителей других народов, испокон веков здесь жили армяне, свободно селились чуваша, марийцы, удмурты. Еще до прихода русских Казань считалась одним из самых больших городов мира, не обходили ее стороной и любознательные путешественники; вдоль и поперек изъездив татарские земли, они запечатлели в хрониках своих путешествий интересные факты и события... Позже к зарубежным источникам добавились исследования татарских историков, так что нашу историю старались осветить со всех сторон.

И все же, получается, я очень мало знаю о своем городе. Моя нога никогда не ступала на землю Парижа, Лондона, Берлина, но порой кажется, что о них я обладаю более обширной и основательной информацией. Потому что об этих городах прочитаны горы книг, просмотрены кинофильмы, проведено в размышлениях перед картинами художников множество часов. Вплоть до самого столетнего юбилея злодея современности — Ленина наш город числился в списках закрытых городов, «запрещенных к посещению иностранными гражданами». И это зловещее определение очень точно характеризовало Казань! Даже казалось, что Казань всегда была закрытым городом... И вот теперь настала моя очередь, после известных людей, сказать свое слово о городе, в котором живу многие годы. Это трудная задача, поскольку нашу настоящую историю я начал узнавать и изучать очень поздно, в пору, когда нити памяти уже начали путаться. Годы, когда душа была живая, пришлось на эпоху ложного образа жизни, восхваляемого с высокими трибун и заслонившего собой весь мир...

Я приехал в Казань в год окончания войны с намерением поступить осенью в университет. У моего товарища — Хабибрахмана Мухаммадиева из деревни Каракас — на ногах были лапти. Я был в кирзовых сапогах, на мне был перелицованный мамой солдатский бушлат. Так, вдвоем, мы и ходили с опаской по коридорам университета — один шлепая лаптями, другой громыхая сапогами... Мы были раздетые, голодные. Неопытные. И все же Казань притянула нас к себе, мы приехали и стали казанцами. Из нашего поколения, людей уже весьма зрелого возраста, не найдешь никого, кто бы

родился и вырос в Казани. Мы все — деревенские. Как-то мы отмечали сорокалетие одного из наших друзей, и его жена сказала примерно следующее: «Давайте выразим свое уважение в адрес наших мужей, которые родились и выросли в деревне, но сумели своими силами завоевать Казань!»

А ведь очень точно сказано! Мы родились в разных местах, но, преодолевая трудности, разными дорогами мы пришли сюда, в эту точку — в прославленную, величественную столицу, от одного имени которой начинает биться татарское сердце. Нам хотелось снова завоевать город, который наши прадеды потеряли в 1552 году. Не оружием и притеснением других народов, а умом, трудом, сильным духом мы начали понемногу снова превращать Казань в татарский город. Тогда мы еще не знали, насколько это трудно и куда это нас приведет. Впрочем, разве сегодня мы можем с уверенностью сказать: «Казань — татарский город, гордая столица татарского народа»? Казань — пестрый город, татары — пестрая нация. Иногда я спрашиваю себя с раздражением и болью: «Почему мы такие разобщенные? беспечные? несобранные? бестолковые? неуважаемые? беспамятливые?!»

Кстати, о беспамятстве...

Если спросят, что следует за беспамятством, я отвечу так: его продолжение — равнодушие! Равнодушие к своей истории, своему прошлому! Равнодушие к своему сегодняшнему дню, к состоянию, в котором пребывает твой народ! А дальше — уже растворение и исчезновение...

Еще в пору, когда Булгарское государство находилось в расцвете, кто-то задумал переселиться в этот край дремучих лесов, пересекающихся оврагов и лощин, извиляющихся рек и речушек с серебряной водой и основал город Казань. Из какого татарского племени он был? Из тарханов ли, или из духовного сословия, или он был простым земледельцем? О чем они думали, эти первые переселенцы? О чем говорили, глядя друг другу в глаза, освещаемые тихим печальным светом вечерних костров? Предвидели ли они, что грядут времена смутные, и что с обеих сторон — и с Востока, и с Запада — надвигаются завоевательные войны? Предчувствовали ли они, что, когда на Булгар обрушится враг, его жители спешно кинутся в эти края, пока еще спокойные и тихие объятия Казани? Казань зарождалась как оплот надежды и источник жизненной силы для булгаро-татар. И если их подозрения были примерно такими, то вскоре они подтвердились: однажды с Востока пришли завоеватели, превратили булгарские города в пепел и сажу, а старики, дети и женщины спаслись, спрятавшись в Казани. Благодаря своему географическому положению, удивительным крепостям, деятельности мудрых

¹ Перевод Анны Ахматовой.

аксакалов Казань на долгие-долгие времена стала главной опорой татаро-булгарского племени.

А ведь были — если обратиться к истинной, правдивой истории, — были и у татар великие личности! Но, к сожалению, мы не знаем их имен, образа жизни, надежд, которыми они жили, законов, которыми они укрепляли основы государства, мы не знаем тайну той энергии и силы духа, которые сделали татар единым целым — татарским народом. Наше сознание, которое почти четыреста пятьдесят лет было стиснуто железным ободом, не в состоянии достичь глубин тех славных и величественных дней. Мы, привыкшие к рабству, согбенные и переломленные в пояснице, иногда, обнаружив новые исторические источники, беремся писать о великих людях прошлого, но вдруг откуда-то выступает живущая в нашей крови рабская психология, и жившие когда-то мудрые ханы становятся похожими на сегодняшних секретарей райкомов. Может, поэтому произведения, которые должны были бы представить народу, стране, всему миру нашу великую историю и укрепить славу татар, получаются такими неудачными? Когда же у татар появятся писатели, чей талант будет соразмерен нашей великой истории?! И появятся ли они вообще?!

Среди русских ученых есть великие личности с чистым сердцем и незамутненным взглядом на татарскую историю. Совсем недавно одного из них — Льва Николаевича Гумилева — мы проводили из этого брэнного мира в вечность. Мы еще не знаем во всей полноте, а потому и не способны оценить по достоинству то, что сделал Гумилев для татарской нации. Уже и то ладно, слава Аллаху, мы понемногу начали упоминать Михаила Худякова, все больше становится тех, кто знает о его огромном вкладе в историческую науку. Сталинские палачи не пожалели и этого великого ученого... Но пока на земле живет нация под названием татары, имя Михаила Худякова не должно быть забыто! Какие мощные знания он нам оставил! В пору, когда мы, виляя хвостом перед большевиками и вторя русским ученым-невежам, растапывали память о ханах, создававших нашу историю, сохранивших нашу нацию, Худяков имел смелость писать: «Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризуют Улу Мухаммеда... План основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения и, задумав восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением, и вновь созданное государство оказалось очень могущественным».

Мы, татары, всю жизнь подчинявшиеся русской команде, мы, которые при слове «направо!» поворачи-

вали направо, при окрике «налево!» безропотно поворачивали налево, никогда не применяли, в отличие от Худякова, к своим великим предшественникам таких эпитетов, как «большой ум, громадная энергия, колоссальная предприимчивость»...

Разумеется, в науке есть различные интерпретации деятельности Улу Мухаммеда, но мне приятно осознавать, что в татарской истории были яркие личности, которых высоко оценивают даже русские ученые.

Вернемся к Тукаю... Насколько значимыми словами и с каким чувством он сумел выразить свое отношение к татарской столице — Казани! Некоторое время спустя после Тукая другой великий татарский сын — Хади Такташ — увидел и воспринял Казань по-своему:

Казань!
Разгульный город.
Я, бунтарь, заблудился
В твоих улицах.
В гниющей топи мещанства
Растерял свои вольные мысли.

Кто из поэтов прав? На мой взгляд, оба!

«Мухаммед-Эмин был очень умным, хитрым и дальновидным политиком», — пишет Михаил Худяков. Интересное мнение... Архив Казанского ханства ограблен, разворован, сожжен. Лишь эти обрывочные мысли дают нам возможность хоть как-то осветить наше прошлое.

«В этническом отношении основное население Казани было почти однородным. Его составляли потомки булгар. Подтверждением этому являются все виды культуры и ремесла, традиционно связанные с культурой и экономикой Булгарии», — свидетельствует книга «История Казани» (издание 1988 года, с. 39). И хотя эта мысль не нова и высказывается уже на протяжении многих лет, в наши смутные времена она особенно значима.

Живая духовная цепь, окрепшая в Булгаре, казалась нерушимой. В дальнейшем Казань очень многих принимала в свои объятия и давала возможность жить всем вместе. Слава и мощь Булгара и Биляра перешли к Казани. Русский князь Курбский, не лишенный художественного вкуса, увидев стены и здания Казани, был немало восхищен, о чем оставил для потомков письменное свидетельство. Императрица Екатерина II, побывав в Казани, также записала: «Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы... во всем видно, что Казань столица большого царства».

Казань пронизана и окружена реками и озерами с серебряной водой, в тихих заводях которых гнездятся дикие гуси, лебеди, утки... В этих водах плавает множество благородных видов рыб. Если не ленишь-

ся работать, широкие поля дадут щедрый урожай. На извилистых улицах Казани — тысячи ремесленников: кожевники, скорняки, мастера-литейщики, оружейники, торговцы, воины, кого только здесь нет — богачи, бедняки. Минареты мечетей, вознесшиеся в небо, медресе, мектебы. Восхищала Казань своими красавцами юношами и нарядно одетыми девушками! Казанское ханство никогда не ходило захватническими походами на соседние народы. Только с русскими то и дело случались сражения. Бывало, побеждали русские, иногда татары совершали удачные набеги на русские земли. Поди узнай теперь, кто был прав, а кто первый начал! Это жизнь, бывало всякое! Но с соседними народами татары жили дружно и в согласии. Думаю, не будет вреда, если напомнить об этом. Для многочисленных народов, живших по берегам Идели, и Великий Булгар, и его прямая наследница Казань были поистине общим домом, щедрой и радушной столицей. Не случайно известный мордовский писатель Кузьма Абрамов в своем замечательном романе «Пургас» по праву уделяет особое внимание взаимоотношениям булгар и мордвы.

Казань, Казань!.. Влияние ислама, а значит, влияние знаний и наук усиливалось день ото дня. Строились мечети одна краше другой. Вечерами, заглушая шум базаров и ярмарок, над улицами плыли щемящие звуки азана. В караван-сараях гомонили купцы, приехавшие со всего света... В речных бухтах швартовались торговые корабли ханства. На мачтах военных кораблей развевались ханские флаги. Трудолюбивый народ умел отдыхать и знал цену праздникам. Представьте себе: светлый солнечный день, на лугах вокруг озера Кабан ставятся тысячи шатров, разжигаются костры. В больших казанах, распространяя ароматный запах, варится мясо.

И на Арском поле, возле реки Казанки, луга пестрят народом. Скрипят повозки, ржут лошади, скачут молодые жеребята, топот копыт достигает небес. В ханских садах качаются на ветру яркие соцветия, среди цветов, покачивая хвостами-веерами, расхаживают павлины. Каких только деревьев, птиц и насекомых нет в этих садах! Везде, на каждом шагу, звучит певучая, живая татарская речь, татарский язык. Петухи пока еще кричат по-татарски, и соловей заливается по-нашему, и дожди стучат по крыше по-татарски. Здесь думают по-татарски, говорят по-татарски, объясняют по-татарски, ведут мирские дела по-татарски. Никто не стесняется своего языка, никто не ущемлен, татарские ханы чеканят татарские монеты, договоры между государствами тоже составляются по-татарски. В лавках лекарей оказывают услуги татарские утачы. (Так называл аптекарей татарский писатель и большой ученый Латиф ага Залая.)

Приятные для татарского глаза картины! Ласкающие татарский слух звуки и голоса! Земля, на которой стоишь, — твоя! Небо над головой — твое! И березы, и волны Идели, и таинственная вечерняя заря — все это твое, татарское! Рядом с тобой так же свободно и в радости живут чувашы, марийцы, и башкиры для тебя — пока еще братья, и русские — люди не чужие, в татарском сердце найдется место для каждого разумного человека, каждый будет под защитой, каждого здесь уважают. Еще не надо бояться, что твой язык умрет, а память будет растоптана — живи да радуйся!..

Наверное, были... были ханы, скудные разумом, наверное, жили на этой земле и взбалмошные ханши, и жестокосердые богачи... Но это была татарская эпоха, и славная, именитая Казань была центром, сердцем татар.

В начале лета, в дни, когда отмечали праздник березы, кряшены села Верхний Баграж, где прошла моя юность, собирались вместе и пели таинственные песни, грустя о прошлом: «Эх, были времена, когда мы процветали...» Наш сосед — скромный и работающий Макар-дэдэй, ставил себе на колени тальянку-трехрядку и всю жизнь играл только одну мелодию — «Взятие Казани». Интересно, почему? И какие времена имели в виду багражские кряшены, когда пели: «Эх, были времена, когда мы процветали»? Через какие души прошла эта песня, как она сохранилась и дошла до наших дней?

Осенью 1552 года Иван Грозный уничтожил Казань. На этот раз русские не только победили, но и поставили себе целью смести татар с лица земли. Высшее русское духовенство не просто благословило царя в поход, но и внушило ему идею о необходимости уничтожить Казань — опору ислама. В истории часто встречаются схожие ситуации. Гитлер тоже хотел уничтожить русские столицы — Москву и Ленинград — и сравнять эти города с землей. Потому что столица любого государства — это кулак, который держит нацию как единое целое, это животворящий родник, из которого нация черпает духовную силу.

В последние годы начали открыто писать о том, что сделали войска Ивана Грозного после взятия Казани. Что мы знаем о храбрых сынах той эпохи? Если татары сумели донести до сегодняшнего дня свое имя, если мы сохранились как нация, разве это не благодаря защитникам Казани, подобным Кул Шарифу, героически сражавшимся в те дни, чей дух, переходя по крови, дошел до нас?! И проклиная предателей вроде Камая-мурзы, разве мы не укрепляли этот дух? Пока еще не видно тех, кто бы это выяснил или хотел бы выяснить. Мы лишь иногда вытаскиваем на свет из-за туманного горизонта информацию о защитниках Казани. Хотя уже давно пора увековечить имена тех, кто погиб при защите города, и

если Казань — это столица татар, то давно пора снести с нашей главной площади памятник самому жестокому человеку двадцатого века — Ленину и возвести на этом месте пантеон в память о подвиге наших предков, ставших шахидами!

Ханство было разрушено, историческая цепь разорвана, в Казани не осталось места для татар, их изгнали далеко, в болотистые земли за озерами Кабан, гнали кнутами с криками: «Там вам место!» Говорят, что отсюда и появилось слово «бистэ» (слобода. — *Прим. пер.*).

Так, по воле истории, Казань перестала быть татарским городом. Между татарами и русскими установили надежную границу: татары не могли перейти на эту сторону протоки Булак, они были лишены такого права. Стычки между сторонами продолжались еще много лет. Снова и снова татары поднимались против русских царей, пытаясь отвоевать свободу... Разумеется, русские не только разрушали, среди представителей этой нации были великие личности, которые всецело понимали счастья и несчастья местного народа. Русские открыли в нашем городе университет, основали театр, создали музеи. Разумеется, гимназии, институты не могли не оказать положительного влияния на дальнейшую судьбу татар.

Но, как бы там ни было, какие бы положительные сдвиги ни происходили в последующие годы в судьбе татарского народа, Казань до сих пор продолжает оставаться русским городом. Татары и сами довольно холодно относятся к своей истории, как я уже сказал, с каждым днем все шире расползается равнодушие, беспечность, национальный нигилизм. Однако в то же время усиливается живой интерес к Казани, к татарской истории. Каждый приходит к славной и величественной Казани своей дорогой и открывает город так, как ему хочется. А история, литература должны постоянно помогать нам в этом.

Сегодняшние татары — уже не те, что были в начале XX века. Они особые, это совсем другое племя. У них совершенно другие вопросы, другие центры интересов. Пришло время сказать новое слово и о Казани, и о ее истории, великих личностях, делавших эту историю. Этого слова жду и я. После долгих мытарств и скитаний мы снова завоевали Казань. Пусть этот великий город, став вновь татарским, принимает у себя представителей всех народов мира, пусть он дарует им спокойствие, благополучие, дружбу и родство. Иншалла, так и будет. Татары всегда были спокойным, трудолюбивым и гостеприимным народом. Пусть так и будет! Будем жить!

12 сентября 1992 года, Казань

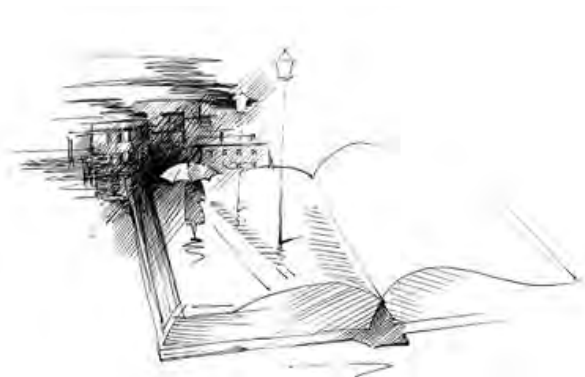
Перевод Гаухар Хасановой

ПОЭЗИЯ

Рамис АЙМЕТ

Рамис Айметов — поэт, переводчик, сценарист. Родился в 1968 году, окончил факультет татарской филологии Казанского государственного университета. Учился в аспирантуре при кафедре татарской литературы. Работал в республиканских газетах «Мэҗрифэт» и «Шаһри Казань», был директором музея Шарифа Камала и директором литературного музея Габдуллы Тукая, с 2013 года — заместитель председателя Союза писателей Республики Татарстан.

Публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Форум», «Кардэшкалэмләр» (Турция), «Казан утлары», «Идел — Идель», «Казань», «Аргамак», «Переводчик» (Чита), «Русское эхо» (Самара), в газетах «Литературная газета», «Ватаным Татарстан», «Мәдәнижомга», «Татарский мир» и других. Является одним из тех, кто представляет собой новую поэзию Татарстана. Его творчество, вместе с традиционной татарской поэтикой, несет в себе яркие новые интонации и свежие образы.

Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат республиканских литературных премий имени Мусы Джалиля, Хади Такташа и Международной литературной премии Турции имени Хусаина Байкары.

Живет в Казани.

«Я — ЗДЕ-Е-Е-ЕСЬ!..»

Я кричу, что есть мочи: «Я zde-e-e-есь!..» —
Но безмолвны мои небеса.
Видно, правит судьбой моей бес,
если солон мой мир, как слеза.

Нет ни звезд надо мной, ни луны.
Кто-то солнце убрал с неба прочь.
Ну зачем эти ночи длинные,
будто в сутках — одна только Ночь?!

Даль темна, как могила, где смерть
поджидает во тьме простаков.
Я, как птица, попавшая в сеть,
рвусь на волю из тесных силков.

Кто-то шел же вот здесь до меня,
раздвигая судьбу, словно лес?
До сих пор еще тает, звеня,
вдалеке его голос: «Я зде-е-е-есь!..»

До сих пор он во мраке кричит,
потеряв своей жизни причал...
Или, может, то просто звучит
эхо слов, что я сам прокричал?

От-чуж-денность

Я стал для близких — как ЧУЖак,
чье место — только угол.
Мол, все чисты, а твой пиджак —
грязнее грязных пугал!

Они садятся за столом
и вторят, глядя ЧУЖдо:
мол, с переломанным крылом —
тебя замучат нужды.

Они ведут меня к черте,
шутя непринужденно,
что, мол, в тщете и в нищете
жить лучше — отЧУЖденно.

Как в ЧУЖедалей стороне,
живу один в квартире.
И стынет мир ЧУЖой во мне,
и ЧУЖдо мне в том мире.

Кругом — ЧУЖбина. Не могу
уснуть в ночи глубокой.
Душа застыла на лугу
пиЧУЖкой одинокой.

Видать, судьба идет ко мне,
свершая путь окружный.
И, как жемЧУЖина на дне,
лежу, всем ненужный.

Пью отЧУЖдения вино,
спиваясь, как пьянЧУЖка.
Шепну в конце, словно в кино:
«Эх, коротка кольЧУЖка!..»

Алексей ЕГОРОВ

О себе

Алексей Егоров (AlexGJ), родился и живу в Казани. Выпускник Казанского университета (истфилфак, 1983), женат, есть сын. Работал кровельщиком, медбратом (травматология), рабочим в археологической экспедиции, вожатым в пионерском лагере, учителем в школе, преподавателем в консерватории, экскурсоводом, научным сотрудником в музее, экспедитором, директором автосалона, 10 лет рефом в любительском хоккее с шайбой. Сейчас пишу пьесы, сказки сочиняю...

В юности играл в фолк-группе (вокал, гитара, банджо), джазовом трио (бас-гитара), панк-группе.

Автор семи пьес для театра, в их числе «Альбом для дочери» (в репертуаре Татарского государственного театра кукол «Экият», Казань), «Сказка про Алешу царевича и Волчиху лесную» (второе место конкурса современной драматургии «Pro/движение-2015», актерская читка и эскиз, творческая лаборатория «Угол», Казань), «Казань. Диптих» и «Миморадуги» (лонг-лист конкурса современной драматургии «Pro/движение-2017»), автор текста документально-публицистического издания «Назиб Жиганов. Жизнь и музыка» (2013), автор научных и публицистических статей в российских и зарубежных изданиях (на русском, английском и турецком языках), член ICOM — Всемирного совета музеев.

А так-то, по жизни, сказочник, Кота-Баюна the best friend.

Еще работаю и.о. заведующего музеем композитора Назиба Жиганова и сотрудником дома-музея Василия Аксенова.

1976: ИНТРОДУКЦИЯ

Город — это этажи.
Но еще замысловатые, словно лабиринт,
проходные дворы.
Ведущие бог весть куда, может, в логово
Минотавра, а может,
к деревянному человечку — в кукольный
театр «Молния».

А еще — уютные дворики.

Заросшие крапивой, лопухами, ши-
повником
и царствующим над всей этой зеленой все-
ленной — американским кленом.
Тенистые летом.
Зимой же погребенные под непролазными
сугробами.

Город — это люди, населяющие его.
Поколение за поколением.

Кажущееся монолитом, но разрывающееся
гигантским фейерверком
на миллионы судеб-звездочек.
Каждая из которых обречена проде-
лать один и тот же путь, ограниченный с
одной стороны яростным криком новоро-
жденного,
а с другой — молчанием погоста.
Чтобы в промежутке связать себя, казалось
бы, неразрывными
(на деле же непрочными и быстротечными)
паутинками-связями
с такими же мерцающими искорками.

Город — это стекло и сталь, асфальт и бетон.
И еще чудом выжившие, таинственные
островки с осколками минувшего, материа-
лизовавшегося в каменных или деревянных
особняках, насчитывающих жизни своей не
одно столетие.

Особняки-острова.
С заброшенными садами или без.
С чердаками и подвалами,
где семейные реликвии истлевают неизбеж-
но и неотвратно,
превращаясь в хлам, среди которого ожида-
ют призраки,
стерегущие сокровища и тайны,
ключи и карты к которым утеряны навеки.

Особняки-острова.
Прибежище кошек, где среди многоцветия
хвостов и шкурок,
горящих во мраке глаз
нет-нет да и заструится *зубастая улыбка*,
а среди шороха и теней
послышится вдруг скрип *починяемого
примуса*.

В этих домах-островах на стенах найдутся
еще портреты
давно канувших в небытие персон
и картины, сюжеты которых позабыты.
На книжных полках моргнут устало
потускневшим золотым обрезом давно
прочитанные книги,
а в дымоходах или же за голландской
печкой
(конечно же, в изразцах, но потрескав-
шихся и
кое-где отвалившихся) обитает фамильное
привидение.
И утреннее солнце сквозь занавес в спальне.
Как детская вера, что за этим утром будет
день, а за ним снова утро

и снова день, и так будет до тех пор, пока не
станешь взрослым,
а уж тогда изобретут лекарство от старости
и смерти
или Дед Мороз оставит под новогодней
елкой волшебную палочку...

Именно в одном из таких домов-островов
провел свое детство Кеша Макаров.

Дом был расположен у самого входа в парк.
Дом был большим и старым.
Кеше он представлялся очень древним.
Таким же, как башня Прекрасной Ногай-
ской Царевны
в Крепости на холме,
или дребезжащий деревянный трамвай,
на котором вместе с бабушкой отправлялся
в нескончаемое путешествие
от дома к железнодорожному вокзалу.

Хозяин ли дома, архитектор ли,
обладали несомненной и прихотливой
фантазией.
Деревянное строение, с намеком на
art nouveau,
могло сойти за небольшое *château*,
но торчащие на крыше трубы дымоходов
и присовокупленная к ним телевизионная
антенна
придавали особняку зловеще-комичный
вид,
напоминавший издали редкозубую челюсть
старика.
Над парадной дверью (заколоченной с
полвека)
высилось некое подобие дозорной башни,
скрывавшее за своим романтическим ви-
тражным окном
прозаичный чердак.

Стены дома, потемневшие и обветшавшие
снаружи,
внутри надежно хранили спокойствие и
уют,
отгораживая и защищая обитателей своих
от столь же древнего, как и дом, парка.

Парк начинался непосредственно за чер-
ным входом.

В тени высоченных лип
кронами своими, словно куполом закрыв-
шими небеса,
среди нешироких, подметаемых от случая к
случаю аллей
располагались скамейки,

выкрашенные масляной краской ядовито-зеленого цвета.

Аллеи служили часто пристанищем любителям шахмат, реже и в основном вечерами — картежникам.

И еще собачникам, выгуливающим в парке своих разной степени клыкастости и хвостасти питомцев.

И конечно же, влюбленным парочкам. И любителям алкоголя, к которым прилипла, точно жвачка к ботинку, обидное прозвище — *флаконы*.

Флаконов и картежников регулярно гоняла милиция. Сходки шахматистов и собачников не разгонялись, но и не приветствовались.

В одно лето появились деревянные таблички с угрожающей надписью:

«В саду ведется острел собак».

«Острела» не случилось, но любящие хозяева Квантов, Аргонов, Люксов, Акимов, Акелл и прочих Чарликов стали «выгуливать» их не в аллеях, а на полянке у оврага, причем значительно реже и большей частью в темное время суток.

Шахматистам *«острелом»* не угрожали. Впрочем, как и влюбленным парочкам.

Парк разбит был на холме. Вход с улицы Щапова был пологим, от другого же устремлялась вниз нескончаемой чередой ступеней лестница.

Лестница, казавшаяся маленькому Кеше бесконечной, завершалась переулком, имя которого, Кочетов, знали только старожилы. Переулок этот пролегал ровно по дну некогда безымянного оврага и, едва начавшись, обрывался кривой улочкой со странным и смешным названием Собачий переулок, или попросту — Собачка.

Переименованная властью Советов в улицу поэта Некрасова, но так и не расставшаяся со своим легкомысленным, но по-домашнему привычным названием.

В парке редко бывало многолюдно. Зато всегда присутствовало ощущение тайны.

Может, от полумрака или же от казавшегося бездонным, заросшего кустарником оврага.

А может, от старых легенд.

В легендах этих речь шла о призраках и потерянных душах старого парка, а еще — о сокровищах, скрытых в темном и сыром овраге.

И всякий раз летними вечерами Кеша внимал легендам этим почти с восторгом, а позже, ночью, с замиранием душевным переживал их, историю за историей. И старый парк за окнами оживал, вздыхали неприкаянные души, слышались шорохи и шепоты таинственные, казалось, вот-вот ворвутся призраки через окно в спальню, протянут свои руки-ветви замшелые деревья.

Но Кеша щелкал рычажком ночника, и теплый золотистый свет прогонял страхи.

Перевод Вадима Муратханова

Ркаил ЗАЙДУЛЛА

Ркаил Зайдулла родился в 1962 году в деревне Чичканы Комсомольского района Чувашской Республики. В 1985 году окончил филологический факультет Казанского государственного университета.

Стихи, поэмы, пьесы и рассказы Р. Зайдуллы переведены на английский, русский, турецкий, узбекский и чувашский языки и опубликованы в журналах «Кардеш калемлер», «Хедже» (Анкара), «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник» (Москва), «Аманат» (Алма-Ата), «Бельские просторы» (Уфа), «Вайнах» (Грозный), «ТыванАтыл» (Чебоксары) и других. Книги издавались на татарском, русском, турецком, башкирском языках.

Р. Зайдулла — лауреат республиканской премии имени М. Джалиля (1990), премии Союза писателей и Министерства культуры РТ имени Ф. Хусни (2005); ему присвоена премия Союза журналистов РТ «Хрустальное перо» в номинации «Имя в журналистике» (2005), театральная премия имени Д. Сиразиева (2009) и другие. В 2010 году Р. Зайдулла был удостоен Государственной премии РТ имени Г. Тукая.

Р. Зайдулла — заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2007), член международного ПЕН-клуба (Татарский ПЕН-центр) и член исполкома Всемирного конгресса татар.

ЛЕЙСАН

Ты такую же улыбчивой была...
В желтой юбке, в красных тапочках узорных.
Что за жест, какая тайна? —
Лишь вошла —
Чувства, мысли перепутались проворно...

Дверь мою она открыла широко,
И окно как будто в свете утонуло,
Тут же зеркало старинное легко
Ей просторные объятия распахнуло...

Вот вошла она с улыбкою...
Не ждал...

Смело руку подала мне: «Я — Лейсан!»
Эхо юности внезапное поймал —
Никогда бы не сумел я вспомнить сам.

Без причины засмеялась, как ручей,
Зазвенели колокольчики с небес.
И мое пронзили сердце...
Вслед за ней
Словно пламя потянулось.
Мир воскрес:
Желтый ветер шепелявил за окном,
Взволновалась наша древняя сосна.
Ни с того и ни с сего раздался гром,
Плетью молния зажглась — с ума сошла!

Вот уже она ушла, чуть семеня,
А в ушах моих осталось: «Я — Лейсан!»
Это знак судьбою послан для меня —
Я б его не разглядел, наверно, сам.

* * *

Я зачат был в темноте. Потом
Ты окутал светом и дал мне дом,
О, Тенгри! —
Но в эпоху, твердую, как металл,
Почему ты мне сердце мягкое дал?

На вратах свободы висел замок,
Но я видел то, что видеть не мог,
О, Тенгри! —
Здесь, где невежество правит бал,
Почему ты мне разум пытливый дал?

Сочные травы кипели, маня,
Я мчался стрелой, вскочив на коня,
О, Тенгри! —
Здесь, на сонном погосте, где всяк — устал
Для чего мне печальную память дал?

Мне опутают горло ремни дорог,
И могила моя пропадет в свой срок,
О, Тенгри! —
Кто я был? Зачем? Для чего страдал?..
Разве ты для этого жизнь мне дал,
О, Тенгри?..

Перевод Алии Каримовой

Рузаль МУХАМЕТШИН

Рузаль Мухаметшин родился в 1989 году в д. Татарская Тулба Кукморского района Республики Татарстан. С отличием окончил факультет татарской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Автор двух поэтических сборников: «Каралама» («Черновик», 2010) и «Бүре мин» («Волк я», 2014). Лауреат Республиканской премии имени Мусы Джалиля (2013). Автор либретто оперы «Ак Бүре» («Белый волк»), показанной в рамках Культурной универсиады (2013).

Член Союза писателей Республики Татарстан с 2010 года.

Член Татарского ПЕН-клуба с 2012 года.

Ночной этюд

Юлдуз Миннуллиной

Давным-давно стихов я не писал...
Весна так развращает, что ли, разум —
До крови клетки ручкой расчесал...
Тщета...
Порвать да выбросить бы разом...
С пера в тетрадь сейчас не стих течет
И не чернила — тяжкая эпоха...
Поэтому не спрашивай: «Ты че
Пропал, мол... как дела?..»
Все плохо!..
Все мысли светлые исчезли прочь,
Как рубль в щели общажного паркета.
Ладонкой грязной непоседа-ночь
Изгваздала мольберт стеклопакета —
Язык просунув в уголок рта,
Пародию на день она рисует...
Нахмутив брови — злючка еще та —
Квадратик черный в форточку просунет.

А у тебя там ночь?
Такая же —
Играющая с ветром зябким в салки?
Толпа фанатов под окном блажит —
Гламурные вандалы да хабалки?..

А знаешь, что хочу...
Отвергнув все:
И был саму, и будущее тоже,
И быт общажный — холодом несет
От стен чужих;
И путы вен под кожей
Порвать в клочки... И в клеточку тетрадь
Пустить по ветру... стопку книг, журналов
В сердцах в охапку пухлую собрать
И сбросить в ледяную рябь канала...
Освободиться... дух перевести...
Круша стремнину автокруговерти,
К тебе хоть на минуточку прийти,
К тебе прийти...
Соскучился до смерти...

Хоть сдохни от тоски — о, времена...
Вся тяжесть навалилась как-то сразу:
И на душе черно, и ночь темна,
И... и... стихи не пишутся, зараза...

Перевод Наиля Ишмухаметова

Ленар ШАЕХ

Поэт Ленар Шаех (Ленар Миннемохимович Шаехов) родился в 1982 году в деревне Такталачук Актанышского района Республики Татарстан. Окончил Мензелинский педагогический колледж, факультет татарской филологии и истории Казанского государственного университета, аспирантуру. Возглавлял литературно-творческое объединение молодых поэтов и писателей «Эллуки» («Аллюки»), был организатором и главным редактором татарской студенческой газеты «Тэрэзэ» («Окно»). Работал в республиканских газетах «Шэхри Казан», «Татарстан яшьләре». С 2007 года — редактор, а с 2008 года — главный редактор Татарского книжного издательства.

Работает в жанре поэзии (в том числе детской), прозы, публицистики. Автор двадцати книг, изданных на татарском, русском, башкирском, киргизском и английском языках в Казани, Москве, Уфе, Бишкеке и Лондоне. Произведения переведены на азербайджанский, якутский, чувашский языки.

Ленар Шаех — руководитель проекта серий книг «Татарская проза» и «Тюркская литература», изданных Татарским книжным издательством, составитель сборников и энциклопедий по татарской классической и детской литературе. Переводит с русского, немецкого, киргизского, башкирского языков.

Кандидат филологических наук, лауреат Республиканской премии имени Мусы Джалиля, литературной премии имени Абдуллы Алиша, Приволжской литературной премии «NEWBOOK. Волга-2015», академик Международной общественной академии поэзии Омора Султанова Киргизской Республики. Член Союза писателей Республики Татарстан и Татарского ПЕН-центра Международного ПЕН-клуба, Союза журналистов Татарстана и России, Международной федерации журналистов и Евразийской творческой гильдии (Лондон).

КОЛЕСО

Казанскому государственному университету

Промчались рысью времена,
Где был я юным и нелепым
И стойко грыз в твоих стенах
Гранит науки с черствым хлебом.

Мне дух студенчества знаком,
Он замечателен без глянца.
Я был доволен кипятком,
Хотя случалось обжигаться.

Среди торжественных колонн,
Где колесом катилась юность,
Сияла жизнь со всех сторон,
Дорога светлая тянулась.

О колесо счастливых дней —
Оно осталось в прошлом где-то...
И я, конечно, не умней,
Чем стены университета.

Пусть из богатства твоего
Лишь чемодан достался знаний,
Но драгоценнее всего
Мне целый воз воспоминаний.

Пройду, задумавшись... «Постой!..» —
Окликнут белые колонны...
Здесь были Ленин и Толстой,
И все другие поименно.

Стоишь, веками убелен,
Мы все — твои единоверцы.
И белоснежный строй колонн
Навек впечатается в сердце.

Возвращаюсь в родную деревню

Возвращаюсь в родную деревню —
Только здесь набираешься сил.
О земле вечно юной и древней
В суете как-то я позабыл.

Иногда лишь вздохнется повинно,
И подумаешь в грохоте дня,
Что невидимая пуповина
Крепко с детством связала меня.

Возвращаюсь в родную деревню
Из бетонной тоски городской,
Чтоб засохшие всходы безверья
Напоить ключевой водой.

Как из прошлого, спящего где-то,
Выйдет мама встречать на порог...
Оказалось, завязанный в детстве
Не потерял еще узелок.

И, плечом поведя без усилия,
Отряхнешь суету не спеша,
И легко белоснежные крылья
Расправляет младенец-душа.

Тишине полнозвучной, напевной
Вторит снег, белизною слепя.
Хорошо возвращаться в деревню —
Возвращаться к истокам себя!

Перевод Галины Булатовой

Луиза ЯНСУАР

Луиза Янсуар родилась в 1981 году в деревне Ковали Пестречинского района ТАССР. Окончила Казанский государственный университет (факультет татарской филологии, истории и восточных языков). Кандидат филологических наук. Публикации в республиканских и центральных изданиях. Автор четырех книг поэзии. Переводит на татарский язык стихи Анны Ахматовой и прозу Рэя Брэдли. Лауреат премии имени С. Сулеймановой и российско-итальянской премии «Белла». Живет в Казани.

Кто знает...

Есть множество вокзалов на земле,
Что ждут тебя. Но есть ли человек,
Который ждет? Что ж, если есть, к нему
Беги сквозь ветер ледяной и снег.

Оставь свой дом с погашенным окном.
Взгляд из вагона, как в последний раз,
На город брось. В нем кто-то будет жить,
Тобой дыша и за тебя молясь.

Тебе мигает с неба самолет,
Мерцает в темноте аэропорт.
Тебя забрало небо у меня —
Не отдает обратно до сих пор.

Или просторы северных морей
Зовут тебя и синие глаза
С отливом льда? Внутри одной любви
Нам, двойникам, прожить, увы, нельзя.

От края к краю, из конца в конец
Стремишься — и теряются следы.
Мерцает и двоится образ Твой
Сквозь влагу набегающей слезы.

Перед началом долгого пути
Смотрю на город, словно в первый раз.
Да, кто-то провожал меня, как ты,
Но есть и тот, кто ждет меня сейчас.

Люди

1.

Держись как можно дальше от людей,
Когда захочется людским теплом согреться.
Начнет метаться сердце — ты его
Сожми в руке, на то оно и сердце.
На все четыре стороны тоску
Развеивай. Пусть злему языку
Не будет повода для болтовни досужей.
Невесту укради и никого не слушай —
Умчи ее за тридевять земель.
Живи под сводами просторной юрты.
Повесь в середине юрты колыбель.
Кроме твоей судьбы, не внятен никому ты.

2.

а люди любят смерть дразнить и приближать.
и ты — из их числа.
и я — не исключенье.
мы порознь с тобой исчезнем в той земле,
где наши иногда
пересекались тени.

поэтому и жду, ищу тебя кругом.
поэтому и ты
глаз не сомкнешь бессонных.
а люди так горды, пока не грянул гром,
длиной своих теней,
прямых и непреклонных.

ПРОЗА

Рустем ГАЛИУЛЛИН

Рустем Галиуллин родился в 1987 году в деревне Наласа Арского района Республики Татарстан. Окончил КГУ (факультет татарской филологии и истории) с отличием, награжден медалью «Лучший выпускник-отличник — 2009». С 2005 года юморески, рассказы печатаются в газетах «Сабантуй», «Шәрри Казан», «Ватаным Татарстан», «Мэдэнижомга», «Татарский мир», в журналах «Чаян», «Казан утлары», «Идел», «Мәйдан». В студенческие годы работал в журнале «Чаян» и в газете «Шәрри Казан». В настоящее время — редактор отдела в журнале «Казан утлары» («Огни Казани»). Член Союза писателей и Союза журналистов РТ, победитель конкурса молодых писателей «ИделемАкчарлагы» (Гран-при, 2007), автор книги на татарском языке («Мальчик-гипнотизер», 2008). В 2009 году стал победителем в номинации «Дебют» на XII Конкурсе в сфере журналистики и массмедиа Республики Татарстан «Бэллуркалэм — Хрустальное перо».

ДУРАЧОК

РАССКАЗ

Моим наставникам!

Дурачок шагал себе и шагал куда глаза глядят. По широким долам, по холмам да по низинам. И всюду он искал глазами цветы: радовался и никак не мог нарадоваться манящей красоте природы и ее главному украшению — цветам; сгребал в пригоршню распустившиеся бутоны и нежно разговаривал с ними, гладил лепестки; снова и снова набирал полную грудь их чистого, животворного аромата... От изобилия цветов, от их натуральной красоты Дурачок испытывал настоящее духовное наслаждение. Он вдохновился, его глаза теплились надеждой.

Часто ему попадались и обманчивые, безликие цветы. Издалека они очень красиво переливались и свер-

кали; казалось, это солнечные лучи ласкали их, отдавая тепло и нежность, но по мере приближения к ним в душу закрадывался холодок отчуждения. Прикосновение к красивейшим соцветиям обжигало пальцы морозом. От понимания однобокости их блеска свербило на душе, портилось настроение. Дурачок не задерживался возле таких цветов, старался вообще не замечать их. Переходя от одной поляны к другой, он подметил: все-таки «обманок» очень много. С каждым шагом крепло его умение распознавать крупницы природной красоты в разливанном многоликом море.

А просторы и вправду огромны. Это настоящая бескрайняя Вселенная. Дурачок шагал и шагал себе,

изучая каждую ложбинку, каждый овражек, каждый пригорок. Иногда ему попадались поляны, особенно густо усыпанные полевыми цветами. В таких местах он задерживался надолго. Он подробно рассматривал понравившиеся ему цветы, ни один из них не обделял вниманием, от переполняющих эмоций он ощущал себя невесомой бабочкой, парящей над бутонами. Дурачок молодец и преображался буквально на глазах, лицо его похорошело и светилось каким-то неземным счастьем. Можно подумать, он медоносная пчела, собирающая нектар и пыльцу! Вот так, на подъеме, с вдохновением он продолжал путь.

Частьнок неприметные тропинки заводили Дурачка в непроходимые дебри кустарника, густо заросшие лебедой, колючим репейником, удушливой полынью и прочими сорняками. Он и там искал цветы. Странно: листва у многих растений квеля, стебли болезненно искривлены, соцветия поникли. Цветы грустили в тени хозяйев этих земель. Дурачок удивлялся: здесь, в зарослях, куда не проникают солнечные лучи, тоже встречаются прекрасные экземпляры! Но их судьба тесно связана с этими дебрями. Дурачок выкопал бы цветы и пересадил бы их рядом со своими собратьями, на солнечных полянах, но они ведь проклюнулись именно здесь, среди густого кустарника, пустили корни. Заросшая сорняками и колючками урема — их родина...

Много бродил Дурачок. Путешествие оказалось долгим: волосы покрылись серебряной пылью, лицо избородили глубокие морщины, взгляд стал серьезным, с неистребимым налетом грусти от ностальгии по родным просторам. Дурачок решил возвращаться.

Вот он ступил на большой луг. Цветов на нем — бесчисленное множество. Яркий живописный ковер — чего тут только нет, какими только цветами и оттенками он не переливается: здесь тебе и ослепительные цветы, и полураспустившиеся, и прекрасные, и безобразные, которые хочется тут же выдернуть. Много здесь и сорняка: выюн, репей и прочие собратья — неистребимы. Они не ощущают никаких неудобств: перепутались в самом центре луга с роскошными благородными цветами, обнялись и породнились. А простенькие полевые растут дружными семейками, красиво окаймляя поляну.

Дурачок внимательно изучил все участки. Где-то — сплошные заросли бурьяна: в таких местах будешь искать цветок днем с огнем и все равно не найдешь. На многих участках бутоны сохнут на корню. И нет никого, кто защитил бы их от палящего солнца, кто полил бы пересохшие корни, кто укрыл бы от беспощадного ветра. Никто и не думает вершить эти святыя дела. Дурачок загрустил. Ему стало обидно. Не мог он оставаться здесь, на чужбине. Он шел к своей поляне. Издалека завидев родные места, Дурачок побежал, не в

силах сдержать радостного волнения. Звучащая в его душе песня счастья вырвалась наружу. Он даже не заметил, что дорога, ведущая его к цели, сплошь ухабиаста. А ведь когда-то это был большак. Вот наконец-то и родная поляна. Долго стоял Дурачок, переполненный чувствами. Знакома и близка ему эта поляна, родная до последнего изгиба!

Зачарованный благословенной тишиной, он бороздил взглядом долину вдоль и поперек. Как много здесь превосходных цветов! Дурачку не терпелось побыстрее приникнуть к бутонам, вдохнуть их чистый аромат. Но он повернул назад, чтобы по узкой тропинке подняться на холм. Нет, он никуда не ушел. Он сейчас поднимется и сверху насладится видом на долину.

Он бросил взгляд на возвышенность. У ее подножия блесло круглое озерцо. От слабого дуновения ветерка его поверхность покрывалась гусиной кожей. Можно подумать, озеру не нравились нежные поглаживания. Дурачок перевел взгляд на берег. Вот тебе раз: долина полна цветов, а здесь, у воды, их по пальцам можно пересчитать. Но самое удивительное: вместо того чтобы буйно и пышно цвести, растения блекнут и вянут. Вроде бы и место просторное, но возникало ощущение, что цветы будто подглядывают друг за другом, следят, как бы соседу не достался больший участок. Мало того, они словно ревнуют друг друга к благодатной земле! Дурачок не поверил своим глазам: разве может быть такое? Разве не должны они повесело цвести и благоухать, украшая эти благодатные места? Дурачок погрузился в тяжелые раздумья. Взгляд его упал на один из прибрежных цветков: так вот в чем причина! Стебель цветка был плотно обвит сорняком. Вот, оказывается, что мешает им расти! Когда-то бурно развивающиеся, пышно цветущие растения поблекли и потеряли природную красоту именно из-за соседства с сорняками.

Дурачок непроизвольно побежал к озеру. Быстрей добраться до берега и вырвать с корнем все сорняки-паразиты! Добежав, он замер в недоумении: цветы так сильно перепутались с репейником и лебедой, что невозможно выдернуть сорняк, не повредив цветка. Он разглядел среди гибнущих растений молодые побеги. Их блеск ослеплял, но был, к сожалению, каким-то неестественным... Дурачок едва не заплакал. Хорошо, что немного было молодняка, с первых дней привыкшего видеть в соседях сорняки, считать их равней себе. Он долго стоял, собираясь с мыслями. Ему хотелось как можно быстрее покинуть окрестности озера, чтобы больше не смотреть на жалкие, поблекшие цветы. Дурачок бросил на них быстрый взгляд, в котором соединились жестокость и сострадание, ненависть и милосердие, и быстрым шагом пошел прочь от озера.

Долина щедро усыпана цветами. Каждый из них «горел» своим, только ему присущим красочным огнем. Напоминающую одну большую клумбу долину со всех сторон окаймляли сорняки: и не рассчитывай, что сумеешь легко пройти сквозь живой забор, — репей, лебеда, выюн и полынь доставят немало хлопот. Такое ощущение, будто кто-то специально посеял их, чтобы оградить благородные растения от внешнего мира. Дурачок немало помучился, прежде чем сумел пробиться к желанным цветам. Вай-вай-вай! Какая красота! Он благоговейно созерцал цветочную поляну. Какое буйство красок! В один сплошной ковер вплетены и увядшие, потерявшие почти все лепестки экземпляры, и пышно цветущие, и недавно проклюнувшиеся. Дурачок обрадовался. Даже сорнякам не под силу задушить это великолепие. Но сорной травы все-таки немало. Цветы, не сумевшие оказать им сопротивление, поблекли и пожухли. Но Дурачок не обращал на это внимания. Переполненный радостью от созерцания полевых цветов, он уже не думал о том, что сорняки, окружившие поляну, со временем могут разрастись и задушить красоту. Но при этом он все же почувствовал некую грусть, излучаемую бутонами и соцветиями. Цветы будто тянулись друг к другу. Казалось, они чувствовали, что в один из дней им суждено соединиться в один большой букет и по глади озера вырваться из отчуждения на благодатные плодородные земли...

Дурачок разглядел притаившуюся под стеблями здоровых взрослых растений молодую поросль и поспешил туда. Те места, где молодые побеги росли вместе с радовавшими глаз взрослыми цветами, отличались от других участков. Хотя сорняки здесь на первый взгляд не столь обильны, но издали эти заросли казались гуще и таинственней других участков. Дурачок не заметил, как вскрикнул от радости: сколько молодых побегов, которые вскоре подрастут и станут украшением поляны! Только почему же их стебли такие хилые, а бутоны никак не могут до конца раскрыться? Дурачок, присев на корточки, прислушался к дыханию цветов. Вода им нужна, вода! Для того чтобы окрепли стебли, а бутоны набрали силу и красоту, молодым цветочкам необходима срочная поливка! Радоваться солнечным лучам, ощущать нежные прикосновения ветерка, чувствовать истинную свободу мешают сорняки! Дурачок сжал кулаки и подпрыгнул от нахлынувшей ярости! Нет, вы только посмотрите: не одни молодые побеги, но и взрослые, распустившиеся цветы мучаются от жажды и гнета сорняков!

Он боднул заросли репейника и поспешил к озеру. Цветам нужна вода! Собрав ладони в одну широкую пригоршню, Дурачок осторожно шагал к воде. Что такое? Почему он никак не может пробраться? Опутанный

сорняками Дурачок остановился в нерешительности. Он бы мог оборвать пути с ног, но испугался, что может выдрать вместе с сорняками и цветы — поблекшие, поникшие, ставшие похожими на сорняки, но цветы, родственники тех прекрасных созданий, что растут на поляне. Ведь когда-то и они были прекрасными и дарили радость своей красотой. А теперь от их пожухлых соцветий веет холодом.

Дурачок не хотел топтать и без того немногочисленные цветы возле пруда. Осторожно скользя по земле подошвами, он потихоньку продолжал движение. Что это? Растущий почти у самой воды, высохший, облетевший цветок, раскачивающийся в такт переменчивому ветру, зачем ты преграждаешь ему дорогу? Как ни старался Дурачок, но не смог обойти «лысого старичка». Цветок-скряга не хотел давать ему ни капли воды.

Очень удивившись увиденным, Дурачок попробовал подойти к озеру с другой стороны. Он понадеялся на гостеприимство и великодушие такого же сухого, похожего на высохшую, седую древесную ветку цветка. Да только напрасно: и этот «старикан» не уступил ему дороги.

Он остановился в растерянности и нерешительности. Озадаченный Дурачок заметил, что два цветка на противоположном берегу качнулись. Они будто приветствовали его. Набрав полную грудь воздуха, Дурачок побежал в тот конец. Опершись друг на друга, там росли два цветка. Они тоже начали увядать и осыпаться, но от них веяло какой-то естественностью, благолепием. Они не поддались полчищам сорняка, сохранили свою независимость. То место, где они росли, было самым красивым на побережье. Дурачок не поверил своим глазам: отклонившись в противоположные стороны, цветы словно бы уступали ему дорогу. Растерявшись от неожиданной помощи, он немного потоптался на месте. Затем, взяв себя в руки, он подошел к воде, набрал полную пригоршню и поспешил на поляну. Вот тебе раз: до молодых цветов отсюда намного ближе! Дурачок обернулся: те два цветка будто бы засветились, озаренные радостью. Но заросли сорняка вокруг них стали казаться еще гуще, а соплеменники — увядшие цветы — на фоне сияющих бутонов будто бы еще более обезобразились! Вернувшись на поляну, он прежде всего подошел к молодым цветочкам. Выбрав самые красивые из них, окропил волшебной животворной водой. И случилось чудо: в считанные мгновения соцветия приобрели живой блеск, стебельки окрепли, листья налились здоровой зеленью, поникшие бутоны гордо поднялись. Показалось даже, что заслон сорной травы вокруг молодых побегов испуганно прижался к земле и расступился. Окрыленный таким успехом Дурачок, безжалостно топча сорняки, побежал к воде:

— Цветы просят пить! Им нужны солнечные лучи и ласковый ветерок!

От его радостного крика проснулись все цветы на поляне. Впитавшие живительную влагу молодые растения с каждой секундой становились все краше и краше...

...Вздывая черные клубы пыли, к поляне подъехал черный джип, зловеще поблескивая угольно-черными тонированными окнами. Когда удушливое облако пыли, растекшись по поляне, потеряло густоту, из передней двери джипа вышел амбал в иссиня-черном, вспученном на буграх мышц костюме, венчала который квадратная голова. Он толстым коротким пальцем сдвинул зеркальные черные очки на кончик носа и быстрым взглядом окинул поляну. Затем он подошел к заднему окну машины и, покорно склонив голову и согнув мощную спину в лакейском поклоне, таком неожиданном для его габаритов, широко распахнул заднюю дверцу. Из нее прыгнул на землю еще один грома: круглая голова, сытое круглое лицо, округлое тело. Он зло прищурился, вытянул толстую руку в сторону поляны и с нескрываемым озлоблением бросил амбалу, поделив весь запас бурлящего внутри гнева на две порции:

— Кто... там?

— Где, господин?

— Там, куда я показываю рукой, тупица!

И амбал, и его хозяин-толстяк посмотрели на поливающего из пригоршни полевые цветы Дурачка.

— Что делает этот сумасшедший?

По-своему поняв вопрос хозяина, амбал вытащил из кобуры пистолет.

— Если позволите, господин? — Амбал упер в хозяина взгляд цепного пса.

— Дебил! Не видишь, что ли, он же ненормальный? Мы и без ствола прогоним его отсюда!

Топча цветы, они направились к озеру.

— Эй, придурок, что ты здесь делаешь?

Дурачок не услышал окрика амбала. Бубня себе под нос что-то радостное, он носил из озера воду.

Толстяк не на шутку рассердился. Напрягшись так, что синие вены на лбу почернели и проступили еще сильнее, он крикнул во все горло:

— Бестолочь, тупица, придурок! Что ты здесь делаешь?

Одной рукой поглаживавший лепестки, а другой поливавший цветок Дурачок вздрогнул и поднял голову. Увидев двух незнакомых мужчин, он разволновался.

— Что ты делаешь на моей земле, придурок?

Вопрос толстяка остался без ответа.

— Не минует ли этот шизик мой участок?

Шагнувшего навстречу Дурачку амбала толстяк одарил «взглядом» налитых кровью белков — тот, боясь вдохнуть, замер на месте.

— Эй, придурок, ты глухонемой, что ли? Почему не отвечаешь? Что ты делаешь на моей земле?

Дурачок с удивлением посмотрел на толстяка.

— На твоей... земле?

— Да, это моя земля! — ответил толстяк, гордо запрокинув голову. Затем, торопливо обстучав карманы костюма, он извлек несколько бумаг, заверенных печатями. — Вот, посмотри, придурок: эта кипа бумаг — документы, подтверждающие, что именно я хозяин этих земель!

Дурачок ничего не понял из документов, пестрящих цифрами и буквами.

— У этих цветов нет хозяина. Они — ничьи, они — вольные, они — свободные. А все ваши бумаги с печатями — обман.

Глаза толстяка еще гуще налились кровью.

— Что ты несешь, придурок? Ты хоть знаешь, с кем говоришь, тупица?! Убирайся с моих владений, сейчас же!

Амбал вплотную подошел к Дурачку и замер в ожидании приказа.

— А эти цветы... Признают они тебя своим хозяином?

Толстяк громко рассмеялся. На мгновение показавшись даже, что кровеносный сосуд, разделяющий его лоб на две равные половины, вот-вот лопнет от натуги.

— Ха-ха-ха! Вот дурак так дурак, всем тупицам тупица! Ха-ха-ха! Чего он сказал-то, признают ли цветы меня?

Долго еще смеялся толстяк. Пытаясь угодить ему, амбал тоже старался трясти плечами и кривить в усмешке рот. Когда толстяк прекратил смеяться, его глаза начали метать искры гнева.

— Мне нет дела до твоих цветов! Понял?! Я вспашу эту долину! Здесь и духа цветочного не останется!

Дурачка передернуло.

— Что ты сказал? Эти цветы — украшение природы. Их нужно поливать, их нужно выращивать...

— Ха-ха-ха! Ты меня за такого же дурака, как сам, держишь, что ли? Здесь скоро вырастет настоящий дворец. Мы его возле самого озера построим. А это место, — он ткнул пальцем в цветочную поляну, — мы превратим в зону отдыха и развлечений. Может, в хоккей будем играть, а может, в футбол. Скорее всего, здесь будут и ипподром для выгула лошадей, и стадион для тренировки людей...

— Нет-нет! — Дурачок вскрикнул несвойственным ему громким голосом и убежал к цветам. Прижав большую охапку к груди, он страстно зашептал: — Я вас никому не отдам, цветочки мои дорогие. Вы еще подниметесь в полный рост, вы еще порадуете всех нас своей красотой, вы еще излечите наши души своим целебным ароматом...

Толстяк и амбал удивленно переглянулись.

— Что вытворяет этот придурок? Все, хватит! Немедленно убери его отсюда. Свяжем и закинем в машину, а потом выбросим где-нибудь в глухом лесу. Пусть там придуряется сколько хочет! Меня ждут великие дела, и подобные придурки не должны путаться у меня под ногами!

Толстяк еще не успел договорить, как амбал стрелой метнулся за Дурачком. Подцепив лопатами ладоней, он поволок его к машине.

— Отпусти меня! Цветочки мои...

Толстяк, еще раз окинув хозяйским взглядом долину, успокоился и сел в машину.

— Цветы завянут! Отпустите меня!

Амбал крепко связал Дурачка по рукам и ногам, не вырвешься.

— Трогаемся, хозяин?

— Поехали! Мы и так много времени потеряли с этим придурком.

Амбал закинул связанного Дурачка вглубь багажника.

— Оставьте меня здесь! Цветочки мои...

— Пусть засохнут, облетят, погибнут! Они мешают нам жить так, как мы хотим! А особенно такие придурки, как ты...

В этот момент сверкнула молния, грянул гром.

— Гони! — крикнул толстяк амбалу. — Скорей, скорей, нам нужно выбраться на асфальт. Иначе застрянем тут...

Согнутый в бублик Дурачок заерзал в багажнике.

— Молния! Гром! Сейчас грянет ливень! Цветы поднимутся!

В ту же секунду начал капать дождь. Кап-кап-кап... Амбал утопил педаль газа в пол.

А лежавший в заднике стремительно удаляющегося от цветочной поляны черного джипа, скованный по рукам и ногам человек... Дурачок — был Поэтом...

Перевод Наиля Ишмухаметова

НАСЛЕДИЕ

Гавриил КАМЕНЕВ (1773—1803)

О ПОЭТЕ

Казань литературная... Что ни шаг — то славные имя и дело. Дома, памятники, скверы... Книги, мероприятия, литературные вечера, премии. И вдруг выплывает чье-то забытое имя. А мы — мы, наверное, археологи от литературы: бережно достаем находку, очищаем от налета безвестности, изучаем по энциклопедиям, реестрам, трудам таких же увлеченных, любовно выносим на свет...

Многие ли до недавнего времени знали, что в нашем городе в конце XVIII — начале XIX века жил и творил яркий поэт, прозаик, переводчик Гавриил Петрович Каменев (1773—1803)? Многие титулуют его первым романтиком Рос-

сии. А между тем Каменев — личность известная и значительная, и не только для своего времени. Высоко оцененный А. С. Пушкиным («Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»), он представляет несомненный интерес и как историческое наследие Казани (в 1790-е годы служил бургомистром Казанского городского магистрата), и, что более весомо, как литератор. В творчестве Каменева наивысшего расцвета достиг жанр кладбищенской элегии с присущим ему трагизмом, мисти-

Толстяк и амбал удивленно переглянулись.

— Что вытворяет этот придурок? Все, хватит! Немедленно убери его отсюда. Свяжем и закинем в машину, а потом выбросим где-нибудь в глухом лесу. Пусть там придуряется сколько хочет! Меня ждут великие дела, и подобные придурки не должны путаться у меня под ногами!

Толстяк еще не успел договорить, как амбал стрелой метнулся за Дурачком. Подцепив лопатами ладоней, он поволок его к машине.

— Отпусти меня! Цветочки мои...

Толстяк, еще раз окинув хозяйским взглядом долину, успокоился и сел в машину.

— Цветы завянут! Отпустите меня!

Амбал крепко связал Дурачка по рукам и ногам, не вырвешься.

— Трогаемся, хозяин?

— Поехали! Мы и так много времени потеряли с этим придурком.

Амбал закинул связанного Дурачка вглубь багажника.

— Оставьте меня здесь! Цветочки мои...

— Пусть засохнут, облетят, погибнут! Они мешают нам жить так, как мы хотим! А особенно такие придурки, как ты...

В этот момент сверкнула молния, грянул гром.

— Гони! — крикнул толстяк амбалу. — Скорей, скорей, нам нужно выбраться на асфальт. Иначе застрянем тут...

Согнутый в бублик Дурачок заерзал в багажнике.

— Молния! Гром! Сейчас грянет ливень! Цветы поднимутся!

В ту же секунду начал капать дождь. Кап-кап-кап... Амбал утопил педаль газа в пол.

А лежавший в заднике стремительно удаляющегося от цветочной поляны черного джипа, скованный по рукам и ногам человек... Дурачок — был Поэтом...

Перевод Наиля Ишмухаметова

НАСЛЕДИЕ

Гавриил КАМЕНЕВ (1773—1803)

О ПОЭТЕ

Казань литературная... Что ни шаг — то славные имя и дело. Дома, памятники, скверы... Книги, мероприятия, литературные вечера, премии. И вдруг выплывает чье-то забытое имя. А мы — мы, наверное, археологи от литературы: бережно достаем находку, очищаем от налета безвестности, изучаем по энциклопедиям, реестрам, трудам таких же увлеченных, любовно выносим на свет...

Многие ли до недавнего времени знали, что в нашем городе в конце XVIII — начале XIX века жил и творил яркий поэт, прозаик, переводчик Гавриил Петрович Каменев (1773—1803)? Многие титулуют его первым романтиком Рос-

сии. А между тем Каменев — личность известная и значительная, и не только для своего времени. Высоко оцененный А. С. Пушкиным («Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»), он представляет несомненный интерес и как историческое наследие Казани (в 1790-е годы служил бургомистром Казанского городского магистрата), и, что более весомо, как литератор. В творчестве Каменева наивысшего расцвета достиг жанр кладбищенской элегии с присущим ему трагизмом, мисти-

кой, унынием. В то же время Каменев — автор первой русской героико-романтической поэмы «Громвал», созданной по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте. Эта легенда входила во многие сборники классической русской поэзии XIX века. Стихотворения и переводы Каменева публиковались в московских и петербургских литературных журналах прошлого и позапрошлого веков. К сожалению, до сих пор так и не издано полное собрание произведений Каменева, между тем как отдельные издания прошлых лет стали библиографической редкостью.

Но обо всем по порядку. В Национальном архиве республики Татарстан недавно обнаружили сенсационный документ, а именно запись в метрической книге Покровской церкви г. Казани о рождении Гавриила Каменева 9 (20) марта 1773 года. Почему сенсационный? Да потому что во всех существующих справочниках и словарях указана другая дата рождения — 3 (14) февраля 1772 года. Если учесть, что Каменев скончался 26 июля (7 августа) 1803 года, то получается, что прожил он чуть более 30 лет, то есть его и без того короткая жизнь становится еще на год короче. Но, как это часто бывает, чем короче жизнь, тем ярче след, оставленный в ней, словно человек понимает, чувствует, что ему дано не так много времени на земле...

Наверное, и татарский мурза Макул, от которого повелся род Каменевых, знал, что потомки непременно его прославят. Семья будущего поэта считалась одной из самых богатых. Отец, Петр Григорьевич, был купцом первой гильдии, казанским городским головой, президентом губернского магистрата. Мать, Татьяна Ивановна, была дочерью купца-старообрядца. В семилетнем возрасте Гавриил остался полным сиротой. Судьба распорядилась так, что его отдали на воспитание в частный пансион М. Вюльфинга, считавшийся лучшим в Казани. Здесь, вместе с дворянскими детьми, и прошло его детство и отрочество, здесь он начал изучать русскую и европейскую литературу, немецкий и французский языки, причем последний — самостоятельно. Здесь зародилась его любовь и непреодолимая тяга к сочинительству.

Ближайшим другом поэта становится Савва Андреевич Москотильников — литератор, чиновник и к тому же — масон! Масонское общество в то время собирало людей умнейших, инициативных, проникнутых идеями гуманизма, духовного возрождения России. Разумеется, примкнул к

масонам и Гавриил Петрович Каменев. Поездки в Москву и Санкт-Петербург позволили поэту иметь знакомство и вести беседы с такими знаменитостями, как Н. М. Карамзин, М. М. Херасков, И. И. Дмитриев. Ну а вершиной признания литературных заслуг Каменева было принятие его в 1802 году в действительные члены петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

От брака с дворянкой Марией Подладчиковой поэт имел двух дочерей. Семья, впрочем, не сложилась. Но еще ранее поэт пережил любовную драму — не увенчавшуюся браком любовь к дочери казанского врача-немца...

Здоровье поэта ухудшилось к лету 1803 года — причиной его смерти в метрической записи Воздвиженской церкви указана чахотка. Единственное место, достойное упокоения праха поэта, — это, безусловно, кладбище Кизического монастыря. И не только потому, что здесь был похоронен его отец, рядом с которым он обрел последнее пристанище. Именно здесь, в тени сосновой рощи, он любил гулять и размышлять, именно здесь он находил вдохновение, уходя в мир фантазий и воображения. Как место действия и литературный образ роща-кладбище Кизического монастыря присутствует в нескольких его произведениях.

«Вчера с друзьями я ходил / В тени сосновой темной рощи, / Прохладной ожидая ночи, / Там с ними время проводил...» Это строки из последнего стихотворения Гавриила Каменева, которое было найдено в кармане его куртки после смерти. Оно называется «Хижицы», или — другое, официальное название — «Вечер 14 июня 1801 года»; дата, вынесенная в заглавие, видимо, имела для поэта какое-то особое значение. Кладбище ныне разрушено, от него не осталось даже надгробий, их пустили на поребрик вдоль улицы Декабристов.

В начале 2015 года была создана инициативная группа по увековечению в Казани памяти Г. Каменева (организатор и вдохновитель идеи — Эдуард Учаров), собравшая свыше двухсот подписей казанских литераторов, краеведов, ученых, архитекторов, библиотекарей, музейных работников... 20 марта 2016 года, в день рождения Каменева, инициативная группа возложила символический камень в Сосновой роще близ Кизического монастыря. За три года прошло пять вечеров памяти Г. Каменева, два всероссийских конкурса его имени, организованных казанским литературным кафе «Калитка» Центральной библиотеки, изда-

но «Избранное» поэта, вышли теле- и радиосюжеты, посвященные Каменеву, а также несколько публикаций в региональных изданиях. Идею увековечения памяти Г. П. Каменева поддержали и авторитетные писатели России.

В заключение приведем знаменательные слова Р. М. Гайсина, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского института КФУ: «Величие Гавриила Каменева для нас определяется тем, что он, преодолевая каноны предшествующей традиции, обозначил главные принципы собственно свободного творчества и прошел зна-

чительный путь, по направлению которого многие странники отечественной словесности идут до сих пор. Художественные открытия такого высшего порядка должны были явиться в евразийской Казани. В науке подобным первопроходцем стал Лобачевский, но значительно позже...»

Эдуард Учаров, организатор и руководитель проекта, поэт, руководитель литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки
Галина Булатова, поэт, переводчик, редактор-составитель литературных изданий

Мечта

Доколе тусклыми лучами
Нас будешь ты венчать, мечта?
Доколе мы, гордясь венцами,
Не узрим — что есть суета?
Что все влекут часы крылаты
На мощных — к вечности — хребтах;
Что горды, сильные Атланты
Вмиг с треском раздробятся в прах.

Где дерзкие теперь Япеты,
Олимпа буйные враги?
Гром грянул — все без душ простерты!
Лишь не успеем мы ноги
Взнести на твердые ступени —
Скользим — повержены судьбой!
Мы жадно ищем вверх степени,
Взойдем — но ах! конец какой?

«Какой? — Вельможа так вещает. —
Я буду знаменит, велик!
Таких вселенна примечает, —
Веселья, хоры, радость, крик
Со мною будут непрестанно;
Чтить станет, обожать народ;
Мое из злата изваянно
Лицо пребудет в род и род!»

Изрек... и смерть тут улыбнулась,
Облокотившись на косу;
Коса на выю вдруг пригнулась —
Погиб надменный в том часу.
Исчезла с ним его и слава —

Осталась глыба лишь земли.
Мечта! мечта! сердец отравла!
Исполнена одной ты тли!

Очаровать воображение,
Вскормить надежду, возгордиться,
Представить грезы, самомнение,
Рассыпав маки — сны родить...
Вот милые твои законы!
По коим слабый человек,
Без умной шедши обороны,
Блуждает, колесит весь век.

Давно ль на лоне я спокойства
Утехи кроткие вкушал?
И слезы бисерны довольства
Я с другом нежным проливал?
Настроив голос, сладку лиру,
Бренчал я на золотых струнах.
Доволен, весел, пел я миру
Весну моих дней во псалмах.

Завыли бурны аквилоны —
И вздрогнул бранный мой состав.
В груди сперлися тяжкие стоны;
Зла фурия, на сердце пав,
Терзала, жалила, язвила;
Пропало здравие! — болезнь
Свой бледный, страшный лик явила.
Осталась бытия — лишь тень!

Как ветер ревет в полях пространных
Между серебристым ковылем;
Как вихрь в реках золотопесчаных
Крутит, мешая воду с дном;
Как буйны, мощны ураганы
Все ломают, низвергают, прут —
Так нас болезни, страхи, раны
Колеблют, рушат и мятут.

Под розово-сафирным небом,
При блеске огненных лучей,
Возжженных светозарным Фебом,
Гулял я с милою моею.
Вдали от нас ключи шумели,
Бия каскадами с холмов;
С журчащей песнью вверх летели
Со зланных жавронки лугов.

Обняв грудь розово-лилейну,
Садился с нею на траву;
От восхищенья изумленну
На груди преклонял главу.
Тут с жарким поцелуем Маша,
Взяв арфу томную свою,
Играла песнь: «О милый Саша!»
Бывало, с ней и я пою!

По струнам персты пробегали,
Ах, долго ль, долго ль для тебя?
Часы, минуты пролетали
В восторге долго ль, вне себя?
На струны канула слезинка
И издала унылый звон.
Сверкнула майская росинка!
Исчезло все — как сон!

Почто, Атропа, перервала
Ты жизни тихой нить ея?
Почто ты, не созрев, увяла,
О роза милая моя?
Услышав жалобы с презреньем
Пан в роще стон и голос мой,
Схвативши арфу, с сожаленьем
Попрал мохнатую ногой.

Так, стало, все мечта на свете?
Мечта в уме, в очах, в любви?
При всяком — счастье — лишь обете
Несыто плавает в крови!
Сулит нам <...> златотканы,
Богаты теремы, чины
Велики, знамениты, славны —
Потом карает без вины.

Сулит нам долгу жизнь, веселья,
Но вдруг накинёт чёрный флер.
Рассыпятся состава звенья —
Останется единый сор!
Трещат и мира исполины
Судьбы под сильною пятой;
Падут — се горсть презренной глины
Из тел, напыщенных собой.

Едина правда, добродетель
Не будет ввек не суета!
Прямой кто всем друг, благодетель
Того есть цель — уж не мечта,

Того дела живут в преданьях,
По смерти самой — не умрут.
Дни, текшие в благих деяньях,
Ему бессмертье принесут.
1796

Кладбище

Птица ночная жалобным криком
Душу смущает, трогает сердце,
В робость приводит, мятет,

С свистом унылым быстро с могилы,
Мохом обросшей, любит спускаться
К куче согнивших костей.

Слух мой полету мрачной сей птицы
Вслед с ней стремится. Что ж я тут слышу?
Томный и тихой лишь стук.
Дух мой объемлет трепет и ужас!
Знатностью прежде, гордостью полна,
С кучи катилась глава.

Где твоя пышность, дерзкий невежда?
Где твоя знатность? Нет ее больше!
Слаб и порочен сей свет!

Страшная птица тотчас спустилась
С кучи на камень, гордость где прежде
Твердо являла свой вид.

Гордость исчезла — время сожрало
Надпись златую, знатные титла —
Камень остался один.

Высокомерный! зри те гробницы,
Сколь они пышны! Верно со треском
Скоро исчезнут, падут.

Честью и славой ныне украшен,
Скоро лишишься титл и богатства, —
Так же ты точно падешь!

Счастлив стократно бедный, но честный:
В жизни он терпит, — в смерти получит
Вечности счастье все.
1796

Элегия 1

Вечер любезный! вечер багряный
В влажном наряде сизой росы!
Друг твой несчастный сердцем тоскует,
В тихой долине слезы лишь льет.

В тихой долине пусто, безмолвно!
Друг твой при речке там быстрой сидит.
Мысли он только к ней устремляет,
К деве любезной здешней страны.

Дева прелестна! где ты, где ныне?
Где воздух тонкой питает тебя?
Где ты, где зыблешь грудь лебедину?
Где изливаешь пламень очей?

Грудь твоя лучше розы цветущей,
К солнцу раскрывшей свежи листы!
Алые губы прелестны и милы!
Руки белее в поле лилей!

Где Эдальвина? где ты, где ныне?
Кто твоих видит прелесть ланит?
Кроткой румянец! нежным оттенком
Мило играешь в них для кого?

О, Эдальвина! в горькой печали
Жизнь я несчастну здесь проведу!
Будьте во мраке вечно сокрыты,
Слезные вздохи песни ночной.

Элегия 2

Бури свирепством роза погибла!
Нежно, душисто на стебле цвела.
Алые листья лишь распустила,
Буря свирепством сгубила ее.

Грозд винограда! Милый, багряный!
Сорван ты жадной и хищной рукой!
Рано ты сорван с гибкого древа!
Сок твой любезный во прахе погиб!

Роза! почто ты рано завяла?
Грозд виноградный! почто не созрел?
Девы, рыдайте! слезно, печально,
Юноши, плачьте, тоскуйте о том.

О, Эдальвина! в тихом ты гробе,
Тихо, покойно, безмолвно лежишь,
Ветр на могиле воет уныло,
Скоро снег зимний засыплет ее.

Горькой ты смерти юна невеста!
Брачные песни замолкли навек!
Страшен жених твой, страшен и бледен,
Хладно и пусто на брачном одре.

Нежной красою всех была лучше,
Юная дева, ты в жизни своей.
Грудь твоя ныне низко опала,
Очи померкли и мертвы уста.

О Эдальвина!.. здесь на могиле,
Густо обросшей травой, сию.
Ветер холодный мрачный ночи
Роется бурно в моих волосах.

О Эдальвина!.. в горести лютой
Всю здесь проплачу унылую жизнь.
Бледен, как солнце в осень печальну,
Тих и безмолвен, как темный твой гроб.
21 марта 1799 года

На новый 1802 год. К друзьям

Едва, спеша вослед звездам,
Царь дня румяные смирил востока волны
И сыпал миллионы
Алмазов по снегам, —

Как на луге серебро-сапфирном,
В ковчеге благодати держа дары судьбин,
Вторый столетья сын
С челом скатился мирным,

Предстал — надежд, желаний сонм
Во сретенье ему, как легкий пар, толпится,
И всякой суетится
О счастии своем.

Одни хотят чинов для чванства,
Другие ордена, титулов и честей
Для роскошных затей;
Любовницы, богатства.

А я без прихотей искусств
К любимцу времени иду с лицом смиренным,
Со взором, орошенным
Слезой душевных чувств;

Прошу — да круг друзей мне милый
Из чаши радостей нектар блаженства пьет,
Надежды кроткой свет
Прочь гонит мрак унылый;

Да жизни их прозрачный ток
Не остановит смерть дыханьем ледовитым,
Над гробом, вновь зарытым,
Не шепчет ветерок...

Не дай им за серебро полуду,
Прямого счастья, спокойства не лиши,
В спокойстве их души
И я спокоен буду.

1802

* * *

В тишине уединенной
Жизнь несчастную веду,
Позабыт я всей вселенной,
Счастье в смерти лишь найду.

Ты, подруга летней ночи,
Бледно-светлая луна,
Лес, луга, и темной рощи
Мрак безмолвный — тишина!

Не услышите вы вечно
Вздохов горестных моих,
Хоть страдаю я сердечно
В лютой грусти, в муках злых.

Ручеек, что по лужочку
Быстро льется и журчит,
И под холмиком к кусточку
Воду чистую струит!

О тоске души унылой
Не скажу тебе, смолчу,
И тебя, ручей мой милый,
Я слезой не возмущу.

Не скажу я ветерочкам:
Мчитесь вы по всем местам,
По дубравам, по лесочкам,
По долинам, по лугам.

Не скажу я вам: сыщите
Ту, которую люблю,
И тихонько ей шепните,
Что я в жизни ад терплю;

Что с унылою душою
В жалкой участи грушу
И сердечного покою
Тщетно я везде ищу;

Что, красот ее любезных
Образ в памяти храня
И в страданиях бесполезных,
Рвусь и мучусь, жизнь кляня.

Нет, в моей ужасной доле
Не могу ее винить;
Нет, не в нашей это воле —
Ненавидеть и любить.

Не богат я и не знатен,
Не забавен, не остер,
Мрачный вид мой неприятен,
Речь уныла, томен взор.

Что роптать мне на судьбину?
Не могу я счастлив быть.
Но умею лишь Кларину
Страстно, искренно любить.

ВЕЧЕР 14 июня 1801 года (Хижицы)

Вчера с друзьями я ходил
В тени сосновой темной рощи,
Прохладной ожидая ночи,
Там с ними время проводил.
Природа сумраком оделась, —
Угрюмо на закате рделась
Тускло-червлёная заря.

Туман спустился на луга,
Зефир заснул, древа молчали,
Нахмурясь, небо покрывали
Черногустые облака.
Луна из-за горы лесистой
Явила нам сквозь воздух мгlistый
Бледно-багровое чело.

Явила — и печальный свет
По роще тихой разливался,
В тоску и мрачность облекался,
Казалось, каждый там предмет.
Уныние в признаках черных
На нас, безмолвных, утомленных,
Простерло свой свинцовый жезл.

Отрада удалилась прочь,
Мое тут сердце приуныло,
Забивши тише, говорило:
«В твоей душе темно, как ночь!
Надежды тусклый луч затмился,
Оставлен всем — всего лишился,
И цель твоя — одна лишь смерть».

В глазах, где жизни огонь погас,
Слезу мне горесть наворачнула;
При сумраке она блеснула
Печально в сей прискорбный час.
«Друзья! — сказал я. — Я несчастен,
Мой жребий беден и ужасен,
Страданье — жизнь, темница — свет.

На все гляжу сквозь черный флер,
Нигде, ни в чем красот не вижу,
В веселых кликах стоны слышу,
При солнце мрачность кроет взор.
Вино мне в яд преобразилось, —
Восторгов сердце тех лишилось,
Что чувства нежат и томят.

Я вздохом начинаю день,
Смущенны взоры вкруг вращаю,
Ищу отрад — тоску встречаю,
Печаль следит за мной, как тень.
Исчезла радость, наслажденье,

Прошли забавы, и мученье
Рукой железной сердце жмет.

Влачится в скуке жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
В сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа.
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
В могилу темную сойду.

Тогда как солнце, скрывшись в Понт,
Оставит в тучах свод лазурный,
Померкнет свет серебристый, лунный,
Туман задернет горизонт,
Как ночь разверзет мрачны недры
И заревут, завоюют ветры, —
Друзья! придите вы сюда.

Придите! Древних сосн в тених
Надгробный камень там белеет,
Под ним — ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воет ветер».

ПРОЗА ПОЭТА

О книге Владимира Коваленко «По-честному»

Не стану лукавить, пишу о книге близкого мне человека, покойного друга, почти ровесника. В 70–80-е годы мне довелось жить и работать во Владимире, а Владимир Коваленко жил в Александрове, на 101-м км от Москвы, районном центре Владимирской области. Будучи в ту пору весьма активным литературным, театральным и кинокритиком, я «вычислил» его среди трех участников коллективного поэтического сборника, который мне пришлось рецензировать на страницах областной газеты «Призыв». А потом мы сблизились и подружились. Сколько было между нами душевных бесед о стихах, о любимых поэтах, об удрушающей атмосфере неусыпного идеологического контроля, под которым мы все тогда находились! Авторы того несурового сборника, помнится, я сравнил с пассажирами такси, едущими в разные стороны, а Владимир прочитал мне о нем свою горькую эпиграмму:

Когда эта книжка увидела свет,
Ее благосклонным вниманьем почтили.
Лишь автор вздыхал,
Что креста на ней нет!
Но крест и не нужен на братской могиле.

Так ему впервые пришлось столкнуться с издательским произволом. Озабоченные идеологической благопристойностью редактора отобрали, конечно, не самые лучшие стихи молодого поэта, да еще и причислили-отредактировали их на свой небезупречный вкус. Тем не менее исказить до неузнаваемости живой нестандартный голос дебютанта им не удалось. Слава богу, я это почувствовал...

Володя время от времени появлялся в областном центре, где у него было много друзей среди писателей, и особенно среди художников. Чаще всего мы встречались на квартире тоже теперь уже покойного владимирского художника Петра Дика. Среди моих тогдашних студентов, участников поэтического кружка при филологическом факультете пединститута, где, кстати, за два года до моего приезда учился Венчик Ерофеев, оказалось двое-трое александровских ребят, уважительно величавших своего земляка Владимиром Семеновичем. С его легкой руки мы наладили связи с музеем Пастернака в Переделкине, с домиком-музеем сестер Цветаевых, который он вместе с другими энтузиастами создавал в Александрове, а

после смерти Владимира Высоцкого ездили в Москву публично почтить память поэта, что в ту пору было небезопасно. Несколько раз и мне довелось быть гостем в его доме. Больше всего меня поражала разносторонность его интересов и увлечений. Образование он получил отнюдь не гуманитарное. Сначала учился в каком-то техническом вузе в Томске, совмещая учебу с токарной работой на заводе, потом служил в армии, приобщился к поэтическому творчеству, участвовал в конкурсах, публиковался в военных газетах, поступил на геологический факультет МГУ, с отличием окончил его и, получив редкую специальность кристаллографа, поехал по распределению с молодой женой и первенцем в Александров.

Перспективный научный сотрудник посвятил себя выращиванию искусственных кристаллов, образцы которых украшали его квартиру наряду с прекрасно подобранной библиотекой, на полках которой самое почетное место занимали книги Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. И это были не только типографские издания, но и притягательные образцы так называемого самиздата. Великое множество раритетов хозяин дома изготовил собственноручно с помощью неугомонной пишущей машинки «Эрика» (максимум пять листов папиросной бумаги в закладке) и нехитрого переплетного устройства. Щедро одаривал он ими и своих друзей. Несколько томов Володиного производства свято хранятся и на моих стеллажах.

Большую часть наших с ним бесед составляли, конечно, стихи в устном, как водится у поэтов, исполнении. Я видел, как совершенствовалось его поэтическое мастерство, уговаривал собрать персональный томик стихов и отправить в какое-нибудь центральное издательство. Но полученный негативный опыт надолго отбил у него охоту на такие рискованные эксперименты. Поэтому он, доверяя времени, печатал себя сам. Со временем у него накопилось собрание собственных сочинений в нескольких томах, а когда партийная цензура приказала долго жить, он без суеты, не спеша опубликовал несколько стихотворных книг: «Россиянин» (1995), «Добрая память» (1995), «Свет вечерний» (2000), «Час души» (2002), «Страна любви» (2011) и прозы: «Человек осуществленный» (1995), «Люди мои добрые» (2006). Наконец, посмертно, в позапрошлом году вышла книга его рассказов «По-честному». О ней и пойдет речь.

Конечно, никакие это не рассказы, а, скорее, мемуарные очерки. Может быть, лишь только первый из них по структуре своей очень отдаленно напоминает рассказ. В нем, по крайней мере, можно вычленил характерные для новеллы элементы сюжетной композиции.

В начале повествования, как и положено, развернута пространная экспозиция — описание некоего Поселка «в знойном закоулке Средней Азии» с двумя десятками деревянных домиков, привезенных из России, но почему-то названных финскими. Хлопкоробов из русских переселенцев, понятное дело, не получилось, поэтому они, соорудив глинобитную конюшню и небольшой коровник, «стали растить лошадей для доблестной Красной кавалерии». Началась великая война, и «уже к осени 1941 года мужиков Поселка вместе с лошадьми отправили на фронт».

Далее — в завязке — мы узнаем, что многие дети Поселка, в том числе и главный герой Лодька, сироты. Повезло лишь его дружку Шурке, отец которого Петр пять лет спустя «почти невредимым» вернулся домой. Выживший солдат собрал всех соседей и по доброте душевной подарил приятелям тридцатирублевую купюру на двоих с тем, чтобы они купили себе каких-нибудь лакомств. Этот жест можно считать кульминацией. Наивные дети «по-честному» аккуратно порвали бумажку пополам и отправились к местному инвалиду, развозящему и продающему немудреные товары для односельчан, с просьбой продать им конфеты-подушечки. Ветеран понял, в чем дело, и великодушно отпустил детям конфеты. Мальчик «по-честному» делится со всеми близкими, в том числе, конечно, и с матерью. Лодька последовательно становится «Володькой, Володей и даже Владимиром Батьковичем», навещает старенькую мать и в числе прочего угощает ее самыми дорогими конфетами, привезенными из столицы, — трофеями.

В развязке приводится знаменательный диалог: «“Что, мама, не шибко понравилась тебе московская конфета?” — “Да какая-то она горьковатая...” — махнула та рукой в ответ. “Ну, мама, это тебе показалось с непривычки к настоящему шоколаду”, — примиряюще сказал Лодька. Покачала мать головой: “Нет, сынок! Самую сладкую твою конфетку съела я давным-давно...” И тихо заплакала, уткнувшись лицом в грудь окончательно выросшей своей опоры».

Прочитав рассказ, я вдруг вспомнил, что эту историю мне как-то поведал сам Володя, когда мы обменивались с ним своими детскими воспоминаниями. Я, в ответ ему, вспомнил, как в пермскую деревушку Усть-Кишертского района приехал на побывку с фронта мой отец и привез мешочек трофейного, как он сказал,

немецкого шоколада. Мне, которому тогда было на полгода больше, чем коваленковскому Лодьке, тот невиданный шоколад тоже показался горьким!

Вводный рассказ, давший символическое название всей книге, весьма и весьма показателен. Во-первых, как выяснилось, автор, несмотря на то что герой-повествователь первому лицу предпочел третье, для вящей, видимо, объективности, предельно точно рассказывает о той жизни, которую он знал лучше всего, о своей. Во-вторых, мемуарные очерки с вековыми названиями «Ранние радости», «Счастливое детство», «Пуще неволи», «Школьные годы чудесные...», «Первый блин», «Ветер странствий», «Священный долг», «Большой университет», «Лиха беда начало» и «Вхождение в Союз» он никак не беллетризировал, рассказал обо всем, что с ним было, с документальной точностью. Приведенный диалог матери и сына единственный. В-третьих, важнейшую структурную роль в общей композиции книги играют стихи, которыми щедро делится с читателем автор, повествующий о Лодьке — Володьке — Владимире и обстоятельствах его, а на самом деле своего жизненного пути. В этом смысле некоторые переключки здесь можно усмотреть с традициями, заложенными Данте в его юношеской книге «Новая жизнь», представлявшей собой совокупность сонетов, канцон и баллад, посвященных в основном его легендарной Музе Беатриче, в сопровождении пространных авторских пояснений к ним в прозе. Такую структуру принято называть элогиальной. На русской почве она была блистательно реализована в XVIII веке Антиохом Кантемиром в его замечательных «Сатирах» и в XX веке Владимиром Набоковым в «Бледном огне», в котором 999 стихотворных строк поэмы разбавлены пространнейшим прозаическим комментарием.

Последняя книга Владимира Коваленко являет собой очерк целой жизни ее создателя, истинного героя своего времени, вытерпевшего вместе со всем народом лютую войну, голодное сиротское детство, преодолевшего все выпавшие на его долю испытания и оставшегося при этом счастливым состоявшимся человеком. Подобно лермонтовскому Мцыри, ему пришлось, «вкушая, вкусить мало меду», да что там меду — жалких подушечек-карамелек, но сохранить возвышающее душу достоинство творца, познавшего несравненную радость творчества как в науке, так и в искусстве. Финальным аккордом этого на самом деле героического, хотя внешним образом и незатейливого жития могли бы послужить два стихотворения из заключительного очерка. Первое — о том, как мужали и закаляли характер познавшие горечь безотцовщины военные пацаны:

Безотцовщины горькая ноша
И голодный отчаянный страх
Приучили вихрастых гаврошей
Под мотив «Позабыт-позаброшен...»
Верховодить в убогих дворах.
Это было в суровые годы.
После гибельной черной войны
Дули ветры звериной свободы,
Чтоб на чахленькие огороды
Налетали оравы шпаны.

Тарахтел за окошками «Виллис»,
Голосили над вдовьей судьбой,
В безысходности матери бились,
Чтоб мы выжили, приноровились
И остались самими собой.

С той поры не ищу я уверток,
На прямой отвечая вопрос.
Потому и остался упертым,
Потому я не бросил все к черту
И везу неподъемный свой воз.

А в России от моря до моря,
Знай гремит оркестровая медь,
Уверенью казенному вторя,
Говорит, что не видел я горя, —
Хорошо бы
Не видеть и впредь.

Эти строчки надо было прежде выстрадать, пережить, а уж потом написать.

Второе стихотворение — о распрямляющей силе поэзии, о неизменности слова, с помощью которого,

как учил Гумилев, человек общается с другими людьми, самим собой или Богом:

<...>
Взываю к славе и добру
С прямолинейностью солдата.
Как было сказано когда-то,
На том стою и с тем умру.

А время требует обнов,
Желая выглядеть красивым.
Но выделяю я курсивом,
Что нет на свете новых слов.

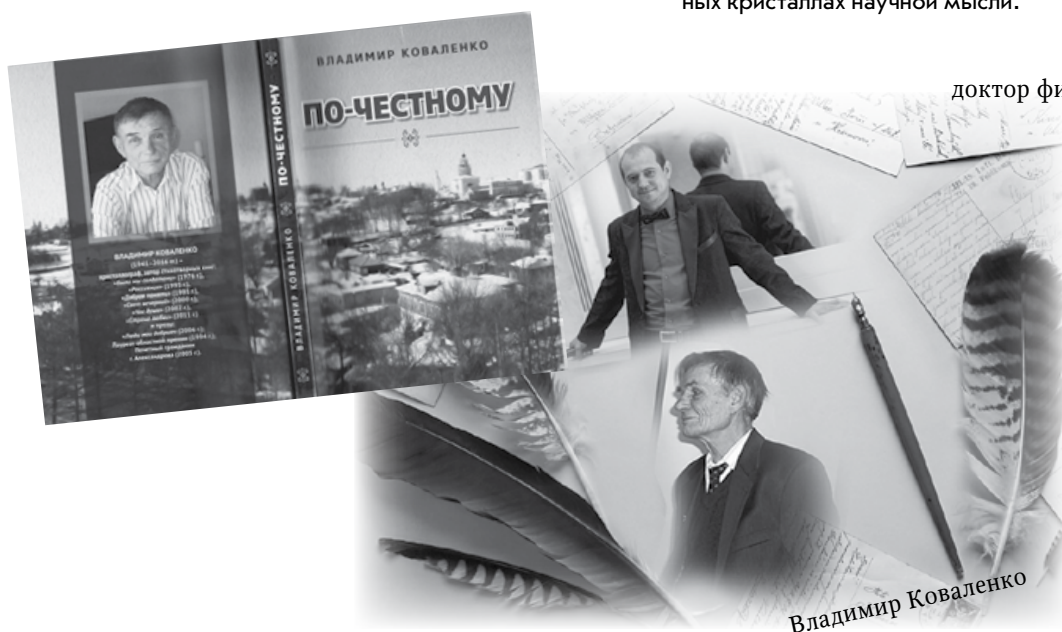
Все повторяются, увы...
Еще до подвига Христова
Подарком неба было слово,
Лишь термины из головы.

Перебирает их молва,
А в доверительных беседах
О наших радостях и бедах
Расскажут вечные слова.
<...>

Перед нами пронеслась целая жизнь со всеми ее невзгодами и радостями, разочарованиями и восторгами, бытовой прозой и высокой поэзией. Все это отразилось в предыдущих и последней книге Владимира Коваленко. Достойная, одухотворенная жизнь не проходит бесследно. Она остается не только в выстроенном доме, посаженных деревьях и взлелеянных сыновьях, но и в стихах, благодарной людской памяти и в синтезированных кристаллах научной мысли.

Олег Федотов,

доктор филологических наук

Александр ШЕЯНОВ

Александр Шеянов родился в Оренбурге. Жил в Алтайском крае и Мордовии. По образованию журналист. Работал в «Комсомольской правде». Член Союза писателей России.

Читателю известны романы «Ангел любви», «Приключения пещерного человека». «Сны русского олигарха» с продолжением печатала газета «Московский комсомолец», а журнал «Дружба — Россияне» — «Похождения алкоголика Синюшкина». По этим похождениям алкаша и инопланетян автор написал мистерию «Чертановская чертовщина», которая была показана во многих театрах, в том числе и на новой сцене Театра на Таганке в постановке Сергея Арцибашева.

Недавно в «Московском доме книги» состоялась презентация нашумевшего романа «Райский сон на курорте Гуантанамо».

Александр Шеянов выпустил два поэтических сборника: «Алхимия любви» и «Комета любви», скоро увидит свет новый — «Давай улетим». За заслуги в области художественной литературы писателю присуждено звание лауреата Государственной премии Республики Мордовия.

Остается добавить, что Александр начал работу над книгой «Лики судьбы, или Дребезги жизни», новеллу из которой мы и представляем.

Владимир Высоцкий, или Гамлет с Таганки

Когда в столице нашей сердобольной Родины на Страстном бульваре я замираю у памятника Владимиру Высоцкому, то часто вспоминаю его строчки: все равно не отчеканят меня на монетах вместо герба... А ведь отчеканили, притом на серебряных... И памятник воздвигли на Петровской заставе, где я сейчас и стою в задумчивости: помышлял ли он в будущем о таких знаках признания, верил или не верил? Да и кто тогда мог в это поверить?

Разве лишь сумасшедший...

А вот ты пиво с ним пил на подоконнике...

Ущипнул себя — было, но обо всем по порядку.

В конце семидесятых годов прошлого столетия Театр на Таганке стал частью моей жизни, так сложилось,

видно, звезды распорядились. Мой добрый друг Сергей Тишкин был главным машинистом сцены. У него в подвале мы и собирались. Читали запрещенную литературу, баловались портвейном. Заглядывали на огонек и артисты...

И вот однажды, в самом конце столетия — я тогда работал в «Комсомолке» и вял свой первый роман «Дело № 777. Инопланетяне, или Похождения алкоголика Синюшкина», — нежданно-негаданно, как хулиган из-за угла, нарисовался Высоцкий — был он в роскошном халате. Надо пояснить, в это время наверху, то бишь на сцене, шел спектакль «Преступление и наказание», где Высота играл Аркадия Ивановича Свидригайлова — прелюбопытного типа.

— И че тут творите, Тихон, — практически голосом Свидригайлова заинтересовался Высоцкий, — распи-
ваете?

— Да вот, Саня, — кивнув в мою сторону, жизнера-
достно пояснил Тихон-Тишкин, — читает главу из рома-
на про похождения алкоголика Синюшкина...

— Синюшкин, — хмыкнул Высоцкий. — А че пьете,
портвешок?

— Ну да, три топора, хороший, — не без артистизма
причмокнул Серега Тишкин, — будешь?

Высоцкий на мгновение задумался:

— После зайду, — чуть меланхолично ответил он, —
сцена у меня важная... — и устремился наверх, а за ним
почему-то и я, а за мной фотограф театра Саша Стер-
нин — ныне один из самых известных фотохудожников.

Высоцкий с гитарой в руках сидел в кресле на фоне
мрачной двери и пел:

Моих коней обида не догонит,
моих следов метель не заметет...

Я много раз видел эту сцену, и каждый раз меня ох-
ватывал озноб. Вероятно, как одинокого бездомного на
холодной питерской улице.

Внезапно гитара замолкла.

— Так и передай, дескать, барин в вояж собрался... в
Америку... — прохрипел Высоцкий.

Хлопнул выстрел.

Сноп света погас.

Это уже Достоевский.

Высоцкий после спектакля не зашел, а где-то
через год Саша Стернин подарил мне фотогра-
фию Высоцкого-Свидригайлова с надписью на об-
ратной стороне: «Снято за несколько месяцев до
последнего спектакля... Саше Шеянову в день чте-
ния его романа с искренним уважением и дружбой.
А. Стернин».

А с Владимиром Семеновичем Высоцким случились
и другие встречи. Сие объяснимо — он же вселенский
метеорит, правда, далеко не всем повезло с ним пере-
сечься.

В те времена у меня был самый настоящий роман
с Аничкой Есениной — внучкой поэта. И, разумеется, я
много общался с сыном поэта — Константином Серге-
евичем. Чаше на даче, в Балашихе, на улице имени Есе-
нина.

Мы говорили о поэзии, о художниках, о теа-
тре. И как-то я поведал Константину Сергеевичу сцену
из спектакля «Борис Годунов» по поэме его отца, где
Высоцкий играл Хлопушу.

Константин Сергеевич поинтересовался:

— Реально ли попасть на Таганку?

Я ответил коротко:

— Попробую...

В Театре на Таганке было два главных админи-
стратора: Валерий Янкович и Александр Ефимо-
вич. С Сашей — официально Александром Михайлови-
чем — у меня сложились хорошие отношения. Выслушав
мою просьбу про сына великого поэта, он, разумеется,
помог с местами.

И вот мы с Константином Сергеевичем уже распо-
ложились в первых рядах партера. А на сцене — лобное
место. Топор торчит в пеньке.

Деревянный скат — прямо к зрительному залу, точ-
но к людской стихии...

И босой, обнаженный по пояс Высоцкий, которого
бросают с цепи на цепь, хрипит-кричит, кричит-хрипит:

— Пропустите! Пропустите меня к нему, я хочу ви-
деть этого... Человека!

Казалось, еще немного — и вены лопнут на шее ар-
тиста, а глаза у сына поэта заметно повлажнели, да и у
меня тоже.

После спектакля к нам подошел Саша Ефимович и
интеллигентно сказал, что Юрий Петрович, разумеется,
Любимов, хочет познакомиться с сыном Есенина. Кон-
стантин Сергеевич согласно вздохнул, и мы прошли в
знаменитый кабинет режиссера, исписанный мудрыми
изречениями, вроде: все богини как поганки перед ба-
бами с Таганки.

Юрий Петрович и Константин Сергеевич начали мило общаться, вспоминать Мейерхольтца (на всякий случай — отчим К. С.), Зинаиду Райх (мама К. С.), заговорили о спектакле, и в это время в кабинет практически ворвался Высоцкий — он тоже хотел увидеть сына прославленного поэта. Они, почти не сговариваясь, обнялись, вернее, Высоцкий просто обхватил Константина Сергеевича, а тот что-то говорил, губы у него дрожали, и на этот раз он не удержал слезу...

Такое ощущение, что они просто много лет не виделись. И вот наконец встретились. Кто-то распорядился. Конечно, встреча встрече рознь, но, кажется, настал черед поведать про пиво на подоконнике...

Ко мне приехал мой брат Владимир — тогда он жил в Мордовии, и очень хотел посмотреть хоть какой-нибудь спектакль с участием Высоцкого, но брату не повезло — в эти дни таких спектаклей не было, зато повезло в другом: театр давал выездное представление «В поисках жанра». Что это такое?

Сначала выступал Леонид Филатов с пародиями на известных поэтов, затем пел Высоцкий...

Словом, концерт. Попробуй попади.

Но Сережа Тишкин все устроил, и брат хорошо подготовился: привез с собой с Мокши шикарного копченого леща, а к нему штук пять бутылок пива — «Жигулевского», настоящего...

Действо происходило во Дворце культуры шарикоподшипниковому заводу, ныне печально известного как «Норд-Ост». Спаси, Господи!

А тогда мы втроем — я, брат и Серега — уютно расположились на лестнице со стороны служебного входа.

Вместо стола — подоконник. И какой был натюрморт. Петров-Водкин со своей замороченной селедкой отдыхает. На нашей советской черно-белой газете в окружении бутылок, будто поросенок, развалился здоровенный лещ. И как он пах! Решили не откладывать.

На сцене начал выступать Леонид Филатов.

Брат иногда отрывался от леща и заглядывал в зал, а мы мирно посасывали косточки, запивали прохладным пивком и так зная, что там Леня заморачивает...

Мы ждали Высоцкого. И он неожиданно появился на лестнице. В короткой дубленке, на голове — знакомая кепка, на плече — гитара.

За ним поднимался Валерий Янкович.

— Тихон, как вы хорошо устроились! — поприветствовал нас Высоцкий.

— Володя, давай с нами, — душевно предложил Тишкин.

— А там что? — Он кивнул в сторону зала.

— А там... там Филатов выступает, — сказал подошедший брат, — про Стрельца-удальца...

— Давно начал? — уточнил Высоцкий.

— Только что...

Высоцкий потер руки:

— Есть немножко времени.

Мы пили пиво с рыбой, о чем-то говорили — было весело.

Будь в те годы айфон — представляете, какое бы получилось селфи...

— Пора! — вернул нас на грешную землю голос Янковича.

Высоцкий спокойно вытер руки газетой:

— Пошли со мной...

Мы двинулись за ним.

И вот он на сцене, а нам нашли места в первых рядах.

Все-таки Сам попросил...

А потом: дом хрустальный на горе для нее, протопи ты мне баньку по белому, чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...

И голова идет кругом, как тогда...

По соседству со мной на Таганке живет Лева, Лев Константинович Анисимов, в те времена ведущий мажорант Дома моделей на Кузнецком мосту. Ну сами знаете — Слава Зайцев. Регина Збарская...

И я по случаю поделился с ним этой «пивной» историей, а в ответ он рассказал мне свою...

Привожу ниже.

Однажды с утра в квартире Анисимова затрещал телефон. Звонил Венья — актер Вениамин Смехов, с которым Лева жил в одном доме.

— У Володи джинсы порвались, — с места в карьер начал Венья, — ты можешь помочь?

— У какого Володи? — опешил Лева.

— У Высоцкого...

— Как в лучших домах Лондона! — мгновенно отреагировал Лева. — Жду...

Минут через десять появились Смехов с Высоцким и бутылкой перцовки. Перцовка быстро кончилась. Володя прилег отдохнуть, Венья пошел к себе, а Лева принялся за дело — надо было разобраться с молнией на джинсах...

Прошел час-другой.

Высоцкий внезапно вскочил: сколько времени, че не разбудили, в театр опаздываю...

Лева протянул ему готовые джинсы...

— Поехали со мной, — влезая в них, пригласил Высоцкий, — репетицию посмотришь.

И Лева поехал с ним.

Тогда еще у Высоцкого не было известного «мерседеса», а был желтый «запорожец», на котором он лихо гнал. В результате на перекрестке у Театра на Таганке машину остановили, но когда гаишник увидел за рулем самого Высоцкого, не раздумывая дал отмажку — проезжай...

Вот признание — не надо вылезать, доставать права, оправдываться...

И даже автограф не попросил.

А вообразите такую картину: Владимир Высоцкий на желтом «запорожце» объезжает памятник самому себе, а милиционер ему честь отдает...

Эко меня понесло, но вернемся обратно.

С Высоцким еще случались встречи, в основном милые — в театре или на Малой Грузинской рядом с домом 28, в котором он последние годы жил. Дело в том, что в подвале этого дома располагался горшок графиков — художников-авангардистов. Мой старший товарищ, брат по жизни Эдуард Дробицкий возглавлял это «гнездо отщепенцев» — так выражалась советская пресса. И именно здесь душным июльским вечером олимпийского года, года 1980 от Рождества Христова, Эдик срывающимся голосом выдал страшную весть — умер ВЫСОЦКИЙ...

Что-то оборвалось во мне, не хотелось верить — не было еще официальных сообщений, да и черт с ними, это уже произошло, не где-нибудь, а в этом доме — этажами выше, ближе к небу...

К небу ближе...

Но история на этом не закончилась. За кометой Высоцкий потянулся след, словно от реактивного самолета.

Художник Виталий Лукьянец пригласил меня на свою персональную выставку. Я дружил с Виталием, писал о нем. Тогда художников в основном делили на два направления — реалист или авангардист. Так вот он был ближе к первому. Где-то к Глазуну. Кстати, Илья Сергеевич меня и познакомил с Виталием.

Выставка Лукьянца открылась в Доме самодеятельного творчества — старинный особняк, что прямо напротив Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Только в музей можно было попасть легко, а к «самодеятельному» художнику протянулась очередь, человек сто...

Выставку украшали большие известные полотна художника, связанные с землей и космосом, подтверждающие неразрывную связь между ними, но была и галерея портретов. И когда я увидел один из них, я просто опешил...

Это был портрет Высоцкого. Он стоял боком. Знакомый до боли профиль. В руках гитара. За ним на стене висела фотография Марины. Естественно, Марины Влади. А на переднем плане выделялась одинокая белая лилия...

«Вот и думай, почему, зачем ей здесь нашлось место?»

— И как тебе? — точно сейчас прозвучал голос Виталика.

— Не ожидал, — поежился я тогда, — предупреждать надо...

— Да краски еще не просохли, — пошутил он, — стихотворение прочитаешь?

— «Гамлет с Таганки»? — уточнил я.

— Ну да, Гамлет, — кивнул он.

И я не заставил себя упрашивать.

Слышали бы вы аплодисменты любителей «самодеятельного» творчества.

Ко мне подошла одна скромная женщина, дама, если хотите, и начала благодарить...

— Нина Максимовна, — включился в разговор Виталий и чуть понизил голос, — Высоцкая...

— Ма-ма? — невольно вырвалось у меня.

— Мама, — тихо ответила она, а я подумал: «Если бы я знал, что тут находится мать Высоцкого, то смог бы я читать свой опус или нет?»

— Мне понравилось, — просто сказала Нина Максимовна, — заходите с Виталиком в гости...

Потом я не один раз был у ней в гостях на Малой Грузинской, с Виталием и без, а портрет Высоцкого занял достойное место в холле квартиры.

Такой подарок сделал художник Лукьянец.

На журнальном столике лежал толстый альбом Сальвадора Дали.

— Володя из Парижа привез, — рассказывала Нина Максимовна.

В кабинете мне понравились простые деревянные полки для книг.

— Володя сам сделал, — гордилась она.

Однажды мы говорили с ней в холле у окна с видом на пошарпанный католический костел, в котором размещалась какая-то ремонтная контора, и Нина Максимовна грустно произнесла:

— Весной того самого года я стояла с Володей здесь же, и он мне прошептал: «Мама, я, наверное, скоро умру...»

В спальне окна были зашторены.

На кровати лежал одинокий букет высохших роз.

— С того дня сюда никто не заходил, — как-то приоткрыла мне дверь Нина Максимовна.

А сейчас мне вспомнилась другая история.

Средь бела дня затрезвонил телефон. Я тогда жил на Пресне, рядом с «Ваганькой».

Звонила Нина Максимовна:

— Саша, здравствуй, не помешала?

— Да что вы, — слегка растерялся, — весь во внимании...

— Ко мне тут иностранцы нагрянули, фильм о Володе снимают, — заторопилась она, — мне очень нравится твоё стихотворение о нём, можешь этим телевизионщикам прочесть...

Я взглянул на часы, прикинул расстояние и бодро молвил:

— Буду минут через двадцать...

Влез в джинсы, надел рубашку и чуть ли не бегом устремился на Малую Грузинскую.

Наружу рвались строчки «Гамлета с Таганки».

Гамлет —
на краю черты.
Крайность —
в век середины.
Коней твоих
сочтены
версты
Над пропастью
фарисейской
трясины
Парус,
Порвали
парус.
Не прозвучал
аккорд
прощальный
Корабль
отправился
в последний
путь.
Курс —
на приют
Ваганьковский.
В смиренье
вечно
отдохнуть.
А песен
души
босые
Бредут
за тобой
немые.
Гитара
стоит
у театра,
Нищенкой,
отказавшейся
от подаянья...
Занавес.
Подайте
Занавес.

С ходу и записали. Дублей не понадобилось.

Скоро у меня вышла новая книжка «Край света, до востребования» — проза с лирическими отступлениями в оформлении, конечно, Эдуарда Дробицкого, тогда не народного художника России, не академика Российской академии художеств, но обладателя различных зарубежных наград.

Шел 1985 год. Была объявлена перестройка.

Я с радостью вручил книгу Нине Максимовне. В ней был напечатан «Гамлет с Таганки».

Я посетовал, что посвящение Владимиру Высоцкому убрали, что я пытался его отстоять, но доходчиво объяснили: иначе твоё, почему-то «желтая», книжечка вообще не увидит свет...

Замечу — она была оранжевого цвета!

— Саш, да не переживай ты, — успокоила меня Нина Максимовна. — И так понятно — кому и про кого...

И подарила мне скромное издание, вроде брошюры, наверное, одно из первых о Высоцком. На титульном листе драгоценные строчки: «Саше в память о моем сыне Володе...», а на задней обложке исходные данные: «Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства», тир. 300 000, цена 1 руб. 30 коп... Умножьте.

1983 год. Спыхватились.

А недавно в «Доме книги» на Новом Арбате у меня была презентация романа «Райский сон на курорте Гуантанамо». По случаю задержался у книжного ряда «Владимир Высоцкий» — глаза разбегаются, цены — до тысячи рублей и больше. Я выбрал небольшой сборник «Избранное», на обложке, понятно, растиражированное изображение поэта с гитарой. Даже сохранил чек: В. Высоцкий, 290руб.

Вот так. Как все просто.

Дом хрустальный на горе для нее...
А на нейтральной полосе цветы...

У меня дома висит портрет актера, певца и поэта работы Лукьянца. В нижнем правом углу мама Высоцкого написала: «Желаю добра, так говорил наш Володя...»

Именно — НАШ!

Вселенский...

Вспомнилась сцена из спектакля «Послушайте», где Высоцкий играл Маяковского, как утверждалось в учебниках, великого пролетарского поэта...

На мольберте выделялся чистый холст.

Белый холст...

— Я сразу смазал карту будня, — практически рычал Высоцкий, — плеснувши краску из стакана, — и плескал на холст стакан красок, — я показал на блюде студня косые скулы океана...

И каждый раз рождалась новая палитра.

Готовая картина.
Руки Владимира Высоцкого.

...А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?

Помните?

Знаете, о чем я жалею сейчас? Один из таких холстов мог спокойно быть у меня, и с подписью Высоцкого, но, к сожалению, тогда эта мысль не приходила в голову. И другим, скорее всего, тоже.

А шлейф за кометой Высоцкий продолжал тянуться...

Где-то десять с лишним лет назад в театре «Эрмитаж» телевидение снимало ежегодную передачу «Моя колея» о Владимире Высоцком. Популярные артисты исполняли его песни. Скоро я заскучал...

— Что, не тащит? — раздался голос по соседству.

— Слабо, — машинально ответил я и повернулся.

Рядом сидел крепкий мужчина в свитере. Лицо его было знакомо.

— Туманов, — протянул руку мужчина, — Вадим Иванович...

— Тот самый, золотоискатель, — вырвалось у меня, — друг Высоцкого...

— Ну да, — улыбнулся он.

Мы разговорились.

Я поинтересовался его мнением о памятнике на «Ваганьке»...

— Марина просила меня найти подходящий метеорит, — задумчиво произнес Туманов, — и я такой нашел, но вышло иначе...

В это время на сцене запел Николай Губенко.

Мощно запел.

Что за дом стоит на семи ветрах...

Повеяло духом Таганки!

Позже я увидел тот самый метеорит. В человеческий рост. Похожий на очертания какого-то инопланетного сфинкса.

Хорошо, если бы он приземлился на «Ваганьке», а памятник мог украсить любое другое достойное место.

А прошедшей осенью меня пригласили в Театр на Таганке на фестиваль «Высоцкий — Fest».

В перерыве как-то само собой познакомился с сыном Высоцкого — Никитой.

Поделились впечатлениями о фестивале — дело хорошее.

— Надо помогать молодым талантам! — бодро сказал Никита.

— Да уж, — почему-то вяло ответил я, возможно, потому, что вдруг осознал: нахожусь в знакомом до боли фойе театра...

Вон и портреты — Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Брехта.

Давно здесь не был.

Рассказал Никите, что мой спектакль «Чертановская чертовщина» в постановке Сергея Арцибашева был показан на новой сцене, что по ходу звучали песни Высоцкого и что сейчас пишу воспоминания «Лики судьбы, или Дребезги жизни», где одна из новелл будет посвящена...

— Отцу? — опередил меня Никита.

— Ну да, — я даже не удивился — интуиция, — и поведал историю с сыном Есенина, с Хлопушей-Высоцким, с Любимовым...

— Много времени улетело, — вздохнул Никита.

И мне вдруг вспомнилось одно практически происшествие.

Озвучить или нет? Но любопытство перетянуло...

— Никита Владимирович, — даже неожиданно для себя я перешел на высокие отношения, — а у меня про вас тоже есть история...

— Про меня? — Глаза у Никиты расширились.

— Видите вон ту дверь? — Я указал на вход в театр.

— Ну? — Он пожал плечами.

— Однажды вечером, много лет назад, — я как бы окунулся в прошлое, — смотрю, в театр не пускают высокого паренька, кстати, похожего на Высоцкого...

— Так они меня и не пустили, эти... — Никита возмущенно взмахнул руками.

«Помнит», — отметил я, а билетерши тогда, когда я к ним подошел, объяснили просто: представился Никитой Высоцким, но мы откуда знаем, сын он или не сын, и отправили на служебный вход...

Вот как было.

А сын теперь, известный человек, актер, проводит здесь фестиваль «Высоцкий — Fest»! Ну, Fest — это в ногу со временем, а для меня замкнулась цепочка, ниточка небесная, если хотите, — Мама, Сын, Внук...

Вселенский путь продолжается.

А рядом с памятником на Страстном бульваре на Татьянин день ко мне спустились следующие строфы:

Земля —

Любовь.

Деревья —

Люди.

Высоцкий —

как крест

с распростертыми руками...

25 января года 2019 от Р. Х.

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Серафин Эстебанес КАЛЬДЕРОН

Серафин Эстебанес Кальдерон (1799—1867) — испанский писатель. Был профессором поэзии и риторики, адвокатом, губернатором в Логроньо и Севилье. Автор стихотворений «Поэмы одиночества» (1833—1840) и очерков о нравах в Андалусии «Андалусские сцены» (1847), пользовавшихся большим успехом. Данный рассказ был напечатан в сборнике «Первая любовь и другие захватывающие истории из жизни испанцев».

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение». Окончил магистратуру факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.

АНДАЛУССКАЯ ДУЭЛЬ

Двое мужчин неспешно шли по площади Святой Анны к таверне, где подавали лучшее в Севилье вино.

Тот, кто шествовал посередине улицы и возвышался над своим спутником, нахлобучил с показной небрежностью эсихскую¹ широкополую шляпу, украшенную кисточками со стеклянными бусами и лентой — черной, как его грехи. Левой рукой он придерживал бирюзовый плащ, демонстрируя подкладку из мериносовой шерсти с серебряными нитями. Белые, с турецкими пуговицами, сапоги; бричес², алеющие из-под плаща; темные вьющиеся волосы и сверкающие, словно раскаленные угли, глаза и, что важнее всего, решительный вид мужчины в расцвете сил, способного свалить с ног коня и вымотать на корриде быка.

Он на ходу спорил со спутником, который выглядел неприметно, однако двигался на удивление изящно. На

нем были низкие сапоги, чулки, светло-голубые бричес; камзол цвета тростника; светло-зеленый пояс; аксельбанты; украшенный лентами и рядами пуговиц камзол кармелитового цвета. Широкий плащ, надвинутая на уши шляпа, семенящая походка, необычайная ловкость во всем теле — на арене, с алым плащом в руках, он мог бы издеваться над самыми яростными быками Харамы или Утреры³.

Я, всегда восхищающийся такого рода людьми и готовый за них жизнь отдать (они, впрочем, не отвечали взаимностью), неторопливо шел за ними и, не в силах сдержать любопытство, завернул в ту же таверну. Точнее, закусную, поскольку подают там и вино и закуски, а я, как наверняка знают мои читатели, предпочитаю называть вещи своими именами. Там я уселся за столик и стал наблюдать, как эти двое, будто позабыв, что они в таверне не одни, дружески обнялись и начали словоизлияния.

¹ Эсиха — город в Испании (здесь и далее — прим. переводчика).

² Штаны в виде двух шаров, набитые паклей.

³ Харамы, Утреры — муниципалитеты в Испании.

— Палпете, — обратился высокий к спутнику, — раз уж мы готовы к ножевому бою, сначала осушим по кружке за искусство и споем.

— Сеньор Балбея, — ответил Палпете, отворачиваясь и сплевывая с потрясающей точностью на пол у самого сапога, — я не из тех, кого могут смутить или раздосадовать какие-то неприятности — будь то стальное жало в моем теле, перерезанное горло или любой другой пустяк, — когда я с таким другом, как вы. Выпьем и споем, а после будет кровь — кровь до конца.

Принесли их заказ. Они чокнулись и, глядя друг на друга, исполнили сеvilскую песню. После чего изящно сбросили плащи и обнажили ножи — фламандский с белой рукоятью и гуадикский¹. Засверкали клинки — столь отточенные, что могли бы резать капли дождя, не говоря о человеческой плоти. Противники намотали плащи на левую руку и несколько раз рубанули воздух смертоносным оружием. Затем начали сближаться, разошлись в стороны и вновь сошлись — уже более решительно, когда Палпете воздел руку с плащом, словно белый флаг, и заговорил:

— Мой друг, молю лишь об одном: сделайте одолжение и не бейте клинком в лицо, ибо меня может не узнать родная мать. Я не хотел бы стать уродом — не гоже портить и уничтожать то, что сотворил Всевышний по своему подобию.

— Согласен, — ответил его противник. — Я буду метить ниже.

— Вот только... только не в живот: я не хотел бы выставить себя в неприглядном виде, если ваш нож пройдет по моим кишкам.

— Я ударю повыше... Впрочем, продолжим.

— Будьте осторожны с моей грудью, она хрупкая...

— В таком случае, друг мой, в какое же место я могу бить?

— Дорогой Балбея, на человеческом теле всегда найдется, куда. На моей левой руке есть жировая шишка, которую вы можете резать сколько душе угодно.

— Начнем, — ответил соперник и устремился вперед, как выпущенная из лука стрела.

Палпете прикрылся плащом, после чего оба принялись вырезать ножами в воздухе, словно опытные каллиграфы, «S» и прочие буквы, при этом и близко не касаясь друг друга.

Неизвестно, чем бы все закончилось. Мой почтенный возраст и состояние здоровья не позволяли вмешаться в дуэль. Что касается владельца таверны, его столь мало волновало происходящее, что единственное, что он сделал, — заиграл на гитаре, дабы заглушить то-

пот ног противников и дребезжание посуды на столах. Он был спокоен, как если бы услаждал музыкой поющих ангелов, а не дерущихся дьяволов.

Я, повторю, понятия не имел, как бы завершилась эта сцена, когда порог переступило божественное провидение во плоти. В таверну вошла молодая женщина лет двадцати — двадцати пяти, миниатюрная, держащаяся с грациозной смелостью. На ней была черная юбка с оборками, туго затянутый корсет, ниспадающая на плечо и завязанная сзади на шее мантилья² из тафты³ с бахромой. Она прошла мимо меня, покачивая бедрами, уперев руки в бока и оглядываясь по сторонам.

При виде ее хозяин таверны выронил музыкальный инструмент, а я ощутил такое волнение, какого не испытывал уже лет тридцать, но она, не удостоивая вниманием актеров третьего плана, прошествовала прямо на поле боя.

Там царила оживленная суета: дон Палпете и дон Балбея, завидев донью Горью — причину их поединка и будущий приз победителю, — принялись с десятикратным усердием выделывать ножами финты, росчерки, курбеты, выпады, наскоки, при этом не повредив ни волоска на теле друг друга. Наша Елена Прекрасная молча смотрела на них: подобные дуэли на протяжении истории человечества не раз радовали глаз дочерей Евы. Однако постепенно ее симпатичные бровки начали хмуриться. Из-за ушка она вытащила не цветок, а сигарный окурочок и бросила между дуэлянтами. Даже появление Карла V на последнем в Испании публичном поединке не произвело такого эффекта. Доны немедленно приблизились к ней, выказывая все должные знаки почтения; каждый старался показать себя с лучшей стороны. Она, как будто глубоко задумавшись, смотрела на пикировку и внезапно произнесла:

— И это все из-за меня?

— Из-за кого же еще? Поскольку я... Поскольку никто иной... — ответили оба одновременно.

— Послушайте, доны. Такие женщины, как я — дочь Ла Гатузы, племянница Ла Мендеза и внучка Ла Астро-зы, — прекрасно знают, что все эти соперничества, ссоры и прочие пустяки не стоят и реала. И когда мужчины бросают друг другу вызов, берутся за ножи и проливают кровь, дочь моей матери не может смотреть на них без насмешки. Если вы полагаете, что бьетесь за меня, знайте: вы глубоко заблуждаетесь. Я не люблю никого из вас. Мне по душе Мингаларьез из Сафр, и мы с ним

² Шелковый шарф, которым женщины прикрывают волосы и плечи.

³ Плотная тонкая ткань из туго скрученных нитей шелка или хлопка.

¹ Гуадикс — город в Испании.

осуждаем вас и презираем. Прощайте, мои храбрецы! Если хотите, можете бросить вызов моему мужчине.

Закончив, она сплюнула, вытерла плевком носом туфли, посмотрела Палпете и Балбее в глаза и вышла так же энергично, как и вошла.

Дуэлянты проводили донью Горью взглядами, потерли лезвия ножей, как будто вытирая воображаемую кровь, одновременно вложили их в ножны и дружно сказали:

— Мир был разрушен по вине женщины. Испания была разрушена по вине женщины. Но никто никогда не слышал ни в балладах, ни в песнях, чтобы двое доблестных мужчин убили друг друга из-за женщины, влюбленной в третьего.

— Обменяемся же рукопожатиями, дон Палпете.

— Вашу руку, дон Балбея.

И они вышли на улицу — снова лучшие на свете друзья, оставив меня удивляться такому повороту событий.

Перевод Евгения Никитина

София АГАЧЕР

Продолжение. Начало в № 6–12 за 2018 год

Рисунок Настасьи Поповой

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

КАРТИНКА 10. МОСТЫ. МАРШРУТ: НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ И АМСТЕРДАМА — ВСТРЕЧА С АНАСТАСИЕЙ ВАЛЕРЬЕВНОЙ — РОЖДЕННЫЕ В ЛЕНИНГРАДЕ — БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Весна распахнула шаловливые синие глаза, распустила косы робкой липкой листвы и соблазнила все-таки несговорчивое питерское солнце. Вокруг все заискрилось, золото куполов и краски фасадов начали как будто плавиться и стекать в прохладу рек и каналов, устраивая там акварельное буйство. Репетиция военного парада сегодня должна была состояться во второй половине дня, поэтому мне удалось перебежать Невский и устремиться по набережной реки Мойки в сторону Летнего сада для встречи с одной пожилой дамой — подругой моей ленинградской тетушки.

Я брела по набережной, в который раз поражаясь царственности и пышности дворцов. К моему

удивлению, фасады зданий сияли первозданной чистотой и яркими красками, и это несмотря на то, что промозглый питерский климат ни на мгновение не прекращал свою разрушительную работу над ними. По Мойке скользили теплоходы с туристами, и никаких частных, припаркованных к гранитным берегам жилых барж или яхт, способных испортить величественный пейзаж, не наблюдалось. Какие могут быть народные гуляния под окнами дворцов! То ли дело на каналах Амстердама или на набережной Ньюавн в Копенгагене, где на припаркованных к берегам каналов баржах обычно сидят веселые и беззаботные голландцы или датчане: пьют пиво, танцуют, целуются, курят, причем не всегда табак. Домики же, стоящие вдоль этих набережных, русскому человеку покажутся скорее похожими на разноцветные тульские пряники. В нижних этажах этих игрушечных строений, как правило, располагаются уютные кафешки со столиками, разбросанными прямо на набережных, и посетителей, смотрящими на воду каналов и проплывающие мимо

лодки. Люди приветствуют друг друга шутками и взмахами рук. В общем, никакого порядка и благолепия! А засыпать бы этих весельчаков с их баржами, домиками и ресторанчиками снегом, заморозить бы их ледяным ветром с Ладоги эдак на полгода, может быть, тогда бы «просвещенная Европа» и стала бы лучше понимать уникальность суровой красоты северной столицы.

Пока я любовалась на архитектурные изыски и думала о несовместимости дворцов и многоэтажек, во мне сплетались восторг сопричастности к великой истории и горечь сожаления от того, что Санкт-Петербург по-прежнему остался местом противостояния элиты и народа. Нынешний исторический центр города, по замыслу его создателей — чужеродной, ненавидящей свою страну аристократии, — не должен был иметь ничего общего с русскими городами, но он не стал похож и на европейские королевские столицы.

Впереди меня, взявшись за руки, медленно шла влюбленная пара. Парень и девушка лет восемнадцати наслаждались солнечным

днем и молчаливым обществом друг друга, и лишь переплетенные пальцы их рук вели неспешный разговор. Во время прогулки она скользила кончиками пальцев свободной руки по чугунной решетке, а юноша периодически останавливал ее, поворачивал возлюбленную к себе и носовым платком начинал с нежностью вытирать ее грязную ладошку. Она же смеялась, вставала на цыпочки и целовала его в щеку.

Да, в этом городе во все времена жила любовь, и за ней сюда ехали со всех концов света. Говорят, что если ты не открыл свое дело в Нью-Йорке, ты не откроешь его нигде; если ты не нашел себе работу в Лондоне, ты не найдешь ее нигде, и если ты не влюбился в Санкт-Петербурге, то не сможешь влюбиться уже нигде.

Подруга моей покойной ленинградской тетушки Анастасия Валерьевна была коренной ленинградкой. Родилась она перед самой войной в семье врачей и прожила всю свою жизнь в коммунальной квартире на улице Чайковского. «Маленькая я тогда была совсем, — рассказывала обычно она, когда ее спрашивали о блокаде Ленинграда. — Моя мама работала врачом-хирургом в военном госпитале, вот там-то я и жила в блокаду. Яркое помню только один эпизод: как мама везет меня со старшим братом на саночках вдоль трамвайных путей, а навстречу нам едет трамвай, темный такой, без освещения. Вот мой брат Дима и спрашивает: “Мама, а почему в трамвае нет света?” А моя мама отвечает: “Некому там больше светить! Мертвых людей этот трамвай перевозит, сынок!”»

Мы договорились встретиться с Анастасией Валерьевной у главных ворот Летнего сада. Еще издали я увидела ее, небольшого роста даму в шляпке, пла-

ще, с ярким платком на шее и неизменным зонтиком в руках. Мы обнялись после долгой разлуки.

— Прости меня, родная, — сказала Анастасия Валерьевна. — Совсем я запамятовала, что Летний сад закрыт на просушку до 1 мая. Зато пока еще нет толп туристов, приплывающих на этих огромных теплоходах к нам в порт, мы можем съездить в Петергоф и свободно погулять по изумительному парку, посмотреть на красивейшие в мире, недавно отреставрированные золотые фонтаны Большого каскада и Нижнего парка, Монплеизир и Марли. Фонтаны открылись только неделю тому назад, и они еще восхитительно по-весеннему свежи, — щебетала тетя Настя, извиняясь как-то застенчиво и искренне, как умеют это делать только старые ленинградцы.

— Анастасия Валерьевна, спасибо огромное, прекрасное предложение, но если честно, то мне как-то после всего этого великолепия дворцов, золотых куполов, веселой и праздной публики, дорогих ресторанов больше хочется с вами съездить на Пискаревское кладбище, чем в Петергоф.

— Ну, на кладбище я еще успею, не спеши, родная, меня туда спроводить, — рассмеялась Анастасия Валерьевна и замахала на меня рукой. — Шучу я, знаю, ты совсем другое хотела сказать, и настроение твоё я тоже хорошо понимаю. Так называемый мир Невского проспекта всегда был богатым и веселым, он притягивает сильных, успешных и молодых уже триста лет, питаюсь их энергией, поэтому старым, больным и бедным там просто не место. Всех моих подружек уже давно переселили из квартир в центре, где они родились, в многоэтажки Купчино или Веселого поселка. Хорошо, что

Интернет есть сейчас, мы можем увидеть друг друга, пообщаться, а благодаря установленным камерам, например, у Пассажа, как говорят мои внуки, виртуально даже прошвырнуться по центру города. А вот собираемся мы как раз ежегодно на Пискаревском кладбище. В День Победы туда приходят многие, рожденные в Ленинграде: и те, кто благоденствует и живет в центре, и те, кто существует на окраине. Там не имеет значения, кто ты и сколько у тебя денег.

Сразу видно, давно ты не была в Санкт-Петербурге. Забыла, что такие ласковые, солнечные дни, как сегодня, здесь большая редкость. В такую погоду хочется гулять, дышать и мурлыкать на солнышке. Устала я от мокрого снега, луж над коркой льда и промозглого балтийского ветра. Ладно, если бережешь мои силы и отказываешься ехать в Петергоф, давай тогда просто спустимся по Дворцовой набережной, полюбуемся на Заячий остров, Неву, мосты, наболтаемся вдоволь, а потом сядем на метро и поедим к твоему брату Владиславу на день рождения. Я хорошо помню, как 50 лет тому назад он родился и при регистрации в загсе его маме вручили медаль, на которой было написано: «Рожденному в Ленинграде». У меня тоже есть медаль, только на ней другие слова: «Жителю блокадного Ленинграда». Так что мы с ним оба ленинградцы — из серединки, поскольку мои предки и потомки — уже петербуржцы.

Мы прогуливались по каменному берегу Невы, тетя Анастасия опиралась на мою руку.

— Соскучилась я по общению, дорогая моя Пропажа, сыну и внукам все некогда, а друзья и соседи мне как врачу рассказывают исключительно о своих болез-

нях. Знаешь, поэтому я даже раньше как-то старалась скрыть от случайного собеседника свою профессию, говорила, что работаю в библиотеке. Люблю пройтись здесь в хорошую погоду и полюбоваться на несовместимое, — произнесла моя спутница, остановилась и подалась как-то вся вперед за своим взглядом.

— Тетя Настя, как это — «полюбоваться на несовместимое»? — несколько удивилась я.

— Да, в Питере все несовместимо! Этот каменный город был построен подобно мосту, на зыбкой воде, между западным и восточным мирами, в практически непригодном для жизни человека климате. Уже почти триста лет люди летят сюда, на это золотое пламя куполов, и сгорают в нем. Посмотри, вокруг сплошной гранит, камень и металл, а какими легкими кажутся мосты и набережные! Видишь Заячий остров с его грозной крепостью, что была построена для защиты, а стала усыпальницей последних русских царей!

А потом, мы, ленинградцы, сами подобны мостам. Ведь княжна и рабочий Путиловского завода — это два берега могут царской империи, которые никогда не могли бы соединиться, если бы революция не соединила их, вот в итоге и появились мы, потомки-мосты меж теми несовместимыми и враждующими берегами.

Мой дед был рабочим Путиловского завода, бабушка принадлежала к сиятельному дворянскому роду, а мои родители встретились и поженились уже в Ленинграде. Мост соединяет то, что не может соприкасаться по своей природе, поскольку если соединятся берега, то исчезает река. Мост — это символ и суть не только моего родного города,

но и нас, ленинградцев.

Да-да, я намеренно говорю только о родившихся в Ленинграде — о тех, кто физически соприкасался с теми, кто пережил революционную трагедию и террор; военный подвиг, блокадный голод и Пискаревское кладбище — для кого все это не мемориал и история, а личная и семейная память.

Для родившихся уже в Санкт-Петербурге этот город — тоже город сотен мостов, но для них мосты — это, скорее, символы влюбленных, где они целуются, гуляют и закрывают любовь на замки со своими именами, выбрасывая ключи в Мойку, Фонтанку, канал Грибоедова.

— Да, — сказала я, положив руки на гранитный парапет набережной, щурясь от весеннего солнца и сожалея, что оставила в гостиничном номере свои темные очки, — меняются времена и их символы, а мосты по-прежнему для всех остаются аллегорией взаимопонимания и откровения. Помните, Анастасия Валерьевна, как мы десять лет тому назад гуляли в Нью-Йорке по Бруклинском мосту, и вы еще, стоя на нем, читали Маяковского.

— Америка, / Как в церковь идет помешавшийся верующий, / Как в скит удаляется строг и прост, / Так я в вечерней сереющей мерещи / Вхожу, смиренный на Бруклинский мост, — продекламировала тетя Настя рубленые строки любимого поэта. — Жаль, что столь мною любимый Маяковский не написал великих строк о ленинградских мостах. Я не могу забыть то необычайное ощущение легкости, возможности полета, которое охватило меня, когда мы гуляли по Бруклинском мосту, и я тогда, помнишь, вцепилась в тебя двумя руками, чтобы удержаться. Мне

показалось, что за моей спиной вот-вот вырастут крылья, но я-то как врач точно знала, что вверх может улететь только душа, а тело обязательно упадет вниз. Я еще тогда тебе со страху сказала, что этот мост, наверное, строил человек, который по каким-то причинам не мог двигаться, и его мечта взлететь была настолько сильной, что он ее материализовал и построил эдакую взлетную площадку-мост для самого себя.

— Верно, у вас прекрасная память. Я тогда была удивлена вашей догадкой, поскольку Бруклинский мост был создан фактически по проекту инженера Реблинга, который при подводном сооружении опор моста был поражен кессонной болезнью и руководил основным этапом строительства, будучи уже абсолютно неподвижным. При этом он создал мост, опирающийся не только на готические колонны, но и на воздушные потоки. Несколько лет тому назад я прочла статью об очень интересном исследовании: оказывается, когда с помощью современного компьютера удалось обчислить аэродинамическую модель Бруклинского моста, выяснилось, что за счет уникальности его конструкции запас его несущей прочности увеличивался в шесть раз, — вывернула я наш разговор на свою любимую тему интуитивного познания.

— Наши же мосты через Неву стоят не благодаря ветру, а вопреки ему, и гулять по ним несколько опасно, поскольку может унести шквальным балтийским напором, тем более такую старуху, как я. То ли дело прохаживаться по набережной ночью и любоваться разводом подсвеченных мостов, это уникальное зрелище, — пошутила тетя Настя и взяла меня под

руку, предлагая продолжить наш путь в сторону метро.

**КАРТИНКА 11.
СУТКИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.
МАРШРУТ: СИРЕНЬ
НА МАРСОВОМ ПОЛЕ —
ЛЕСА СПАСА
НА КРОВИ —
МЕТРО — ДРУГОЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
КУЗЕНА —
СЕМЕЙНАЯ
КИНОХРОНИКА —
ДЕНЬ ПОБЕДЫ —
ПАСХАЛЬНАЯ
СЛУЖБА В КАЗАНСКОМ
СОБОРЕ — РАЗВОД
МОСТОВ —
ПЕРВОМАЙСКАЯ
ДЕМОНСТРАЦИЯ**

Мы прогуливались вдоль Марсова поля, опьянев от весенних запахов расцветающей природы. На одном из почти еще голых кустов чудесным образом распустились нежно-фиолетовые крестообразные лепестки. Анастасия Валерьевна втянула ноздрями воздух, бережно взяла его ветку в руку и стала вдыхать ее запах, закрыв глаза и блаженствуя.

— Это невозможно, мне никто не поверит, но это есть! На Марсовом поле до Пасхи расцвела сирень! Чудо какое-то! — говорила тетя Настя шепотом, как будто боясь спугнуть нежные лепестки. — В честь твоего приезда, Пропажа, она расцвела, — рассмеялась пожилая дама, выпустив ветку и повернувшись ко мне. — Ты появляешься в Питере раз в тридцать лет, и сирень

бунтует, распускаясь так рано, тоже нечасто.

Перед нами высилась громада самого русского храма города — Спаса на Крови. Его разноцветные купола-кокошники, так похожие на купола его старшего московского брата Василия Блаженного, отражались в зеркале воды канала Грибоедова. Возможно, церковные кресты стремились соприкоснуться с прохладой вод канала, когда-то их сохранившего от расправы советской власти.

— Смотри, красотища какая! Ты, наверное, и не видела Спаса на Крови без лесов! Мы, ленинградцы, так привыкли к тому, что почерневшие от дождей леса вокруг храма — данность нашего города, что даже шутили, что стоять они будут до конца советской власти. И ты знаешь, дорогая, шутка удалась. Леса как раз убрали в августе девяносто первого года, — рассмеялась тетя Настя.

Так, болтая и шутя, мы добрались по набережной канала Грибоедова до станции метро. Ехать на такси к моему брату Анастасия Валерьевна наотрез отказалась, и я, вдохнув побольше воздуха, шагнула за ней в подземку.

Заплеванное и вонючее метро в Нью-Йорке и Чикаго, демократическое и современное в Лондоне, белоплиточное и безликое в Париже — это всего лишь вид не совсем безопасного, но достаточно удобного транспорта. Метро же в Москве и Ленинграде — это символ величия и мощи Страны Советов. Построено оно было как дворцы для народа с мозаиками, бронзовыми светильниками, скульптура-

ми и мраморными полами, и так же, как дворцы Российской империи, вызывает восхищение.

Мы спустились вниз на платформу по бесконечному эскалатору в окружении японских туристов, восторженно цокавших языками и постоянно щелкавших фотоаппаратами и камерами мобильных телефонов. Потом, проехав несколько остановок, поднялись наверх, вышли на площади у Финляндского вокзала и сели на городской автобус.

В салоне автобуса было много народа, пахло потом, табаком, спиртным перегаром и почему-то селедкой. Люди, окружавшие нас, заметно отличались от той публики, среди которой мы недавно прогуливались по набережным и Невскому проспекту. И дело не в том, что они выглядели по-другому: у них были совсем иные лица, иные глаза — пустые и хмурые, как обычное питерское небо. Крепкий мужчина лет шестидесяти, одетый в потертую кожаную куртку и кепку, уступил Анастасии Валерьевне место.

— Что ж это вы, сударыня, в самый час пик в автобусе едете?! В гости к детям или в поликлинику надо двигаться до полудня, а то затопчут ведь. Присаживайтесь, — произнес он приятным низким голосом.

— Спасибо, мне здесь пару остановок, я постою, — стала отказываться тетя Настя. — Вы ведь с работы возвращаетесь, устали. Смена как раз закончилась на заводе.

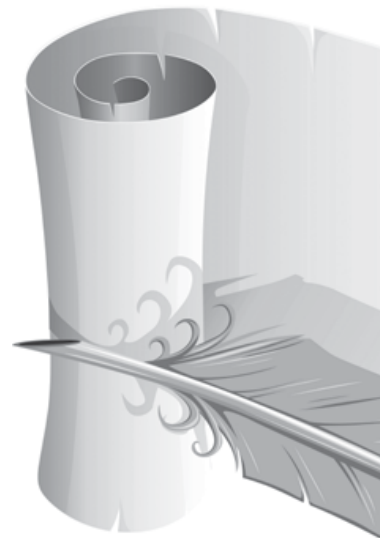
Продолжение следует.

США

Элен КОРО

Еще со времен студенчества Элен Коро чувствовала потребность написать увлекательный роман. Несмотря на это, долгое время на первом месте у нее были семья и бизнес-карьера. Прошло время. Доказав окружающим, что все может, она решила круто изменить свою жизнь, позволив себе заниматься любимым делом, связанным с миром моды. Так Элен стала имиджмейкером — человеком, помогающим людям стать более привлекательными внешне. Самовыражаясь в разных образах, она наконец-то почувствовала себя собой, настоящей.

В меньшей степени ее всегда интересовал и внутренний мир человека. Именно поэтому Элен влекла еще и разножанровая литература, в том числе и поэзия. Через 15 лет истинное предназначение окончательно победило. В результате будущая писательница перестала спорить с Судьбой. Отбросив все сомнения, она рискнула заморозить даже любимое дело, с головой уйдя в написание романа «“Оскар” для Него!». Создавая его в течение трех лет, с 2015 по 2018 год, будущая писательница развивалась вместе с ним, много читая и путешествуя по Англии, Франции, Италии, Америке, Южной Корее и др. Сейчас об Элен Коро можно смело сказать, что она первый писатель среди имиджмейкеров — первый имиджмейкер среди писателей!

Я Вам звоню

Я Вам звоню,
Еще кому бы мне звонить?
Хотела... в гости пригласить!

Мы б посидели, помечтали
Кто знает, и потанцевали б.
Но телефон Ваш отключен,
Вот так всегда, как соберешься...

Взглянуть в глаза Вам и обнять
Поднять бокал, блеснуть очами,
А после в прятки поиграть.
Многозначительно мигая.

И, без сомненья, Вы б нашли меня.
Вот это Вам находка так находка!
Да жаль, что телефон Ваш промолчал.
Так и оставив... ненайденной находку.

Всё или ничего!

Кому-то кавалеров не хватает,
И так и сяк понравиться хотят,
На мне ж судьба эксперименты ставит:
Чем старше я, тем кавалеры прибывают,
Но нет Любви хорошей у меня!

«Спасибо!» — говорю Судьбе за это.
Ведь не могу я тихо так любить,
Уж если есть любовь, так до упомощенья!
Какие тут дела? Где тут сосредоточенье?
«ВСЁ или НИЧЕГО!» — вот мой девиз!
И верю — будет ВСЁ!

Я разрешила себе жить без мужчин

Я разрешила себе жить без мужчин,
потому как... люблю себя очень!

Ну подумай сама:
быть с кем попало — не есть хорошо,
А с собой мне... очень даже и очень!

Ну так вот. Если что, и ты себя полюби.
Ведь другой такой нет в целом свете.
Полюби такую, какая ты есть,
Ну а дальше не думай — Небо рассудит!

И как только позволишь ТАКОЕ себе,
Поверь мне, вот уж тут понесет их к тебе.
А ты им со своей высоты говори —
Не до вас мне сейчас, мужчины!

Иногда в меня вселяется чертенок

Иногда в меня вселяется чертенок.
И тогда я — не я, что ж могу поделать с этим я?

Вот опять он так и скачет внутри меня.
И творим мы с ним что хотим, без оглядки.
Мы и рожицы строим, танцуем, кричим,
Так что с ним у нас все в полном порядке.

По секрету я вам хочу сказать:
В такой момент со мной не совладать.
Ведь не одна я, не одна!
Черта с два поймаете меня!

г. Москва

Марина МЕДВЕДЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

*Дорогие наши читатели, в этом номере вас об-
радуют разноплановые работы художника из Пе-*

*тербурга Марины Медведевой. Наверняка многие
из вас обратили внимание на то, что иллюстра-
ции Марины открывают неожиданные интонации
нашей прозы.*

SONO UN ILLUSTRATOR¹, или ОТКРЫТАЯ ПАЛИТРА

Я родилась 12 июня 1978 года в Санкт-Петербурге, культурной столице России, Северной Венеции. Этот город действительно особенный, красивый и строгий, со своим индивидуальным стилем; величие в нем чувствуется всегда.

Я решила написать о себе, потому что давно плодотворно работаю с моим любимым журналом «Юность».

Я родилась в семье инженеров: мать — Валентина Яковлевна, ветеран труда г. Петергофа, работала в Санкт-Петербургском государственном университете, в 70-е избиралась депутатом Фрунзенского района Санкт-Петербурга, имеет много благодарственных грамот; отец — Александр Михайлович, профессиональный инженер, работает на БТРЗ Санкт-Петербурга, спортсмен-разрядник, имеет грамоты и значки.

Сейчас я живу, работаю и занимаюсь творчеством в своем родном городе Санкт-Петербурге, в прекрасном и живописном районе — в Петергофе. В этой небольшой статье я хочу нарисовать для вас собственный профессиональный портрет современной художницы и иллюстратора.

Сколько себя помню, я всегда рисовала; дома были изрисованы не только все книжки и тетрадки, но и обои, кафельная плитка, а однажды я умудрилась изрисовать письменный стол. Книжки и тетрадки отправлялись в ма-

кулатуру, обои переклеивались, кафель и стол отмывали мама и бабушка, а я продолжала рисовать.

Петергоф, он же Петродворцовый район, расположен в 30 километрах от центра Санкт-Петербурга в прекрасной живописной рельефной местности. Северная граница района проходит по берегу Финского залива.

Главными достопримечательностями района и центрами притяжения туристов являются дворцово-парковые ансамбли Петергофа, Ораниенбаума и Константиновский дворец. В районе расположены крупные научные и образовательные центры.

Положение района вдоль побережья Финского залива, чистейший воздух, большой массив зеленых насаждений оказывают позитивное влияние на настроение, призывают трудиться на пленэре, воплощать все идеи в работе и в творчестве в целом.

Несколько раз мне говорили, что мои работы вызывают повышенный интерес, а участие в выставках придает им особую притягательность. Мои работы выполнены с душевной теплотой, и я стараюсь, чтобы зритель при первом знакомстве с ними наполнялся положительной энергией и это позволяло бы ему уловить мои мысли и мое отношение к миру.

Я начала рисовать в раннем детстве, училась в художественной школе № 7 Петергофа. Окончила с отличием Российский государственный педагогический

¹ Sono un illustratore — я иллюстратор.

Санкт-Петербургский университет имени А. И. Герцена (факультет изобразительного искусства и черчения, квалификация «учитель изобразительного искусства»).

С 2016 года являюсь членом Международной ассоциации профессиональных художников (МАПХ, Галерея 7Д) по направлению «живопись и графика» в подразделении «художник-профессионал», профессиональным членом жюри ЦДО имени Я. А. Коменского образовательного портала «Рыжий кот».

В 2018 году участвовала в деятельности жюри международного педагогического портала «Солнечный свет».

Я полюбила уроки рисования со школьной скамьи и не могла предположить, что увлечение живописью останется со мной на протяжении всего времени и станет частью моей жизни.

Большое влияние на мое творческое развитие оказали мои преподаватели. В художественной школе Петергофа сильное влияние оказал педагог с большим профессиональным стажем Владимир Викторович Мишуров, который окончил Палехское художественное училище имени М. Горького и Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, член Союза художников и член Акварельного общества Санкт-Петербурга. Он дал мне понять, что нужно быть борцом за искусство, и в этом и будет смысл творчества.

Владимир Викторович Мишуров

Оказывается, секрет прост: надо любить то, что ты делаешь. Мне кажется, я пытаюсь следовать этому, стараясь делать то, что мне нравится, рисовать то, что я вижу. С моей точки зрения, искусство должно делать и художника, и зрителя счастливее; только это качество может послужить отправной точкой в отделении настоящих произведений искусства от современных экзерсисов ради эпатажа.

Мне нравится смотреть на палитру после работы: такое разнообразие сочетаний, такой хаос красок, бу-

кеты оттенков. Их так не хватает в нашей повседневной жизни. Я люблю эту деятельность, все время чувствую в ней потребность.

Будучи еще студенткой университета имени Герцена, я всегда хотела реалистично воплотить в работах красоту и позитивное настроение. Это я и старалась выполнить с помощью разных техник, навыков и знаний, полученных от преподавателей.

Мне не раз говорили, что я не похожа на остальных, более начитанная, эрудированная, спокойная, а главное, очень добрый человек.

Сильное влияние на мое творческое развитие, уже в университете имени А. И. Герцена, оказала мой педагог Елена Валентиновна Латышева, которой уже нет с нами. Елена Валентиновна — член Союза художников и выдающийся акварелист, доцент кафедры живописи, награждена юбилейной медалью «70 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». Она внушала мне, что нужно быть преданной чистой природе и сохранять остроту восприятия цвета.

Елена Валентиновна Латышева

Чистоту природы и цвета я и использую в своих работах. Вспоминая технику работы Елены Валентиновны, я учитываю важность чистоты и прозрачности цвета, педантично отбираю прозрачную палитру.

У каждого художника есть своя цветовая палитра, что-то складывается спонтанно, что-то осознанно. А моя палитра — это прозрачность, светостойкость, универсальность и мягкость.

Мне постоянно хочется совершенствоваться. Для этого я повышаю квалификацию. Очень помогли курсы училища имени В. И. Мухомовой (ныне Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица). Будучи слушателем одного из курсов по рисунку, я почерпнула много нового от замечательного профессионала и необыкновенного человека и педагога по рисунку. Именно тогда я познакомилась с

ретушью, углем и мягким карандашом, а самое главное — свободой.

Вспоминаются слова еще одного моего педагога университета имени Герцена об одной из моих работ по графике: «Ты прямо композитор...» Так говорил замечательный и тонко чувствующий педагог по рисунку и скульптуре Юрий Николаевич Елиференко. Говоря это, он имел в виду правильную композицию в рисунке, верное расположение деталей на листе; таким образом вдохновлял и подбадривал меня.

Композиция — важнейший организующий элемент художественного произведения, представляющий собой совокупность приемов, закономерностей, служащих для создания художественного произведения посредством компоновки его деталей в одно целое и придающих произведению выразительность и гармоничность.

Меня всегда восхищал потрясающий профессионализм моих педагогов. Встретить мудрых преподавателей, талантливых, отзывчивых, которые обладают знаниями и могут заинтересовать студента научиться применять эти знания на практике, — это большая ценность в жизни. Мне повезло, я встретила таких людей. Мои преподаватели были творческие личности, всегда с пониманием и желанием занимающиеся педагогической деятельностью. Это заслуженные преподаватели образовательных учреждений.

Творчество — великая движущая сила, но она, как любая сила, требует бережного отношения. Творчество для меня — это счастье, естественная моя потребность, и вдохновение — это настрой моей души на творчество. Как говорят японцы при начертании иероглифов, «посмотрите, как прекрасен белый лист бумаги. И с каждым движением вашей кисти он должен стать еще прекраснее». Каждый художник должен вначале увидеть красоту вокруг, восхититься ею, а затем отразить ее в своем творчестве в той или иной форме.

Можно сказать, что искусство — это гармония внутреннего и внешнего мира, процесс и результат человеческого творчества, направленного на то, чтобы сделать себя и окружающий мир лучше, совершеннее, радостней и прекраснее.

Музыка, поэзия, архитектура, живопись наполняют душу каждого, кто к ним прикоснется, прекрасным. Душа — это волшебная тайна, и когда она зажигается светом, то становится удивительно прекрасной. А творчество — это великая молитва души. Это когда душа отдает свой свет людям.

Я много путешествую, и эти поездки дарят мне вдохновение. Во время путешествий не всегда удается подолгу работать на пленэре. В таких случаях я создаю небольшие этюды, и уже потом, вдохновляясь неболь-

шими зарисовками и впечатлением, создаю свои работы. Игра света и тени, легкий ветерок — они оживают лишь на кончике кисти или карандаша.

Мне важно, чтобы мой зритель вместе со мной прожил, прочувствовал те ощущения, которые меня волнуют, понял настроения и чувства, присущие мне в данный момент, проникся близкой мне атмосферой.

Мой творческий путь заставил меня поучаствовать во многом. Я расписывала матрешек и деревянные футляры в ДК имени А. А. Вермишева г. Петергофа, рисовала стенгазеты для математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Петергофа, преподавала в средней общеобразовательной школе «Золотое крыльцо» Петергофа, работала с несколькими журналами по садоводству, создавая для них иллюстрации (один из них — «Питомник и частный сад»).

Иллюстрация для журнала «Питомник и частный сад»

Работая для журналов, я научилась мыслить современно и креативно. С этого началось мое увлечение иллюстрацией. Путь в загадочный мир не своих мыслей и удивительных сюжетов, которые можно запечатлеть и пережить вместе с автором. Я как художник разговариваю с людьми посредством рисования, живописи. Люди читают мои мысли и чувства в моих работах, и беседа продолжается.

Есть художники, которые изобретают и думают с карандашом в руке. Я действую по-другому. Раньше, чем я возьмусь за карандаш, я должна выяснить все заранее, представить себе мысленно уже готовый рисунок во всех деталях, а уже потом выполнить его.

Я получила дополнительное образование, окончив школу дизайна «Пантеон» по курсу «Дизайн интерьерера» и школу дизайна «Бристоль» по курсу «Дизайн ландшафта». Это мне дало новый толчок для осуществ-

вления творческих планов и новый опыт. Окончила несколько курсов Национального открытого университета «ИНТУИТ» (курсы «Основы фотографии» и «Fashion иллюстрации»).

Я считаю, что художник не должен стоять на месте, он должен развиваться, следить за меняющимся современным миром и идти в ногу с ним. Я постоянно повышаю свою квалификацию, участвуя во всевозможных педагогических конференциях по живописи, по методике образования, принимаю участие во многих конкурсах и выставках и провожу мастер-классы.

Художественный дар — это одновременно и талант, и огромный труд. В искусстве сочетаются безусловное природное дарование и простые технические навыки, без которых настоящего художника никогда не будет. Именно сочетание дарования и неустанного ежедневного труда дает миру самых ярких и одаренных художников.

Я работаю в разных направлениях и техниках: живопись акварелью и маслом; рисунок карандашом, углем, пастелью; графика различными материалами; роспись по дереву; лепка; работаю в стиле арт-фэшн (фэшн-иллюстрация), а также ботанической и графической иллюстрации; занимаюсь геральдикой.

Какое-то время я работала с издательством «Контэнт» г. Москвы, иллюстрируя серию антистресс-раскрасок для взрослых на темы ар-нуво, Японии, импрессионизма, Китая; иллюстрировала для них книги по шитью и вязанию и др., иллюстрировала альбомы для издательства DeAgostini на тему геральдики и российских династий.

Было интересно работать с издательствами. Для меня это было чем-то новым. Но я люблю новое, люблю пробовать новые материалы для рисунков, картин и иллюстраций. Во всем можно найти вдохновение: в природе, в книгах, в разговоре с людьми, в общении с животными. Можно ходить в музеи, зоопарки, театры и везде черпать вдохновение. Всюду видеть красоту и делиться этим с другими.

Везде, где я бываю, в каком месте ни нахожусь, всюду рисую. Даже на бланках гостиниц, за границей, я делаю зарисовки.

«Художник — это вместилище эмоций, которые приходя отовсюду: с небес, от земли, от шуршания бумаги, от мимолетных образов, от паутины», — считал испанский художник П. Пикассо.

Санкт-Петербург

Иллюстрация к антистресс-раскраске для взрослых на тему «Импрессионизм»

«Ваш учитель — это природа», — говорил М. Караваджо, итальянский художник. Я также стараюсь вдохновляться от природы, от окружающего мира. Я рисую, для того чтобы быть счастливой.

Это увлекательное занятие: когда на белом листе бумаги оживает город или, к примеру, лес, испытываешь неподдельное удовольствие. Рисовать — это наслаждение, это самовыражение, это выплеск эмоций и успокоение нервов. Вот идешь, бывает, по улице, и свет такой красивый, и сирень зацвела, и домики так красиво в ряд встали, и думаешь: «Вот сесть бы сейчас тут и воспроизвести на листе всю эту красоту». И хорошо на душе сразу. Рисовать — это как мечтать, только на бумаге.

Я знаю, что использую свой талант в правильном направлении.

Многие мои работы выставлялись, участвовали во всероссийских творческих конкурсах, на международных конкурсах (Киров, Шадринск, Москва, Бийск, Белград (Сербия), Любляна (Словения), Рим (Италия) и др.).

Иллюстрация к альбому издательства DeAgostini на тему геральдики и российских династий

Нам часто не хватает целительного соцветия, всплеска живой природы, которые бы вызвали восторг и покой одновременно. Я никогда не сажусь за работу, если вдруг меня одолевает плохое настроение. Зачем передавать людям негативные эмоции? Любая картина, будь то простой рисунок или иллюстрация, — это слепок времени, и мне хочется запечатлеть эти минуты прекрасными.

Несколько моих статей по мастер-классам на темы «Рисование скетчей» и «Графическое рисование пейзажей гелевой ручкой» есть в сборниках литературы по изобразительному искусству и художественному творчеству «Точка-точка-запятая» (2016, 2017).

Я создавала иллюстрации в виде рекламных постеров для сайта, работая со спа-отелем «Аквамарин» города Зеленогорска.

Некоторые мои работы можно было увидеть на нескольких моих персональных выставках в Москве и Бийске. Выставки картин — это как окно в другой мир.

Вспоминая об обучении в университете, я сразу представляю мастерскую Алексея Анатольевича Латышева. Работая в мастерской Алексея Анатольевича, молодого художника-педагога, а ныне доцента и кандидата искусствоведения университета имени Герцена, я всегда испытывала поддержку и внимание. Работая над любым из проектов, будь то портрет, набросок или натюрморт, я всегда прислушивалась к его советам и мягким замечаниям. Работать в мастерской было весело и легко. Помнится, однажды на Новый год он подарил мне несколько тюбиков масляных красок, перевязанных упаковочной лентой, это было неожиданно и очень приятно. Я всегда вспоминаю его слова, словно девиз: «Чтобы усилить впечатление от работы, нужно владеть качествами, которые приводят его к простоте».

Алексей Анатольевич Латышев

Творить — что может быть лучше. Ты чувствуешь себя частичкой прекрасного. Из-под твоей кисти или карандаша в твоей руке на твоих глазах рождается

то, что приносит радость не только тебе, но и окружающим.

Я часто езжу на пленэры, общаюсь с творческими людьми, хожу на творческие мероприятия. Иначе не может быть, ведь именно это и приносит мне удовольствие. Вложенная душа, эмоции, непреодолимое стремление творить — вот что толкает вперед и заставляет брать в руки кисть или карандаш, вновь и вновь возвращаться туда, где я чувствую прилив энергии, умиротворение. Где вырастают крылья за спиной, обретается душевная свобода и самообладание.

Со временем я поняла, что создавать иллюстрации для различных произведений мне очень нравится. Это дает возможность выразить себя, показать мысли, фразы, цвета или состояния, те, что написал автор.

Мои иллюстрации были напечатаны в сборниках стихов таких авторов, как Агния Барто, Омар Хайям, Эдуард Успенский.

Мои работы для рассказов, сборников стихов пропитаны воздухом, легкостью и преданностью. Преданностью к традициям и истории. Мои работы — словно рассказы о душевных переживаниях, эмоциях как героев, так и автора рассказа или сборника стихов.

Каждая отдельная иллюстрация должна представлять собой законченную мысль.

Иногда нет времени и сил после рабочего дня, и все же, несмотря на все преграды, я беру карандаш. Я рисую в блокноте, который всегда могу взять с собой.

Иллюстрация к сборнику стихов Агнии Барто

Иллюстраторы — это художники, которые работают не только со своими идеями, они могут помочь другим людям облечь их мысли, тексты, даже музыку в визуальную форму.

Я как иллюстратор, рисуя иллюстрации для книг, помогаю понять читателю содержание того или ино-

Иллюстрация к сборнику стихов Омара Хайяма

го произведения, лучше представить себе героев, их внешность, характер, поступки, обстановку, в которой они живут. По иллюстрации, которую я создаю, можно догадаться, даже не прочитав произведение, злые герои или добрые, умные или глупые.

Иллюстрация к сборнику стихов Омара Хайяма

В своих иллюстрациях я не рисую сказки, я рисую реальные истории людей, которые меня окружают, и изображаю эмоции и чувства, которые знакомы многим из нас: любовь, уют вечернего чая, звезды августовской ночью. Все это волшебство каждый момент нашей жизни действительно окружает нас, нужно только научиться видеть эту красоту.

Иллюстрация к сборнику стихов Эдуарда Успенского

Я считаю, что искусством можно назвать те работы, в которых удается передать свои чувства, эмоции, и они будут восприняты зрителем. Думаю, от настоящего искусства у зрителя должно появиться психологически комфортное состояние.

Как художник я меняюсь каждый день, находя все новое и новое вокруг себя. Чудесным образом я умею выхватить момент и отобразить это в своих работах.

Одни художники на протяжении веков создавали фрески на темы из Библии, другие — фантазмагорические полотна, вдохновленные великими произведениями, третьи — незабываемые иллюстрации к романам или волшебные рисунки к детской классике.

Для любого художника это сокровищница образов, проверенная временем. Вот и мое творчество не стало исключением, и на моих графических листах и полотнах оживают образы, созданные авторами рассказов или другой литературы. Я с легкостью передаю глубину образов и переношу зрителя в мир произведений, созданный писателями и поэтами.

Как пример воодушевления и откровения, вспоминаю один день, когда весной я стояла у корпуса факультета изобразительного искусства университета, на набережной реки Мойки, и беседовала с замечательным педагогом по рисунку и графике Сергеем Алексеевичем Макаровым. Его любимая фраза, которая вечно вдохновляла и сейчас вдохновляет меня, была следующей: «Как только пожелаешь нарисовать что-либо, сразу в руке появится карандаш, и начнешь рисовать...» Прекрасный рисовальщик Сергей Алексеевич Макаров, сейчас член Союза художников России по секции графиков и художник-маринист студии маринистов Центрального военно-морского музея Санкт-Петербурга, также дал мне много советов и толчок для раскрытия моего таланта.

Сергей Алексеевич Макаров

Педагоги научили меня подбирать цвета, развивать навыки составления композиции и гармонично распределять элементы в композиции по форме и цвету, уметь находить количество фона по отношению к декору.

Мои работы незамысловаты и доходчивы, продуманы и создают единое гармоничное пространство.

Каждая моя работа над иллюстрациями — это поиск взаимосвязей составляющих темы к образам. Каждую из тем я раскрываю глубоко, образно и профессионально. Я хорошо владею как графическими средствами, так и живописными. Развитое пространственное видение помогает мне передавать в моих работах объем и пространство. Рассматривая каждую мою иллюстрацию, можно найти детали, которые обязательно скажут внимательному зрителю о моей глубокой и серьезной работе над темой. Где-то эта деталь укажет путь разгадывания загадки иллюстрации, где-то внесет вопрос для зрителя. Но любая моя работа над иллюстрацией — это огромная работа, приобретенные навыки и опыт, технические навыки работы с материалами, умение общаться со зрителем.

Мои иллюстрации отличаются хорошо продуманным сюжетом, точно проработанными деталями. Каждая иллюстрация имеет свое настроение и характер.

В душе художника звучит поэзия, которую он выплескивает взмахом кисти или другим материалом на холст или лист бумаги, погружая свои эмоции и чувства в виде поэтических строк в краски, окрашивая их в цвета, звучащие в душе.

Сейчас, например, я работаю над иллюстрациями к книгам Дафны Дюморье «Ребекка» и Донато Карризи «Девушка в тумане».

Хороший иллюстратор рисует не только сюжет, но и дух произведения. Его еще надо почувствовать, подумать, как он повлияет на изображение. Если ты полюбишь книгу, ее тему, ее дух, то все слова писателя, весь сюжет будут подспорьем в деле выражения твоей мысли.

Иллюстрация к книге Донато Карризи «Девушка в тумане»

Как любой художник, я всегда устремлена в будущее, даже если темами моих работ становятся исторические сюжеты. И моя увлеченность неиссякаема.

Я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность творить, общаться с единомышленниками, открывать в себе новые грани и возможности, удивлять себя и других. Творчество помогает окунуться в мир фантазий, забыть хоть на миг о бесконечном хаосе, су-

Иллюстрация к книге Дафны Дюморье «Ребекка»

ете, остановиться и оглянуться, увидев мир во всех красках.

Художник — это не профессия, это призвание. Я вижу красоту и стараюсь создавать ее в своих работах. Все это кажется очень сложным, но в то же время таким простым. Если уделять этому достаточно сил, то все получится. Это я и делаю в своих работах.

Тыква

Закончив один рисунок, я вновь кладу перед собой чистый лист и вновь создаю свой мир, и он дарит мне то, что я сотворила. Я осознаю, что мир вдруг начинает сиять, и я становлюсь счастливой. Это и есть мое движение вперед в удивительном приключении

Иллюстрация к книге Донато Карризи «Девушка в тумане»

под названием «жизнь», и я говорю себе: «Я рисую реальность».

Как говорил художник Н. К. Рерих, «красота — это внутренний свет человека... Красота утверждается руками человеческими. Вводить прекрасное повсюду — такова обязанность человека, призванного к творчеству».

Мой сайт — <http://marinamedvedeva.jimdo.com>

Моя страничка в «ВКонтакте» — <http://vk.com/id218301332>

Моя страничка на «Фейсбуке» — <https://www.facebook.com/marina.medvedeva.31>

Моя страничка в «Твиттере» — <https://twitter.com/medvede89939143>

*На стендах «Юности»
Марина Медведева*

Одиссей и Пенелопа

Иллюстрация к статье о ядовитых осадках

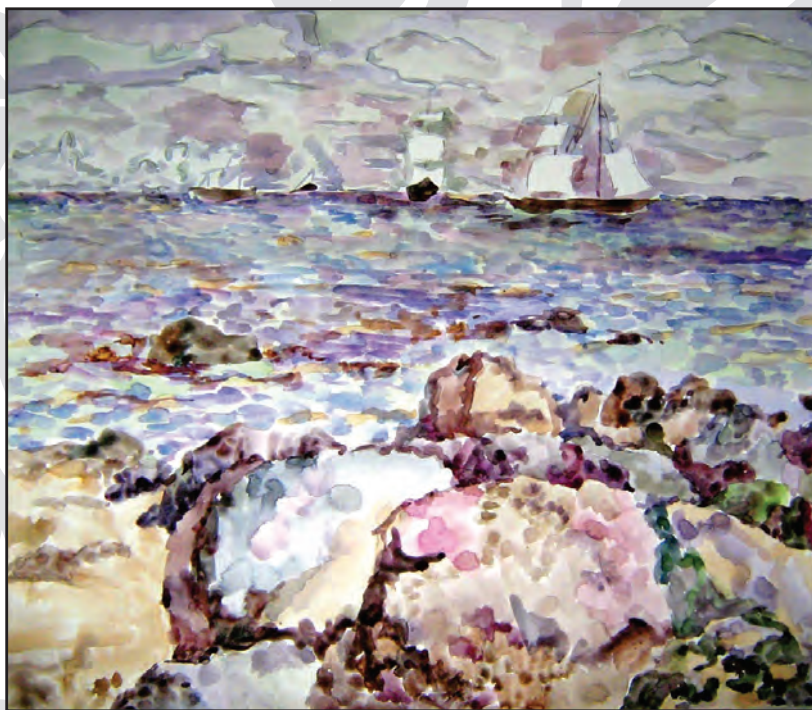
Италия

Венерин башмачок

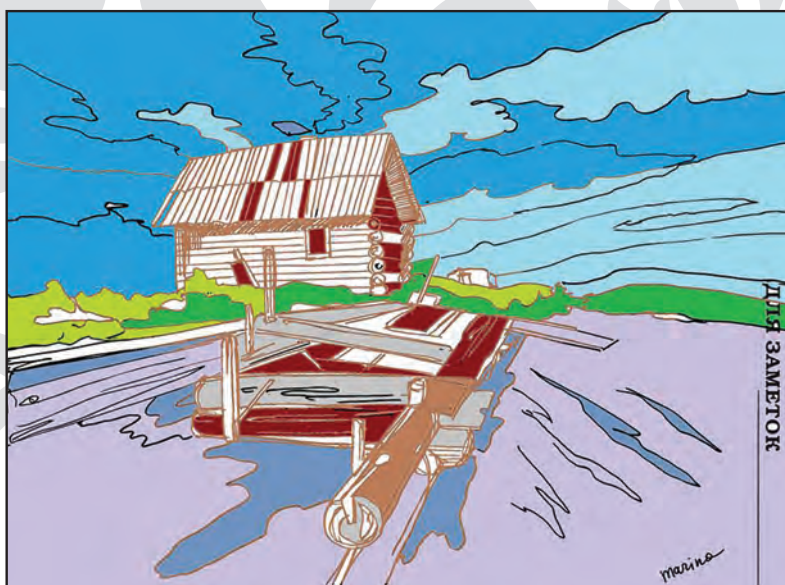
Петергоф. Львиный каскад

Финский залив

Яхт-клуб

Заброшенная деревня

Петергоф. Лев Воронихинской колоннады

Петергоф. Церковный корпус Большого дворца

Петергоф. Большой дворец зимой

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Валерий Ильичев родился в Москве в 1939 году. В 1956 году поступил на службу в органы милиции, в которых проработал до 1996 года. Значительный опыт работы в уголовном розыске позволил В. Ильичеву детально изучить психологию представителей криминального мира и тайные механизмы подготовки и совершения преступлений. Литературную деятельность В. Ильичев начал в 1966 году. Его рассказы печатались в журналах «Советская милиция», «Социалистическая законность», «Сыщик России», «Человек и закон», газетах «Щит и меч», «Петровка, 38», «Вечерняя Москва», «Московская правда». В издательствах «Эксмо», «Вагриус», «Олимп» опубликованы его повести «Перстень с печаткой», «Эlegantный убийца», «Псих против мафии», «Гильотина для палача» и ряд других.

На страницах журнала «Юность» в последние годы печатались такие произведения Ильичева, как «Ставка на зеро», «Тайна “Семи грехов”», «Страсти сыщика Перова», «Похождения “Подмигивающего призрака”», «Агентурный роман», «Схватка бульдогов под ковром», «Кармическое погружение», «Страсти по изумрудной броши» и другие.

БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ

ГЛАВА 1. ОЧЕРЕДНОЕ ЗАДАНИЕ

Сомов вошел в кабинет генерала, четко печатая шаг. Он уже хотел приступить к докладу, но Глухов устало махнул рукой:

— Отставить, капитан. Я документы по твоему последнему заданию читал. В целом результатом я доволен. А мелкие отвлечения от основного задания на женщин меня не интересуют. Тем более ты у нас хостяк.

— Я действую по принципу «все, что полезно для дела, не запрещено».

— Ладно, Сомов, проехали. Некогда мне твой моральный облик обсуждать. Для тебя новое задание. Знаю, что у тебя отгулов скопилось больше, чем у других дней законного отпуска. Но нам нужен свой человек в чужом городе. Тут недалеко, всего сутки езды от Москвы.

— А что, местная полиция справиться не может?

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. В наше время трудно понять, где свой, а где предатель. Посуди сам: два месяца назад в кафе у АЗС на окраине города убили начальника уголовного розыска Темнова. И не просто расстреляли, а показательно, с наслаждением изрешетили пулями, словно в наказание другим. Киллер пока не найден.

— Что-нибудь еще?

— В этом в кафе Темнов должен был встретиться со своим агентом. Но информатор опоздал, а в майора три пули всадили в упор из нагана.

— Факт опоздания агента на встречу проверили?

— Да, тут все чисто. Его тормознуло начальство в последний момент для срочного задания. Так что информатор в убийстве явно не замешан и чудом уцелел.

— Как полагаете, наш покойный был коррупционером или, наоборот, честным ментом, пострадавшим за принципиальность?

— А кто знает? Служба собственной безопасности ничего серьезного не накопила. Так, мелкие нарушения, как у любого сыщика. Но есть однастораживающая деталь: его одноклассница некто Юлия Сергеевна Брускова вороочает крупным бизнесом в этом городе. У них состоялась встреча за неделю до убийства майора.

— Ну и что тут криминального? Может, старая школьная любовь разыгралась?

— Не было у них ранее близких отношений. На нее, владелицу большого пакета акций, вложенных в местный химкомбинат, наехала серьезная группировка из областного центра. Брускова обратилась к Темнову, чтобы он помог в борьбе с рейдерским захватом. И важно выяснить, связано ли убийство майора со сменой собственника этого стратегически важного объекта.

— Давайте определимся с приоритетами. Мне нужно раскрыть убийство майора или выявить тайные пружины рейдерского захвата?

— Если это не взаимосвязано, то установить, кто и почему стрелял в Темнова. Сам знаешь, во всем мире полиция землю роет в поисках виновника гибели своего коллеги. И мы не исключение. Но и обстоятельства борьбы за комбинат интересуют важных государственных людей. Результаты мне доложишь лично после выполнения задания. Мы отдельную папку передадим в управление по борьбе с организованной преступностью. Пусть сами решают, как поступить с добытой тобой информацией.

— Я все понял. Осталось только решить технические детали. Я туда надолго?

— Откуда я знаю? Как только, так сразу! Но сроки сжаты. Не более десяти дней. Нас торопят сверху. По легенде ты геолог. Приехал в город за закупкой высокоточных приборов. Тебе вжиться в образ будет легко, поскольку ты в молодости бродил с разведчиками недр по тайге. Квартуру для тебя сняли в центре на проспекте Космонавтов. Вот, возьми ключи и запомни адрес.

— На кого я смогу там опереться?

— На место убитого начальника уголовного розыска назначен из областного управления подполковник Желтов. Опытный сыщик и, судя по всему, честный человек. Но на него не рассчитывай. Он мало кого знает в городе и, похо-

же, сам нуждается в защите. Посмотри на месте, что для него можно сделать.

— И это все? Сроки мизерные и без поддержки в незнакомом городе нереальные.

— Есть еще один мой личный резерв. В этом городе имеется детективное агентство «Рассвет». Сыщики работают по мелочи: поиск пропавшей живности и супружеские измены.

— Тогда в чем фишка?

— Во главе фирмы мой боевой друг Пухов. Работают там четверо бывших полицейских, прошедших горячие точки. Ребята они простые, но огневая подготовка у них на высоте. Если понадобится физическая поддержка, обратиться к Пухову. Моего друга они возьмут под защиту. Отрекомендуешься просто: «Привет от Тетерева из Гудермеса». Он поймет.

— Спасибо. Надежные парни в чужом городе совсем не будут лишними.

— И еще: денег, как всегда, на командировку выделяю в обрез. Но ты парень хваткий, найдешь выход.

Генерал заговорщицки подмигнул Сомову, давая понять, что он знает о том, что его подчиненные сотрудники, работая в преступной среде под прикрытием, имеют возможность получать нелегальные доходы. И Сомов не был исключением. Но скрытые от начальства доходы он никогда не использовал в личных целях, а тратил при выполнении очередного задания на поддержание легенды о своей причастности к уголовному миру. Это успокаивало его совесть.

После последней операции по изобличению крупных сбытчиков наркотиков у него осталась большая сумма от сорвавшейся сделки с покупкой героина. Дилеров по его наводке арестовали до передачи денег за дурь. И кейс, наполненный деньгами, не был официально изъят и остался в его распоряжении. В результате, отправляясь в чужой город, Сомов располагал денежной суммой, достаточной для успешного решения поставленных перед ним задач.

В этот же вечер Сомов сел в вагон скорого поезда, который прибывал в нужный ему город рано утром в субботу. Он всегда соглашался с планами начальства, но предпочитал действовать самостоятельно. Вот и сейчас Сомов хотел заранее освоиться в незнакомом месте. Он был уверен, что каждый город имеет свой дух, который складывается из истории, архитектуры и особенностей быта людей. И незнание этого обычно осложняло выполнение служебных заданий. Отправляясь на очередное задание, Сомов хотел иметь в распоряжении два выходных дня для ознакомления с местом грядущих событий.

Сойдя с поезда, он вышел на привокзальную площадь. Ранним утром в небольшом городе взять такси не составило труда. У него был адрес арендованной для него квар-

тиры. Но опытный сыщик всегда предпочитал иметь в чужом городе известное только ему запасное жилье, где он сможет укрыться от опасности. И он, сев в такси, спросил пожилого водителя:

— Где у вас тут контора по сдаче жилья?

— Тут недалеко, в центре. Как раз по субботам там собираются люди в поисках выгодного арендатора без посредников. Никто не хочет платить налоги с доходов. Там точно найдешь то, что нужно. Да еще, если захочешь, то с дополнительными услугами.

— Нет, мне просто отдельное жилье без развлечений.

— Дело твое, поехали. У нас тут в городе все близко. Работать в такси стало совсем невыгодно. Мотаешься целыми днями в поисках пассажиров, а в итоге — хорошо, если бензин за день окупится.

— Так чего не уйдешь?

— А куда за два года до пенсии? У меня жена и двое внуков, дочь одна живет, без мужа. Хоть эта работа есть, а то и ее не будет.

— Как-то безнадежно ты мыслишь.

— Да у нас тут в городе беспокойно стало. Люди важные с деньгами между собой хиткомбинат разделить не могут. И новые хозяева предприятия наверняка пойдут на сокращения. А молодежь уже сейчас нас в извозе теснить начинает.

— Да, картину, ты, отец, нарисовал горькую.

— Какая есть. Вот мы и приехали. Видишь, люди кучкуются? Предложений свободных квартир больше, чем желающих заселиться. Так что быстро найдешь нужный вариант. Может, мне тебя подождать и отвезти в нужный адрес?

— Нет, не надо. Я в таких вопросах спешить не люблю.

Сомов, не обращая внимания на мизерную сумму счетчика, достал пятьсот рублей и, протянув водителю, небрежно бросил:

— Сдачи не надо. Только дай мне свой телефон. В случае необходимости я с тобою свяжусь.

— Это с большим удовольствием. Возить постоянно пассажира, да еще такого щедрого — всегда выгодно. И вообще, в городе меня все знают. Только спроси дядю Колю — и тебе подскажут. Вот мой телефон. Извини, на визитку денег нет, так я нарезал картона и раздаю желающим.

Сомов был доволен: «Мне удалось быстро найти местного водителя не из уголовной среды. Так что транспортом я буду обеспечен».

Сомов подошел ближе к толпе и начал прислушиваться к переговорам. Вскоре он оценил: «Да, провинциальный город — это не Москва. В среднем цена аренды за отдельную квартиру вполне приемлема. Надо только найти приличного хозяина, чтобы не нарваться на неприязни. Но пока ничего подходящего не вижу. Много

явных алкашей или мошенников с бегающими глазками. Подожду еще немного».

К остановке с грохотом подкатил трамвай, и из него вышла очередная группа желающих сдать квартиру. Сомов сразу заметил среди толпы яркую красную косынку, и только потом перевел взгляд на лицо миловидной женщины. И сразу почувствовал, как неожиданно сладко замерло его сердце. Почему-то сразу всплыла в памяти одинокая фигура девушки, стоящей на пустой станционной платформе, погруженной в сумерки тайги. Тогда Сомов почувствовал неистребимое желание выскочить на перрон, заключить это незнакомое почти неземное существо в объятия и замереть в вечном блаженстве. Поезд там, на полустанке, задержался всего на две минуты. Затем вагон дернулся и медленно, словно нехотя, двинулся дальше. Лицо и фигура девушки начали расплываться в темноте, пока окончательно не исчезли, как призрачное видение несбыточной мечты о счастье.

То мимолетное видение из прошлого не имело никакого отношения к неуверенно бредущей в толпе молодой женщине. Она ничем не напоминала девушку на пустынной станции из далекого прошлого. И Сомов с тоской понял, что в нем проснулось забытое желание обретения личного счастья. И он решительно направился навстречу молодой женщине в красной косынке. Сомов с привычной уверенностью повел себя наступательно:

— Мне нужна отдельная квартира на месяц. Готов заплатить всю сумму вперед.

— А вы наш, городской?

— Нет, я из Москвы. Приехал сюда для приемки оборудования для геологической разведки. Вот мой паспорт и командировочное удостоверение.

— Ну, зачем мне это? Я вам верю. Только моя квартира находится на окраине города, в районе Озерков. Отсюда надо ехать минут сорок на трамвае. Правда, без пересадок.

— Это меня не смущает. Назовите цену.

— Я даже не знаю. Квартира однокомнатная на третьем этаже дома без лифта. Меня бы устроило пятнадцать тысяч рублей.

— Почему такая конкретная сумма?

— Я не хотела посвящать вас в свои трудности. Но муж, с которым мы прожили семь лет, бросил меня с маленькой дочкой ради новой любви. Мне сообщил о своем решении по телефону. И я осталась без материальной поддержки. Его алиментов едва хватает на еду. Пришлось вернуться на работу, за которую платят копейки. Хорошо еще, не успела продать квартиру умершей год назад матери. Вот и хочу ее сдать.

— Я все понял. Поедем, посмотрим ваше жилье. Меня, кстати, зовут Григорий. А вас?

— Я Настя. Мне двадцать шесть лет, и дочка у меня послушная, хорошая девочка. А у вас есть семья?

— Нет, я давно в разводе, и хорошо, что не успел завести детей.

— Ну, тогда не будем терять время. Поедем, я покажу квартиру.

Сидя в трамвае напротив Насти, Сомов расчётливо прикинул: «Она потрясена предательством мужа и срочно ищет ему замену. Иначе зачем вопросы о моем семейном положении и чрезмерная похвала своей дочери. Знакомая картина. И все же ее слегка встревоженный и трогательный вид вызывает у меня сочувствие. И я, похоже, готов к новым любовным отношениям, которые явно не вписываются в рамки моего служебного задания».

Поднявшись на третий этаж старого дома, Настя перевела дыхание и, открыв дверь, пустила гостя в квартиру. В комнате стоял старый диван с продавленными подушками, стол с телевизором, шкаф и стулья. Настя, испытывая смущение, поспешила пояснить:

— Здесь все как было при маме. Мы с мужем жить в этой квартире не собирались. Вот она и пригодилась. Я могу еще немного уступить в цене.

— Не надо. Меня все вполне устраивает. Вот пятнадцать тысяч. Даже если я уеду раньше срока, деньги у вас останутся полностью. Меня только диван смущает, он не развалится от чрезмерной нагрузки?

Настя смущенно улыбнулась от двусмысленного намека. И Сомов, развивая успех, предложил Насте встретиться и показать ему город. Та с легкостью согласилась:

— Я теперь женщина свободная и могу немного отвлечься. Попрошу на днях соседку посидеть с дочерью.

— Оставьте только мне свой телефон.

Настя взяла со стола бумажную салфетку и написала ряд ровных цифр. Затем быстро засобиравшись:

— Извините, но мне нужно бежать. Дочка дома одна. Вот ключи.

Уже стоя в дверях, Настя, замявшись, обратилась к Сомову:

— Вы только обязательно позвоните. Я буду очень ждать.

Когда за женщиной захлопнулась дверь, Сомов в смятении заходил по комнате: «Неужели я так глупо и внезапно увлекся? Разум предостерегает, что любая одинокая женщина стремится устроить свою судьбу и расставить ловушки. Но меня безумно тянет к Насте, и я не стану этому противиться. Ну а сейчас мне надо заняться делом».

Сомов раскрыл чемодан и аккуратно отделил ножом крышку от дна. Там лежали пачки денег, три фальшивых паспорта и два пистолета. Один из них мог понадобиться в любой момент. Достав небольшой «Вальтер» в кобуре, Сомов пристегнул его к лодыжке. Немного подумав, спрятал в шкафу «Макаров» под стопку сложенных про-

стыней, чтобы иметь оружие всегда под рукой. Затем выбрал один из паспортов на имя Григория Громова. На фальшивых документах он всегда, чтобы не путаться, оставлял свое подлинное имя, а менял лишь фамилию.

Затем по карте города определил, где находится улица Строителей. Там жил Семен Дроздов, главный свидетель убийства майора полиции. Еще в Москве при ознакомлении с обстоятельствами дела Сомов обратил внимание на краткость показаний этого сотрудника АЗС. Помимо него и жертвы, в кафе было еще трое посетителей и официантка Софья. Все они подробно описывали, как следом за Темновым зашел убийца в темных очках, длинном плаще и шляпе. Как только Темнов присел за столик, киллер сразу открыл стрельбу, выкрикивая проклятия и угрозы. Все произошло очень быстро, и преступник поспешно скрылся. Свидетели от волнения плохо запомнили приметы стрелка.

Но вот заправщик Дроздов, судя по нарисованной схеме, находился в непосредственной близости от столика жертвы. По его словам, он в тот момент выходил из туалета и от неожиданности не смог разглядеть лица убийцы. В его кратких показаниях сквозило явное нежелание впутываться в чужую опасную игру. И Сомов еще в Москве решил начать расследование с проверки этого свидетеля. Он понимал, что в официальной обстановке тот ничего не скажет. Надо было найти к Дроздову подход и сделать это быстро. Сомов решил проехать к дому Дроздова и выяснить, с кем ему придется иметь дело.

До улицы Строителей Сомов доехал на автобусе. Дом, на первом этаже которого жил Дроздов, оказался типичной хрущевкой, построенной еще в советское время. Возле подъезда на скамейке сидела старушка, томящаяся от скуки. Сомов сел рядом. И обрадованная появлением собеседника пенсионерка поинтересовалась:

— Отдыхать пристроился или ждешь кого?

— Слушай, мать, я вчера с девушкой познакомился. Проводил до этого подъезда. А она вдруг взбрыкнула и вместо продолжения нашего знакомства скрылась с концами. Не подскажешь, в какой квартире живет девчонка лет двадцати пяти?

— И к гадалке ходить не надо. Это Анька Журавлева с первого этажа. Она часто ухажеров меняет.

— И чем я ей не подошел, что она меня кинула?

— Я вижу, ты без машины, пешком ходишь. Ей такого добра не надо.

— Это я у нее сейчас сам выясню. Она в какой квартире живет?

— Напрасные хлопоты, Анька с утра с другим мужиком уехала. Хвасталась, что они на выходные за город отправляются. Можешь сам убедиться, нет ее дома. Ее квартира справа, не перепутай. А то нарвешься на скан-

дал с ее соседом Семеном, если не в ту дверь звонить начнешь.

— А что, он такой грозный?

— Да, нервным он стал после того, как у него на глазах застрелили полицейского. А сегодня особенно не в духе. С женой скандалить перестали только перед твоим приходом.

— С чего бы это?

— Так он у нас фанат футбола. Сегодня без билета на стадион остался.

— А кто сегодня играет?

— Ты правда не знаешь? «Спартак» из самой Москвы приехал с нашей городской командой мерится силами на Кубок страны.

— Ладно, бабуля, проехали. Так ты точно знаешь, что сегодня Анька домой не вернется?

— Так она мне сказала, садясь в машину.

— Извини, мать, у меня еще деп полно.

Сомов поспешно зашел за угол дома и набрал телефон знакомого таксиста:

— Привет, дядя Коля. Это Григорий, твой утренний пассажир с московского поезда беспокоит. Можешь меня подхватить на улице Строителей у дома девять?

— Не вопрос. Буду в течение десяти минут.

Сев в подъехавшее такси, Сомов сразу перешел к делу:

— Мне срочно нужны два билета на сегодняшний футбольный матч. Цена не важна.

— Вы, москвичи, люди конкретные. Поехали к стадиону.

— Говорят, в кассах билетов нет.

— Это верно. Задолго до матча все раскупили. Мы к кассе и не поедем. Есть за стадионом сквер небольшой. Там местные мелкие спекулянты промышляют. Я кое-кого из них знаю. Вот мы и приехали. Постоим здесь в сторонке, понаблюдаем.

Прошло минут десять, и таксист обрадованно заметил:

— Появился Сморок. Вон, видишь паренька в белой кепке? Как полагаешь, сколько ему лет? Все думают, что перед ними подросток. А ему уже далеко за тридцать. Правильно говорят, маленькая собачка до старости щенок. Два раза в тюрьме успел отсидеть. Сейчас уже лет десять на свободе, мелкие дела проворачивает. У него наверняка лишние билетик найдутся. Меня он знает. Я к нему один пойду. Ты пока в машине посиди. Только деньги давай сразу.

— Сколько?

— Чем больше, тем лучше, чтобы мне от сквера до машины на больных ногах туда-сюда не бегать. Да не волнуйся, сдачу я полностью отдам.

— Не сомневаюсь. Лишь бы толк был.

Сомов протянул несколько крупных купюр и остался ждать в машине. Дядя Коля вернулся довольно быстро и, отдав два билета, протянул сдачу. Сомов аккуратно отделил тысячную купюру и протянул таксисту:

— Это тебе, дядя Коля, за услугу. А теперь за отдельную плату верни меня на то место, где подобрал.

— Хорошо, только я не понимаю, зачем тебе так нужно на наш стадион попасть. Итог матча predetermined. Лишь самые безумные фанаты верят в победу.

— Я давний болельщик «Спартака», не могу упустить возможность поболеть за любимую команду.

— А не боишься, что тебе наваляют на хозяйской трибуне по полной?

— Так я не собираюсь с красно-белым шарфом орать с трибуны.

— Ну, если будешь болеть тайно, то, может, и уцелеешь. Вот мы и приехали.

Сомов протянул пятьсот рублей и спросил:

— Достаточно? Вот и ладно. Сегодня больше поездок не планируется.

Сомов подождал, когда такси развернется и скроется из виду, затем направился в подъезд, где жил Дроздов. Для вида несколько раз позвонил в квартиру Аньки, а затем зло и нетерпеливо застучал кулаком в дверь нужного ему человека. Дроздов возник на пороге со злобной гримасой на лице:

— Что колотишь, звонка не видишь?

— Слушай, братан, Анька случайно не у тебя? Второй раз приезжаю. Вчера договорились время вместе провести. А сегодня весь день пробой у замка целую. Подскажи, где ее найти.

— Так она с утра с каким-то хахалем укатила. Так что тебе сегодня не светит.

— Вот чертова стерва. Накануне на все была согласна. Я ее обещал на футбол отвести, а затем в кафе угостить.

— Стоп, ты чего там о футболе вякнул? У тебя что, билеты есть?

— А что толку, пропал вечер. Ладно, хоть футбол посмотрю, как наши будут гореть синим пламенем.

— Слушай, друг, все равно второй билет продавать будешь. Я его у тебя выкуплю.

— Да ты знаешь, сколько я за него выложил?

— В пределах косаря из собственной заначки я заплачу. Больше, честно, не могу.

— Ну ладно, давай деньги и собирайся. Минут через пять будь готов.

И Сомов, изображая досаду, вновь стал звонить в квартиру Аньки.

Продолжение следует.

Роман ИСКАЕВ

О себе

Зовут меня Роман Искаев, родился и живу в любимом городе Хабаровске. Окончил сразу и школу, и техникум, и институт, но ни одна из моих специальностей не связана с литературой. Хотя в работе экономиста, как я скоро понял, «творческие навыки» — обязательный пункт резюме; ведь чтобы уверенно доказать, что два плюс два равно пяти, нужно обладать недюжинным воображением. Поэтому творческий опыт имеется.

Еще ребенком наблюдал за родителями, бабушкой, дедушкой — они все время читали книги! «Значит, в них должно быть что-то интересное!» — думал я, после чего брал с полки приглянувшийся обложкой экземпляр, открывал и «читал» вверх тормашками.

Так началась моя бессловесная любовь к книгам и невнятное желание создавать что-то такое самому.

Затем внезапно, как всегда и бывает, я сообразил, что писатели — это не какие-то особые люди, живущие далеко (примерно в Москве или Петербурге). Писателем вполне можно попытаться стать. Это было почти десять лет назад — треть моей жизни!

В итоге спустя восемьдесят три тысячи часов с момента знакового для меня решения рассказом «Литературная плоскость» заинтересовались в «Юности», за что очень благодарен.

Помимо сатирических рассказов самого широкого спектра (вплоть до социальной фантастики и пародии), с огромной любовью пишу произведения для детей, но так, чтобы было интересно читать и взрослым.

Надеюсь, не зря.

СКОЛЬЗКАЯ ДОРОЖКА. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЛОСКОСТЬ

Юлий Гематогенов был довольно-таки бездарным писакой. На счастье, судьба его сложилась самым благоприятным образом. Тому было много причин.

Во-первых, он даже и не подозревал о своей посредственности, что было очень даже кстати. Во-вторых, он мечтал о славе, но главным образом о гонорах, так

что не распылял свои силы на коммерчески бездарные произведения. В-третьих, он родился в замечательное время, когда посредственность не порицалась, а даже и вовсе восхвалялась. В творческой среде царил либеральный дух отсутствия плохого искусства. Все было искусством, находящимся на разных его плоскостях, но объединялось удобным словом «постмодернизм».

Будучи по натуре очень ушлым молодым человеком с цепким на наживу взглядом, он мигом разобрался во всех литературных веяниях, выделив самое перспективное. Таковым оно было из-за подпитывающих его со всех сторон, преимущественно западной направленности, грантов и премий. Подсчитав их общий вес, Юлий окончательно утвердился в верном направлении.

Так как самые большие гонорары водились у тех, кто талантливо и методично обличал страну, где им, по вселенской несправедливости, не посчастливилось быть рожденными, то прежде ему пришлось получить необходимый багаж знаний, чтобы встать в один с ними ряд.

Он устроился в интернет-газету крайне толерантного толка младшим помощником и принялся набивать руку. Юлий был чист, как новенькая промокашка, не имел четкого мнения, но умел приспособливаться и видел конкретную цель — приличный заработок. Это помогло ему вскоре стать штатным корреспондентом. Он принялся посещать все необходимые мероприятия, где ловко заводил перспективные знакомства, поражая своих собеседников смелой вольностью мысли. Не бывал при этом выражать свое восхищение либералам всех толков и размеров.

Приемы, фуршеты, междусобойчики и квартирнички следовали один за другим. На такой благодатной почве его тонкая натура легко впитывала правила мира большой литературы.

Затем пришла пора первых творческих успехов. Ловко маскируя мелкий ум вовремя вставленными колкими фразочками, эпатажными заявлениями, конъюнктурными фельетонами, Юлий стал рукопожатным, крайне перспективным автором. Его заметили и стали рекламировать.

Радио эхом по столице передавало новость о необыкновенном самородке, отыскавшемся в одной интернет-газете; определенного сорта блогеры начали приглашать его к себе на посиделки; он отметился также в нескольких оппозиционных маршах против коррупции, где поначалу конфузливо старался дистанцироваться от подозрительных бритых хлопцев в капюшонах.

В общем и целом, то время для оппозиционеров в стране было беспокойное и малохлебное: несанкционированные митинги самым беспардонным образом окказались вне закона и нагло пресекались. Да и охотников слушать несистемных стало совсем уж мало. Почему-то

желающих жить как там было все меньше. В эфире сочувствующих радиостанций лились крокодильи слезы, громкие стенания разрывали соцсети, но поклонников отчего-то не прибавлялось.

Однако Юлий Гематогенов не унывал. Обладая поистине феноменальным нюхом на белый хлеб с икрой, он все же отыскал свою литературную плоскость в либеральной среде.

«Я раб музыки!» — говорил он про себя, оправдывая таким образом пошлые сюжеты и помойные словечки в своих громко дребезжащих вещах.

Поэтому, несмотря ни на что, дела его шли в гору. В конечном итоге спустя годы он превратился в уважаемого писателя с большими гонорарами, но маленькими тиражами внутри страны, что стоически им воспринималось как мученичество, положенное просветителю темных масс. Впрочем, глубоко внутри по этому поводу он переживал не сильно, если такие переживания вообще были. Благо его основные читатели жили за бугром, в старушечке Европе, крупным планом демонстрирующей срамные места своего предсмертного маразма. Там его ценили гораздо больше, приглашали на различные выступления, где с избытком поливали восторженными эпитетами. Да и тиражи книжечек были приличными.

Это, кстати, имело и еще один положительный результат — пропала необходимость в самооправдании. Его читали! Какие уж тут самооправдания. Талант был создан, признан, принят и закреплен несколькими литературными премиями.

Продвигался он и в ЮША Inc., но там было сложнее, потому что если книги были не комиксами или, на худой конец, не графическими романами, то спросом они пользовались очень небольшим.

Юлий Гематогенов зажил широкой жизнью в second hand стране, являя собой просветительский, постмодернистский островок с легким налетом ретроавангардизма как прыщика на теле. Впрочем, довольно незаметного.

В общем, как и вино кислого урожая, поданное соответствующим манером — с красивой историей и словами, — продается на аукционе уважаемым джентльменам за большие суммы, так и Юлий Гематогенов стал фигурой.

Он уже и сам себя не считал «творческим рабом», а был свободным от ханжества и предрассудков «величайшим творцом современной литературы».

Все же, как бы успешно ни складывался жизненный путь Гематогенова, у него дни хорошие, а бывали не очень. Сегодня как раз был один из таких.

Разбудил его в шесть утра крик младенца за стеной. Что было совсем некстати, ведь ему надо было обяза-

тельно выспаться. Не по какой-то конкретной причине, а просто потому что привык.

«Мерзкий гаденыш», — выругался про себя Юлий и накрыл рано облысевшую голову подушкой. Вообще-то к детям он всегда относился с брезгливостью, хотя держал это при себе, понимая, что как автору, в том числе политических детских сказок, такие откровения не принесут дивидендов даже в толерантной Европе. К счастью для него, буйным цветом плешивело движение чайлдфри, за ним и укрылся.

Подушка, однако, не помогла. Детский плач пробила ее с легкостью пули.

Гематогенов задержал пухлыми руками и ногами, нанося удары постели. Звонить в полицию было бесполезно, в такой стране, когда честных политиков кошмарят и днем и ночью, навешивая совершенно надуманные обвинения, на правосудие надеяться было нельзя. Не далее как на прошлой неделе, Юлий в своей авторской программе описывал один такой вопиющий случай. Сам случай сейчас уже забылся, но «осадочек остался», успешно пополнив темную взвесь злобности внутри.

Вновь уснуть удалось лишь в девятом часу. Сон был беспокойный и недолгий. В самом наисквернейшем расположении духа Юлий отправился в издательство.

Так рано его не ждали. Все-таки раньше полудня он обычно не появлялся.

— Поторопись же, ну! — прикрикнул он на секретаршу, отправившуюся известить о визите Гематогенова.

Пока он ждал, глянул на свою черно-белую портретную фотографию висевшую на стене. «Лучшие авторы» — гласила надпись. Под фотографией было написано: «Юлий Гематогенов, прозаик, поэт, философ, личность, оппозиционер, борец за права людей. Лауреат...» — дальше на английском языке перечислялись громкие и всем известные наименования премий.

Юлий скривился. Фотография ему не нравилась. Сегодня ему вообще мало что нравилось.

— Прошу, проходите, — пригласила секретарь.

Гематогенов тяжело поднял грузное тело из глубокого дивана.

В кабинете главного редактора сидело еще двое. Юлий оглядел их. Он обоих знал.

Первым был Заливный — широко популярный борец за права меньшинств. О нем среди либеральной тусовки ходили разные слухи, вплоть до совершенно невозможных, о его личных предпочтениях самого низкого характера, но все они оставались на уровне «говорят, что...». Такие разговоры даже играли ему на руку, придавали его персоне некую пикантную дерзость, вызов режиму, бунтарский дух. Несмотря на столь положительные качества, лицо его с близко посаженными, утолщенными

черепушку глазами было неприятным. К тому же руки его всегда были мокрые и холодные.

Вторым оказался Кошчек. Прибалт, получивший престижное образование в Варшаве и ЮША Inc., активный агент иностранного влияния. Почетный член различных обществ, правозащитник, блогер, внештатный корреспондент национал-неолиберального ресурса «Польский космополит». В общем, полезный человек, обладающий серьезными связями на Западе и угрюмым характером. Роста был невысокого, любил деньги, ради них и терпел всю сволочь вокруг.

Отношения между почтенными либералами можно было охарактеризовать как взаимную острую неприязнь. Гематогенов не нравился им, а они не нравились ему, что было типично в их окружении. Все они были в глубине души мизантропами, поддерживающими связь со своей тусовкой ради конкретных материальных выгод.

Все-таки либерал, родившийся в России, с самого своего появления был особым видом среди своих европейских собратьев. Склонным, горьким и кровавым. Возможно, ему не хватало европейского театрального мастерства, когда за ним, как за ширмой, прячутся истинные цели. Поэтому либерал из России после нескольких приличных слов прямолинейно выкладывал все как есть на едином дыхании, а затем пугался сказанного, грозился судами, если кто-то осмелится его цитировать или, не дай бог, опубликовать неприятное интервью. Как говорится, «вы меня вынудили, был в эмоциях, извольте извинить меня, как я извинил себя сам». Однако до судов дело никогда не доходило, оканчиваясь только громким воем всех повязанных.

Главный редактор издательства «Вовремя» широко улыбнулся и протянул руку:

— О, Юлий, доброе утро, доброе утро. Не ждали так рано!

— Доброе утро, — хмуро поздоровался Гематогенов.

Ему пришлось пожать руку и Заливному, и Кошке, после чего он протер руку платком, выуженным из кармана брюк.

— В честь чего сбор? — поинтересовался Гематогенов, грузно опускаясь на кожаное кресло. — Не знал, что ты здесь, — обратился он к Кошке.

Тот развел руками, как бы не находя, что ответить.

— Чайку? Кофейку? Коньячку? — участливо поинтересовался главный редактор.

Гематогенов кивнул на последнем вопросе. Главред нажал на кнопку связи, сообщил заказ. Пока несли напиток, никто не проронил ни слова.

Наконец секретарь ушла, оставив бокал в руках писателя.

— Юлий, на самом деле очень хорошо, что ты посетил нас сегодня раньше, чем договаривались. Мы как раз обсуждали некоторые планы. — Главред сменил тон на доверительно-таинственный. — Скоро всем известные события, парад, ну, вы понимаете?

Зная, какие люди здесь собрались, Юлий догадался обо всем сразу.

— Митинг? — вяло спросил он, наблюдая за игрой света в бокале.

Все-таки такие моменты комфорта были нежно любимы им. Когда можно было вот так посреди рабочей недели, днем, привести мысли в порядок хорошим коньяком.

— Да, как ты знаешь, скоро очередная годовщина, будут празднества, вот и неплохо бы напомнить людям об истинной цене того, что они празднуют.

— Гм, — глотнул он добрую порцию жидкости.

— Поэтому я и пригласил сюда моих друзей, чтобы обсудить наши маневры, так сказать.

Гематогенов обтер усы жирными пальцами, крякнул, коньяк был хорош. Глазки его умаслились.

— Маневры, надо полагать, будут соответствующим образом снабжены? — спросил он.

Главред еле заметно поморщился, прежде чем ответить:

— Не без этого.

Гематогенов удовлетворенно кивнул. Следующим глотком он осушил бокал.

— Хороший коньяк, приятно пить.

Главред нажал на кнопку. Пустой бокал был убран, новый вручен.

— Что потребуется от меня? — немного оттаяв, более благодушно спросил Гематогенов.

— Мы уже проработали некоторые детали.

Главред пустился в объяснения. Каждому присваивалась своя роль. Господин Кошчек был заводилой и рупором, Заливный был бойцом на месте и организатором толпы в соцсетях, а писателю доставалась представительная функция — быть лицом скорби всех неравнодушных.

— Гм, — сказал Гематогенов и допил коньяк, — только, я надеюсь, что среди равнодушных не будет слишком уж радикальных элементов?

Главред опустил глаза, поерзал на стуле, прокашлялся.

— Юлий, ты же понимаешь, что у нас наблюдается... эм... некоторый кадровый голод, поэтому приходится

вступать в партнерства с разными политическими силами. Само собой, мы выбираем только наиболее презентабельные...

— Как в прошлый раз, когда один из «презентабельных» достал флаг террористической группировки и размахивал им прямо позади меня? Не пойми меня неправильно, я не ханжа, но все-таки надо воздерживаться до поры до времени.

— Накладки бывают разные... Сам понимаешь. Кто же знал!

Гематогенов поморщился. Действительно, никто не знал. С другой стороны, после марша его наверняка попросят дать интервью для какого-нибудь канала из цивилизованной страны. Можно будет напомнить о себе. Помимо меркантильной мыслишки, согревала его и другая, чисто практическая — о дивидендах в валюте от всего шаша.

В общем, минусы хоть и присутствовали, но плюсов было больше.

Договоренности были достигнуты, руки пожаты всеми присутствующими, улыбки продемонстрированы, и Заливный с Кошчком поспешно ушли. Подкопных дел было по горло.

Гематогенов остался утрясать деликатные дела с изданием его новой книги, изобличающей преступления действующего в стране режима.

— Как бальзам на душу, ей богу, как бальзам, — начал разливать соловьем главред, позволяя себе панибратский тон. Все-таки все здесь были свои.

— А как ты ловко провел исторические параллели, очерчивая их красным цветом! Это же гениально! И вот этот момент... подожди, подожди, сейчас...

Главред начал перелистывать рукопись.

— Ага, вот: «...и представились ей дикие глаза солдата, точно так же насилующего ее бабушку, как и ее сейчас насиловал этот миротворец. Запах водки, немытого тела окружал ее со всех сторон. И не было сил плакать».

Главред поднял глаза на Гематогенова, имевшего сейчас вид крайне довольный.

— Как тонко, как фактурно, как точно передано! Это будет бестселлер!

— Спасибо, спасибо. Я действительно стараюсь, — улыбался писатель.

И Гематогенов действительно старался, вкладывая всю свою душонку в новую изобличительную писанину.

Можно и нужно снижать цены, увеличивая благосостояние народа и страны.

То, чего не знает один, то по силам коллективному мышлению — при демократии.

Критика без предложения — разрушает, а предложение лучшего — созидает.

Есть у России новая модель устройства подлинно демократического государства.

Механизм настоящей демократии изложен в «Манифесте демократии — власти Чести, Совести и Ума». Его текст можно найти в Интернете.

Свобода слова в политике, равные права, запрет на господство одной идеологии, прописанные в Конституции РФ, — это путь к развитию и к жизни.

Владимир Гарматюк, г. Вологда

Галка ГАЛКИНА:

Владимир, мы прочитали «Манифест» и прослезились. Хорошо и крепко написано. И про демократию, и про Платона с Аристотелем. И вспомнили мы начало 90-х, когда тоже вот про демократию писали.

Помните такую партию «Демократический выбор России»? Какие слова и лозунги. И тоже правильные и хорошие.

Она будет выражена в проектах законодательных и нормативных документов федерального, регионального и местного уровней по следующим проблемам: реформа социальной сферы, изменение принципов ее финансирования; контроль над естественными монополиями, их частичная приватизация; совершенствование налоговой службы, формирование благоприятного для честного предпринимательства налогового климата; улучшение регулятивных возможностей государственных институтов (прежде всего в сферах контроля естественных монополий, трудовых взаимоотношений, контрактного права, антимонопольной деятельности, охраны окружающей среды

и пр.); создание финансовых механизмов поощрения добровольных сбережений и их направления на инвестирование; реформа трудового законодательства и практики трудоустройства; реформа системы государственной службы, исключая коррупцию чиновников, и т. д.

Автор этих замечательных слов — Егор Тимурович Гайдар!

Его слова да Богу в уши!

Но, Владимир, воз и ныне там! Мы боремся за подлинную демократию уже 25 лет, а она, подлая, не наступает.

И все почему? Потому что Вологда далеко от Москвы, и голос Ваш никто не услышал. Приезжайте в Москву, Владимир.

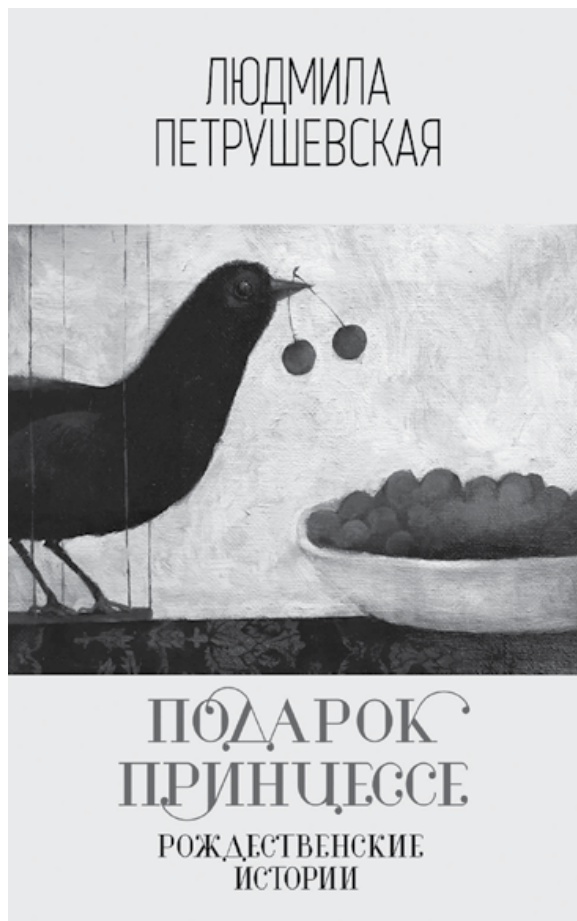
Пора открыть всем глаза на демократию. Нечего отсиживается в Вологде-где с черноглазой, в доме, где резной палисад, понимаешь!

Демократия в опасности!

Спасать надо демократию, покуда не поздно.

Или уже похоронить?

Людмила Петрушевская

«ПОДАРОК ПРИНЦЕССЕ. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ»

В аннотации читаем:

Трогательные рассказы, Снегурочка и новогодняя елка, грустный мальчик и другие герои — отложите свои дела 1 января и полистайте эту книгу с дочкой. Она не только яркая и красочная, несущая в себе огромный позитивный заряд праздничного настроения, но еще и поучительная. Каждая история — обязательно со счастливым концом, а как же? Это же Рождественские истории, а они всегда заканчиваются хорошо. Волшебные феи взмахивают крыльями — и мир наполняется теплом и сверкающими снежинками!

Как говорится, тут даже мертвый бы прослезился. Но я открыл все же книгу и прочитал:

...Так-то она была совершенно лысая, как новобранец, потому что натягивать парики на свои естественные буйные кудри ей всегда было лень. Побрившись много лет назад, она плюнула на внешность, была свой парень в коллективе

«Цирк приехал», сплетнями не интересовалась, всем улыбалась, все ее обожали, даже администраторша. В молодости у Ариши погиб любимый человек, гимнаст, и Ариша не смогла доносить беременность, все. Сейчас вот оба они с Сеней подрабатывали...

Девочке 12 лет это в самую пору! Весьма кстати и про лысую Аришу, и про ее беременность, и про погибшего гимнаста.

Все остальное ей подскажут подруги.

Все очень мило и трогательно. Людмилу Стефановну можно рекомендовать и для школьных учреждений в качестве микстуры от простуды, и в случае, если не поможет, в качестве горчичника, чтобы прикладывать к тому месту, где у человека голова, и вообще на каждый день, чтобы не кисло было.

Это, конечно, лучше, чем травку курить.

Но ненамного...

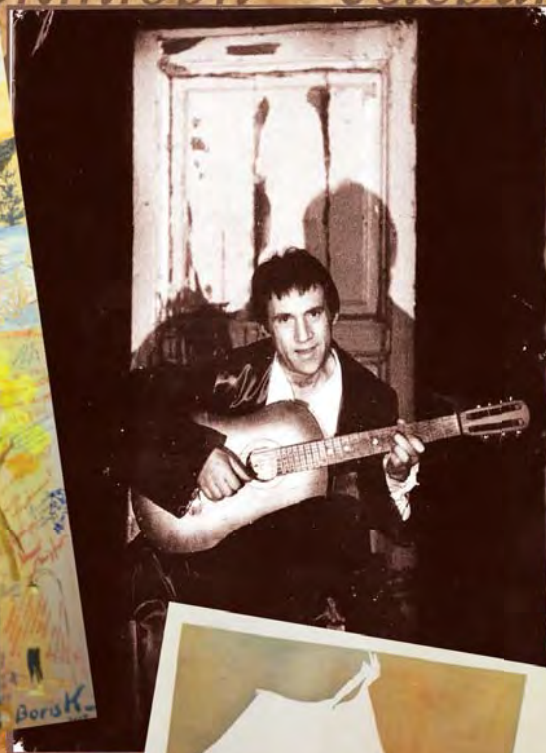
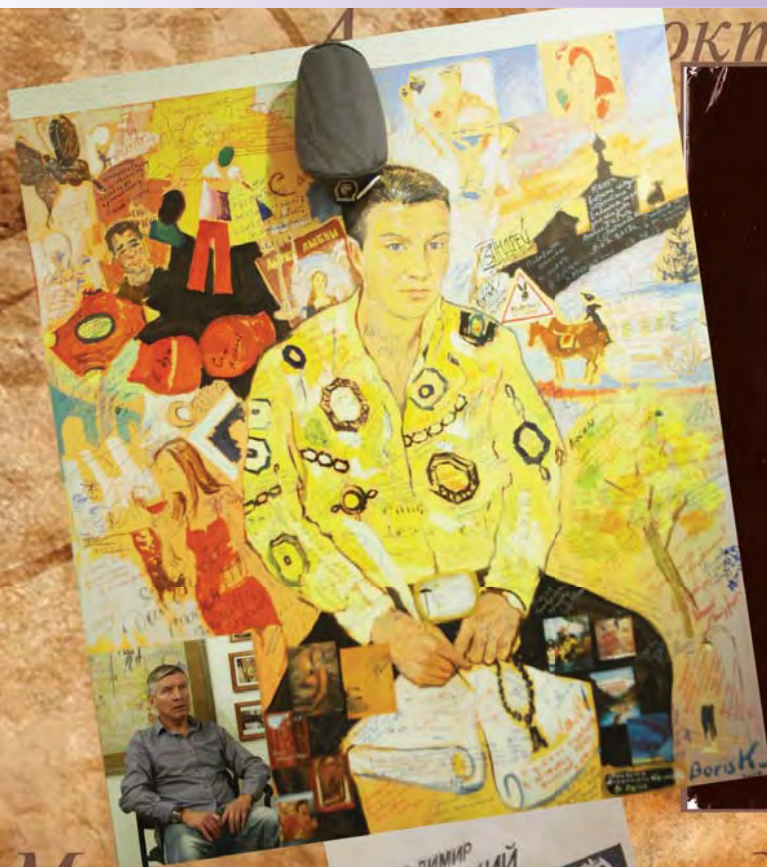
Игорь Михайлов

На стендах «Юности»

Марина МЕДВЕДЕВА
Читайте на стр. 109

Былое и думы

Моих кон
моих следо
...или Гамлет
с Таганки

Александр ШЕЯНОВ
Читайте на стр. 92